АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Л. С. КОВТУН

ДРЕВНИЕ СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИК РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Л. С. КОВТУН

ДРЕВНИЕ СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИК РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1977

К $\frac{70101-519}{042(02)-77}$ 331-76

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Ценность сведений о лексике, собранных в древних словарях, с особой очевидностью предстает не при фронтальном изучении состава какого-то отдельного словаря, даже и ряда их, а при рассмотрении (пусть сравнительно небольшой и избранной условно) части текста какого-либо свода, с достаточной полнотой объединяющего данные старинной лексикографии. Своды такого типа, как известно, имеются в нашем распоряжении. Они получили название азбуковников, или алфавитов. Есть немало вариантов азбуковников. Объединительная тенденция характерна для любого из них и ни в одном словарном жанре древности не проявилась с такой силой и широтой. В азбуковниках сосредоточены не только наблюдения над семантикой иноязычных слов, полученные в итоге весьма активной деятельности переводчиков и справщиков XVI столетия, в среде которых они и были созданы,[1] но также и результаты лексикографических опытов предшествующей поры — эпохи средневековья. Анализ собрания материалов подобного типа однако сопряжен с большими трудностями.

Привлекая для исследований по исторической лексикологии статьи азбуковников, приходится иметь в виду, что в составе этих сводов объединены словари разного назначения и разных периодов, а также глоссы, внесенные русскими книжниками в тексты в течение пяти или шести веков, в том числе и переводы толкований, почерпнутых из византийских, латинских, инославянских и других источников. Материалы такого рода, естественно, требуют исторической корректировки. В азбуковники вовлечены, например, во многих случаях почти без изменений ономастиконы (типа «Рѣчи жидовьскаго языка» и словари-

[1] Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975, с. 6—115, 225—232.

приточники. В объяснительной части их словарных статей сказывается символизирующее и абстрагирующее мировоззрение, которым проникнута средневековая книжность.[2] Наряду с ономастиконами и приточниками в те же своды включены и словари-разговорники (типа «Рѣчи тонкословия греческаго»), которые в толкующей части статей содержат эквиваленты к иноязычным обиходным словам и оборотам и отражают в немалой степени живую русскую речь XIV—XVIII вв.[3] Кроме названных принципиально несходных языковых источников, в азбуковниках сосредоточены еще и обильные славяно-русские материалы с заметной эволюцией к XVI и особенно к XVII в. типов соответствий. Рядом со статьями из словарей XIV—XV вв. и глоссами этого и даже более раннего времени в пространные азбуковники были введены переводы славянизмов на живой разговорный язык, извлеченные из славяно-росских лексиконов Юго-Западной Руси.[4] К середине и особенно к концу XVII в. в азбуковники все чаще и все обильнее включают материалы из живых западноевропейских языков.[5]

Свойственный средневековой лексикографии синкретизм присущ и Азбуковнику. Это качество было воспринято им от словарного дела предшествующей поры, так как Азбуковник был в первую очередь предприятием объединительным, причем широкого хронологического масштаба (XI—XVI, XVII, XVIII вв.). Были собраны глоссы и описательные толкования слов и понятий, которые в огромном числе встречались во многовековой переводной славянской литературе, читавшейся в Московской Руси, использованы и словари предшествующего периода. Сосредоточению материалов способствовали словарные своды разного состава, которые лексикографы могли извлечь из сборников XVI в.

Характер словарных статей в азбуковниках в связи с методами их составления крайне разнороден, в чем отражается не только хронологическое и жанровое расхожде-

---

[2] Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963, с. 166—214.

[3] Там же, с. 318—388.

[4] Там же, с. 311—317.

[5] Алексеев М. П. Словари иностранных слов в русском азбуковнике XVII века. Л., 1968.

ние литературных источников,[6] но и исторически изменчивое отношение к слову и к приемам его описания. Составители азбуковников, однако, не были лишь посредниками, собирателями чужих толкований. При систематизации материала они отработали значительную часть его и прокомментировали, иногда богословски, но чаще филологически.

Материалы старинных словарей, особенно азбуковников, имеют первостепенное научное значение. Они обогащают нас не только регистрацией и толкованием слов древнерусского языка, но дают исключительно важные и надежные свидетельства и о его стилистической дифференциации в среднерусский период.

Для исследования в книге привлечены списки Азбуковника ГПБ O.XVI.1 и Погод. 1143 (последний из них с разночтениями по списку ГПБ Погод. 1648). Списки эти близки между собой, так как принадлежат к одной и той же текстологической группе. Оба они относятся к самому началу XVII в. В них представлен ранний тип Азбуковника, сложившийся во второй половине XVI в. На материалах статей словарных сводов, отраженных в этих списках, будут последовательно рассмотрены: а) заимствования; б) книжные и обиходные эквиваленты иноязычных слов; в) славянизмы и их передача на русский; иные славянские параллели.

Завершая книгу, считаю приятным долгом поблагодарить за содействие в ее публикации чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филина. Выражаю признательность докторам филологических наук Л. П. Жуковской и Е. Э. Гранстрем, кандидату филологических наук И. Н. Шмелевой, сделавшим ценные замечания по ее тексту. Благодарю за неизменное внимание сотрудников Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в фондах которой хранятся анализируемые рукописи.

---

[6] Диапазон читаемой литературы, и соответственно пассивный фонд языка, в то время имел своим нижним пределом XI век, а верхним пределом XVII век.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ

В исследовании «Языковые контакты и заимствования», открывающем цикл очерков по истории лексикологии русского языка XVIII века названы функциональные сферы вхождения в этот период в русский язык иноязычных слов. Выделено 11 сфер (I. Военное дело и война; II. Государство, право, политика, администрация, юстиция; III. Финансы, коммерция, связь; IV. Хозяйство: промышленность, техника, строительное дело; V. Общественный и частный быт; VI. Наука, образование, воспитание; VII. Человек в научном и бытовом освещении; VIII. Природа в научном и бытовом освещении; IX. Число, счет, пространственные и объемные формы и их изменение; X. Обществоведение, культура, искусство; XI. Религия, теология, церковь). В качестве еще одной сферы (XII) названа многозначная и многофункциональная лексика.[1] Установлена и связь с предшествующими периодами развития языка, показано, какие из сфер вхождения и освоения иноязычных лексем были подготовлены в предыдущем XVII в., а также в XVI в. и в более ранние периоды.

Материалы азбуковников могут быть использованы при изучении аспекта исторической преемственности в процессах заимствования лексики. Азбуковники — своды иноязычных слов, которые встречаются в русской книжности с древнейшей поры до середины XVI в. Более поздние из них все интенсивнее включают слова из памятников и XVII—XVIII вв. Важно также отметить непрерывное обновление источников азбуковников в связи с расширением и изменением среды их переписчиков, составителей и владельцев. Эволюционирует и круг чтений грамотных

---

[1] Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Языковые контакты и заимствования. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Л., 1972, с. 101—170.

слоев русского общества.[2] Сказанное особенно приложимо к XVII в. и, соответственно, к более поздним пространным алфавитам иностранных речей. Что касается ранних азбуковников, то их статьи в первую очередь и довольно устойчиво соотносятся с текстами церковной литературы. Словари эти ориентированы в основном на то, чтобы содействовать верному пониманию библейских книг, а также патристики, житий и т. д. Однако и светские книги: Хроники (Царство греческое, или еллинское, и Царство римское), Александрия, Козьма Индикоплов, занимают среди источников первых азбуковников свое, причем достаточно заметное место. Было бы однако ошибочно думать, что нецерковная лексика попадала в алфавиты по преимуществу из них. На полях азбуковников при многих словах даны указания на литературные источники. Из соотнесения их с общим составом словника видно, что основная масса слов, оставшихся без перевода не только в светских сочинениях, но и в текстах церковной книжности, вовсе не связана с кругом конфессиональных понятий. Это — термины военного дела, права, хозяйства, быта, культуры и т. д., то есть лексика, относящаяся к самым различным функциональным сферам. Значительное число слов передает обиходные понятия. Разнообразие сюжетов, которые эти тексты затрагивают, обилие жизненных ситуаций, в них описанных, определяют характер лексического состава этих источников.

Если принять во внимание, что именно церковные книги, в первую очередь библейские, особенно Евангелие и Псалтырь, бытовали на Руси с самой глубокой древности, что и в дальнейшем их копировали в большем числе и тщательней, чем другие тексты, наконец, что книги эти не только чаще читали, но даже и заучивали наизусть, то станет ясным, что употребление в церковных текстах иноязычных слов несомненно способствовало их усвоению, хотя, понятно, далеко не всегда приводило к такому результату. По-иному видимо, следует подходить и к фактам так называемых единичных употреблений. Фиксация слова в письменных памятниках — это свидетельство его наличия в пассивном фонде языка. Соотношение иное, чем в современном языке. Единичность, а также индивидуаль-

[2] Ср. Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Л., 1968, с. 13.

ность, своеобразие слова или его значений теперь, как известно, противопоставляют широте применения, или общей употребительности в национальном языке.[3] Свойства, присущие языку в наше время, не были развиты в нем в донациональный период. Значительное число единиц словарного состава, как исконных, так и заимствованных, имеющих теперь общую распространенность, в древнерусском языке этим свойством не обладали. Вот почему И. И. Срезневский не только описывает в своем словаре[4] все иноязычные слова, употребленные в обследованных им источниках, но разрабатывает в отдельных статьях даже и их орфографические варианты. Словарь дает тем самым возможность изучить материалы многих контактов и причины возобладания одних форм над другими.

Воспроизводя иноязычные слова, писцы нередко их глоссировали. Наличие глоссы при слове в рукописном тексте многие исследователи расценивают лишь как признак того, что слово это не было освоено и требовало пояснений. Однако глоссы мы видим и при самых обычных словах, в понимании которых нельзя усомниться, таких, как *ангел*, *архангел*, *архистратиг*, *сатана*, *пасха*, имевших широкое хождение в древней письменности. В разряд глосс входят и произвольники типа зѣло—велми, тина—грязь, ковъ—лѣсть, оказавшиеся в составе даже самых ранних словарей, например, в «Рѣчи жидовьскаго языка» (XIII в.). Постановка глосс вызвана многими причинами.[5] Во всяком случае надо иметь в виду, что писаны они переводчиками, справщиками и копиистами и многие из них предназначены не только для читателей рукописных книг, а имели и профессиональный интерес: варианты приводились для того, чтобы показать, какой из произвольников был предпочтен другим, из каких материалов был сделан

---

[3] Оба понимания категории национального языка и то, которое предложил Л. П. Якубинский (оно, как нельзя лучше характеризует роль образцового литературного языка в современной языковой ситуации), и более широкое, объединяющее все разновидности языка данной нации (литературный язык в ряду с диалектами, полудиалектами, просторечием, жаргонами) правомерны. Терминологическое разграничение («национальный язык» и «язык нации») могло бы способствовать точности научного общения.

[4] Срезневский И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III. СПб., 1893—1903.

[5] Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963, с. 10—317.

выбор. Тем самым давалось обоснование этого выбора, но вместе с тем предоставлялась возможность пересмотреть его, уточнить при переписке или новом переводе достигнутый результат.[6]

Языковая ситуация, особенно со второй половины XVI в., когда начался длительный процесс сложения языка русской нации и ее литературного (образцового), теперь уже национального языка, была такова, что в течение более чем двух веков у слов любых категорий, в том числе и терминов и названий обиходных предметов (известно, что последние варьируются в пределах речи разных социальных групп), наблюдалась широкая синонимика, непрерывно меняющая наборы обозначений. Дублирующие наименования возникали при восприятии чужих слов и на самых ранних этапах развития древнерусского языка, и в более поздние периоды, особенно в те из них, когда доминировала роль переводной литературы. Число их умножилось в связи с тем, что при обработке функциональных стилей национального русского литературного языка в его орбиту были вовлечены как народная речь, так и ресурсы старославянского языка. Наличие ряда обозначений одних и тех же предметов, признаков и действий явилось основой стилистической и смысловой дифференциации языковых средств. Вхождение в язык иноязычных слов зависело от всех этих обстоятельств. Они должны быть приняты во внимание и при рассмотрении вопроса о роли однократных применений слова в отдельных текстах на ранних этапах заимствования. Есть ли основания воспринимать их как факты, которые могут свидетельствовать о начале освоения языком чужого слова? Значение таких использований [7] проясняется при учете двух условий: а) характера литературного источника, в котором отмечено одиночное употребление; б) того,

---

[6] Там же, с. 216—317.

[7] Единичны ли они в полном смысле этого слова или нет, мы могли бы определить, если б сохранились все тексты и притом была бы обеспечена полнота их обследования. Сказанное существенно дополняет замечание Л. П. Жуковской, сделанное автору этой книги: единичные употребления слов (или отдельные значения) могут быть обусловлены также редкостью самих тем и описываемых ситуаций, которые требовали данного, а не какого-то другого слова. Это связано со спецификой письменных источников, отдаленных по времени от нашей эпохи.

было ли в конечном итоге освоено данное слово, закрепилось ли оно в языке. Показательна в этом смысле история вхождения в русский язык европеизма *библиотека*.

В. В. Акуленко справедливо отметил роль повторных заимствований в усвоении европеизмов в XVII в. и высказал мнение, что первый известный случай фиксации иноязычного слова исследователи нередко абсолютизируют, не учитывая «позднейших существенных изменений его формы и значения».[8] В связи с этим замечанием упомянуто, что до известного периода слова могли применяться лишь окказионально или находиться на периферии словарного состава. Роль этого первого этапа в освоении слова, по мнению автора, невелика. Для многих слов, видимо, это так, но далеко не для всех. В качестве примера автором упомянуты слова *библиотека* и *школа*, названные популярнейшими культурными терминами, пришедшими в русский язык через польское посредство.[9] На основании исследования Е. М. Иссерлин[10] сделано заключение: «Несмотря на употребление первого слова в русском переводе Библии 1499 г. и использование второго в старобелорусских текстах с конца XIV в., оба слова в русском языке XVII в. еще не закрепились и при переводах с польского обычно заменялись другими словами или словосочетаниями».[11] Действительно, в XVI и в XVII в. применяли многие слова для выражения понятия, которое теперь связывается со словом *библиотека*: *книжница, книгохранилница, книгохранителница, книгopoложница, книг хранителница, сложение книжное, книг сокровище*.[12] Многообразие это отражает и словообразовательную гибкость литературного языка той поры, и связанную с ней возможность создания «потенциальных» слов,[13] но вместе с тем и не менее харак-

---

[8] Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, 1972, с. 167.

[9] Там же, с. 168.

[10] Иссерлин Е. М. Лексика русского литературного языка XVII века. М., 1961.

[11] Акуленко В. В. Вопросы интернационализации... с. 168.

[12] Эти синонимы отмечены Е. М. Иссерлин в переводе с польского (XVII в.) сочинения Симона Старовольского «Двор турецкого султана» (Sz. Starowolskiego «Dwór cesarza tureckiego») (Иссерлин Е. М. Лексика русского литературного языка XVII века, с. 61).

[13] Там же.

терную черту этого языка: обычность фактов употребления нескольких даже и многих терминов в одном и том же значении. К их числу относятся и слова, называющие место, где собраны и хранятся книги. Слова эти встречаем и в памятниках более ранней поры. Так слово *книжница* использовано при переводе анализируемого термина в Хронике Иоанна Малалы (XIII в., сп. XV в.): «Въ соборнѣи книжници положити (ἐν τῇ δημοσίᾳ βιβλιοθήκῃ, in bibliotеca publica»)[14] Слово *книгохранилница* — в Описи Иосифова Волоколамского монастыря 1545 г.[15] Термин *книгохранителница* — в тексте Козмы Индикоплова (XIV—XV в., сп. XVI в.), а также в Библии 1499 г.,[16] то есть в книге, где оказалось и единичное употребление слова *библиотека*. Слово *книгохранителница* применил и Максим Грек в своем «Послании к великому князю Василию Ивановичу», написанном по поводу окончания перевода Толковой псалтыри (1521 г.). В Послании говорится о греческих толкованиях псалмов долгое время без пользы лежавших в царской библиотеке: «. . . по многа лѣта въ книгохранителницѣ заключеныхъ бывшихъ и молемъ единымъ въ ядь предлежавшихъ».[17] Свой труд Максим осуществил с помощью новгородских толмачей Дмитрия Герасимова и Власия, участников работ по переводу Геннадиевской библии 1499 г. От них, очевидно, и было воспринято ученым греком слово *книгохранителница*.[18] Однако в том же переводе Библии 1499 г., который, как известно, делался с Вульгаты,[19] употреблено и слово *библиотека*. Оно оставлено

---

[14] Срезневский И. Материалы. . . , т. I, стб. 1396.

[15] Иссерлин Е. М. Лексика русского литературного языка XVII века, с. 61.

[16] Срезневский И. Материалы. . . , т. I, стб. 1395.

[17] Текст Послания цитируется по ркп. ГПБ Сол. 1149/1040, XVI в., л. 4.

[18] То, что слово *книгохранителница* было в употреблении в новгородском ареале книгописания доказывается и применением в нем слов *книгохранилникъ* и *книгохранитель*. Ср.: «(Поставляемый в дьякона) приводиться къ святѣи тряпезѣ съ десна архиерѣевы страны, книгохранильникъ же съ лѣвыя страны. Новг. Чин. XIV в. Дмитрїи книгохранитель. Сбор. Кир. Белоз. XV в.» (Срезневский И. Материалы. . . , т. I, стб. 1395).

[19] Считая, что слово *библиотека* вряд ли было заимствовано русским языком непосредственно из греческого, Е. М. Иссерлин пишет: «О таком непосредственном заимствовании можно было бы говорить на основании русского перевода Библии 1499 г.: състроящи библиотека, събра от стран книгы (Библия 1499 г. Мак. 2.II.13),

без перевода в одной из библейских книг, и тем самым началась его русская история. Е. М. Иссерлин считает, что анализируемое слово должно рассматриваться пришедшим с Запада. «Через латинский язык оно вошло в романские языки (ср. итальянск. biblioteca, фр. bibliothèque), а также в польский (польское biblioteka)».[20] «Для русского языка больше всего оснований считать его пришедшим из польского, — полагает автор, — хотя возможно и одновременное проникновение из других западных языков. Это позволяет рассматривать его наряду с другими европеизмами».[21] Вряд ли однако можно оставить без внимания, что и в русский язык слово *библиотека* пришло через латинский язык, а потом уже было освоено в результате повторных переводов с польского и других языков, так же, как и он, позаимствовавших его из греческого через посредство латинского.

Из материалов азбуковников явствует, что факт первого употребления слова *библиотека* в Библии 1499 г. нельзя отвести в качестве окказионального. Применение слова в одном из переводов Писания, в отдельном абзаце библейского текста, причем с глоссой «книжный домъ», как видим, было замечено книжниками и многократно воспроизведено в словарях. В наиболее ранних из азбуковников (вторая половина XVI в.), к числу которых принадлежат и анализируемые в этой работе ГПБ O.XVI.1 и Погод. 1143, точно скопирована глосса из Геннадиевской библии: [22] «библиотека. книжный до*м*. В Мак. В» (вторая книга Маккавеев, зачало второе), толкуемое слово названо латинским. Статью повторили в том же виде многие азбуковники XVII в.,[23] но в части из них есть добавления и переработки. Ср. Азбуковник БАН Арх. 446: библиотека, до*м* книжный

если бы это не было одиночным употреблением слова до XVII в., к тому же в сопровождении глоссы: книжный дом» (Лексика русского литературного языка XVII века, с. 60). Допустить сказанное было бы неверно еще и потому, что Геннадиевская библия в значительной части переводилась с латинского.

[20] Там же, с. 61.

[21] Там же.

[22] Это обстоятельство имеет текстологическое значение, связывая создание азбуковников данной группы с новгородским книгописанием.

[23] Ср., например, азбуковники ГПБ: Погод. 1145, л. 39; Q. XVI. 2, л. 32 об.; Q. XVI. 21, л. 40; Сол. 13, л. 32, а также БАН Арх. д. 474, л. 4.

или книгохранилня (л. 4).[24] Сделана перестановка слов в описательном определении, и дан синоним, пополняющий уже упомянутую словообразовательную группу (*книгохранилня*, *книгохранилница*, *книгохранителница*). Азбуковник БАН 33.91: библиотека — дворъ печатных книгъ.[25] В толковании отразились исторические перемены в книжном деле.

Остановиться на упомянутых фактах было важно, чтобы показать, что, хотя древние словари включают в свой состав среди других и одиночные употребления иноязычных слов, такие случаи использования слова далеко не всегда должны рассматриваться лишь как окказиональные, несущественные для истории заимствования.

Надо учесть, что единичное применение иноязычного слова в избранных текстах умножалось многократным копированием в азбуковниках, а даваемое ему объяснение помогало усвоению его значения.[26] Все это содействовало вхождению слова в язык, понятно, при наличии и других необходимых условий.

Заметим, что включение слова в азбуковник не является и признаком того, что оно было непонятным или неусвоенным,[27] хотя в старинных словарях, естественно, присутствует, немало и таких слов. Задача азбуковников не была ограничена подобным условием. Лексикографы выбирали из текстов все иноязычные слова, снабженные глоссами и толкованиями разных типов.

Данные азбуковников не могут свидетельствовать ни о широте распространения слова в церковнославянском языке, ни о степени его усвоения древнерусским языком. Вместе с тем в них находим весьма важные сведения о том, что иноязычное слово в сопровождении глоссы, с которой и выписано в словарь, употреблено в той или

---

[24] «Алфавит иностранных речей», БАН Арх. д. 446.

[25] «Алфавит, сказующии толкование иностранных речей, обретаемых во святых книгах русского языка, имущи начало от аза». БАН 33, 91. Данные из этого азбуковника, а также из азбуковников БАН Арх. д. 446 и д. 474 приведены в цитированной книге Е. М. Иссерлин.

[26] Усвоению слова, естественно, способствовало присутствие глосс и в тех книгах, из которых их черпали лексикографы.

[27] Ср. у Е. М. Иссерлин: «Затем библиотека встречается лишь в XVII в. в ряде „Алфавитов“ как слово требующее толкования»... (Лексика русского литературного языка XVII века, с. 60).

иной из наиболее авторитетных и постоянно читаемых книг, принадлежащих к фонду литературы XI—XVI вв., а затем и XVII в., иногда же и в нескольких литературных источниках. Азбуковники отмечали расхождение толкований, соотнося каждое из них с текстом, где оно встретилось.[28]

Чтобы показать ценность сведений о заимствованиях, которые можно почерпнуть в азбуковниках, условно взяты иноязычные слова, усвоенные русским языком, встретившиеся среди первых 500 статей по списку Азбуковника ГПБ Погод. 1143 и соответственно 553 статей по списку Азбуковника ГПБ O.XVI.1, текстологически более раннему варианту свода того же типа.[29] Это составляет менее восьмой части словника каждого из названных словарей. Из них разобраны лишь заимствования, сохранившиеся в современном русском языке.[30]

Рассмотрение сделано в порядке тех функциональных сфер, о которых выше шла речь, с указанием случаев их совмещения и перекрещивания. Более детально говорится, однако, только о первых двух из этих сфер: а) военное дело и война, б) государство, право, политика, администрация.

1. ВОЕННОЕ ДЕЛО И ВОЙНА

Три слова, оказавшиеся в условно избранных словарных отрезках, являются наименованиями военачальников: *архистратиг*, *игумен* (в обоих списках во множественном

---

[28] Если источник не указан, это может означать, что слово попало в азбуковники из более ранних словарей или сводов, объединивших древние глоссарии. Лексикографу не всегда удавалось сделать непосредственное соотнесение словарной статьи с текстом, но во многих случаях отсылка на сочинение, где оказалось иноязычное слово, дана и в тех случаях, когда посредником служили другие словари.

[29] Рукопись ГПБ O.XVI.1 первой пол. XVII в. По каталогу А. А. Гераклитова (Филиграни XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963) водяной знак близок к № 545 (1636—1637 гг.). Рукопись ГПБ Погод. 1143 самого начала XVII в. По каталогу Н. П. Лихачева (Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I. СПб., 1899), № 1735 (1547 г.), № 4125 (1606 г.).

[30] В целях дальнейшего ограничения ориентиром признается наличие слова в «Словаре современного русского литературного языка» (в 17-ти томах). М.—Л., Изд. АН СССР, 1950—1965 (далее — ССРЛЯ).

числе и с опущением начальной гласной — гумени), *гетман*. Еще одно обозначает воинов, по роду выполняемой ими службы: *гусары*.

Слово *архистратиг* одновременно принадлежит к сфере I (военная лексика) и к сфере XI (религия, церковь), слово *игумен* сразу к трем — только что названным, а также к сфере II (термины гражданской власти и администрации).

Статьи, называющие военачальников, таковы:

архистратиг. начало воином сіирѣч воевода — началныи воевода или начало воином;[31]

гумени, предстатели людем или воеводы;

гетманъ, стрелецкои голова или воевода — црвъ велможа.

Существенно само соотнесение в словарных статьях иноязычных и славянских слов. Все три слова из номенклатурной части статей определены одним и тем же словом *воевода*. Наряду с ним даны не совпадающие в своих значениях описательные толкования и терминологические словосочетания: начало воином, предстатель людем, стрелецкои голова. Еще одно — црвъ велможа — дано во втором азбуковнике взамен толкования: воевода. Наиболее конкретны по содержанию толкования, относящиеся к слову *гетман*. В качестве обобщенного наименование военачальника выступает слово *архистратиг*,[32] определение слова *игумен*, столь же обобщенное, лишено при этом ограничивающего признака, который указывал бы на принадлежность именно к военным властям.

За всеми этими словарными характеристиками (как совпадениями, так и отличиями) стоят реальные факты языкового развития. Слово *воевода* избрано в качестве эквивалента ряда иноязычных слов со значением 'военачальник'. Это предпочтение лексемы *воевода* другим словам и оборотам вполне отвечает истории сложения и обобщения его значения в церковнославянском и древнерусском языках. Названное слово было центральным среди иных наименований, передающих анализируемое значение, начи-

---

[31] В случае наличия разночтений на первом месте даны сведения из Азбуковника ГПБ 0.XVI.1, на втором, после тире, — из Азбуковника ГПБ Погод. 1143. Если текст совпадает, он приводится в орфографии списка ГПБ 0.XVI.1.

[32] В Азбуковнике ГПБ Погод. 1143 — уточнение «началный воевода», указывающее на значение приставки архи- и различие в семантике слов *архистратиг* и *стратиг*.

ная с самых ранних памятников славянской письменности до XVII в.[33] Материалы азбуковников, как видим, с этим согласуются. Слово *воевода* получило достаточно широкое значение, им называли всякого полководца, военного предводителя (в памятниках переводной и русской оригинальной письменности).[34] Это значение и отражено в алфавитах. Однако в собственно русских текстах слово *воевода* (в летописях один из самых употребительных военных терминов) получило и другое, более конкретное значение: 'лицо, назначенное князем для командования войском (или частью его)'. Воеводой мог быть и сам князь.[35] В дальнейшем в структуре слова отразились социальные перемены: в XVI в. должностные лица, называемые этим термином, начинают совмещать функции адинистративные и военные — начальник города, уезда и т. д.[36] Все определенней становится его новое значение, появляется иная сочетаемость (ср. *городовой воевода* наряду с *полковым воеводой*, *воевода мѣстный* и его синоним *намѣстникъ*).[37] Процессу его формирования способствовало влияние «уже сложившегося словоупотребления в языке населения Юго-Западной Руси».[38] Не менее важно, однако, учесть, что в переводах (особенно с греческого) слово *воевода* уже несколько веков употреблялось также и в других смыслах: им называли наместника, правителя области, властителя тех или иных земель.

В современном русском языке слово *воевода* — историзм,[39] а также термин, соотносимый с нерусской действительностью.[40]

---

[33] Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке XI—XVII вв. Л., 1970, с. 3.

[34] Там же, с. 233.

[35] Там же.

[36] Там же, с. 234.

[37] Там же, с. 234.

[38] Там же. В памятниках Юго-Западной Руси новое значение слова *воевода* отмечается намного раньше XVI в. Ф. П. Сороколетов приводит данные из грамот XIV—начала XVI в.

[39] В ССРЛЯ *воевода* определено: «*Истор.* Начальник войска в древней Руси и в славянских государствах; с XVI в. до конца XVIII в. также управляющий городом или округом» (т. II, стб. 523). Значение документировано примерами из научной и художественной литературы (исторический роман) (Карамзин, С. Бородин). Встретилось и распространительное применение слова 'лицо, облеченное административной властью, начальник' (Гл. Успенский. Нравы Растеряевой улицы).

[40] В «Словаре русского языка» (в 4-х томах) (Изд-во иностран-

На определенном этапе развития русской военной лексики то широкое значение, которое прежде передавалось словом *воевода*, стало выражаться словом *военачальник*. Впервые оно отмечено в повестях о смутном времени в значении, близком к современному («Военачальника искусна въ бранѣхъ»).[41] Неслучайно однако, что в азбуковниках второй половины XVI в., а затем и XVII в. при объяснении иноязычных слов со значением 'предводитель, глава войска' применено не это сложное слово, а описательное толкование «начало воиномъ» и поясняющий синоним — *воевода*. Этот факт существенно отметить и при исследовании истории слова *военачалник*. Первое из слов, входящих в словосочетание, — *начало*, примененное в значении 'начальник', несомненно почерпнуто из разговорного языка.[42] В конце XVI в. в военном значении применялось и само слово *начальникъ*, а также и терминологическое сочетание *начальные люди*.[43] Образование слова *военачальникъ* и было вызвано стремлением придать широкому значению слова *начальникъ* военную спецификацию.

Среди синонимов, называющих лиц, облеченных властью, которые оказались в избранных словарных статьях, встретилось и слово *голова*. Оно применено при определении термина *гетманъ*. Анализ истории военных

ных и национальных словарей. М., 1957—1961) приведено и такое значение слова *воевода*: 'в Польше — глава воеводства' (т. I, с. 249).

[41] Сороколетов Ф. П. История военной лексики. . ., с. 243.

[42] Ср. одно из толкований этого слова у Даля: 'начальство, власть, бóльшина, старейшина как сила, как право и как лицо'. Среди примеров: «Всякий старшина начало подчиненным своим». Тот же смысл — и в пословичном выражении: «Где хвост начало, там голова мочало» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. II, с. 494). В «Материалах. . .» И. Срезневского слово *начало* в значении 'начальник' отмечено в Житии Стефана Пермского: «К боляром же, к началомъ, властелемъ мира сег былъ намъ заступникъ теплъ» (т. III, стб. 178 (доп.)). В ССРЛЯ анализируемое значение ('о начальнике, распорядителе, главе') приведено в качестве устаревшего — последним в многозначном слове *начало* с примером из исторической драмы А. Островского (т. VII, стб. 649). Расширительное употребление слова в том же значении — в рассказе Мельникова-Печерского: «Уездный суд — всему начало и всему голова» (т. VII, стб. 649).

[43] Сороколетов Ф. П. История военной лексики. с. 243.

терминов показал, что с начала XVI в. можно говорить о формировании у слова *голова* нового значения — 'начальник, предводитель воинского отряда'.[44] Его сложение было подготовлено в известной мере тем, что значение 'глава, вождь' было присуще ему и прежде, оно отмечено уже в Новгородской кормчей 1280 г.[45] Азбуковники дают еще одно убедительное свидетельство о сложении у слова *голова* в XVI в. военного значения. Сочетание *стрелецкой голова* — составной термин, употреблявшийся в ряду других: *пушкарский, осадный, засечный, солдатский, станичный голова*.[46] «Утверждение нового термина в военном словоупотреблении, — как считает Ф. П. Сороколетов, — совпало с развитием нового значения в слове *воевода* 'правитель города и области и начальник местных войск'».[47] Следует отметить, однако, что в определении слова *гетман* в Азбуковнике второй половины XVI в. сочетание *стрелецкой голова* приравнено к термину *воевода*. В связи с этим мы получаем известные данные для уточнения временных границ, в которых проходил процесс дифференциации семантики слов *голова* и *воевода*. Та регулярность, которая проявилась в летописях по спискам XVI—XVII вв. (*голова* — это командир полка (приказа), подчиненный *воеводе*, начальствующему над значительно большими, чем полк, военными силами),[48] была результатом преодоления противодействующей тенденции употребления слова *голова* в более широком значении 'предводитель', принятого в переводных текстах. Синонимом слову *воевода* оно оказывалось в тех случаях, когда это последнее применялось еще и в XVI—XVII вв. в своем исходном значении, основанном на составе слова — 'предводитель воинских сил', поддерживаемом многовековой традицией употребления в текстах той же переводной литературы весьма разнообразных жанров.

В синонимический ряд слов с общим значением 'начальник, предводитель' входит и слово *прѣдъстатель*, которое встретилось в анализируемых статьях азбуковни-

---

[44] Там же, с. 238.
[45] Срезневский И. Материалы. . ., т. I, стб. 542.
[46] Сороколетов Ф. П. История военной лексики. . ., с. 238.
[47] Там же, с. 239.
[48] Там же.

ков в толковании термина *игумен* при объяснении текста из библейской книги Неемии (гумени. предстатели людемъ).[49] Значение 'предводитель' у слова *прѣдъстатель* отмечено в церковной литературе уже в XI в., в Минеях 1097 г., где оно соотнесено по смыслу со словом *архистратиг*. Его исходное значение — 'стоящий пред чем-либо', отсюда и производные — 'настоятель', 'наставник' и 'предводитель'.[50] В современном русском языке этого слова нет.

Славянские слова, которые были рассмотрены выше, даются в азбуковниках в качестве эквивалентов к иноязычным *архистратиг*, *игумен* и *гетман*. Все три слова освоены русским литературным языком и продолжают в нем бытовать, хотя ни одно из них и нельзя причислить к современной системе военной лексики. Азбуковники пополняют материалы по истории заимствования названных слов.

Уже упоминалось, что слово *архистратиг* (из греч. ἀρχιστράτηγος) в одном из азбуковников (ГПБ О.XVI.1) имеет толкование: начало воином сїирѣч воевода, а в другом (ГПБ Погод. 1143) — началныи воевода или начало воином. Уточняющее определение к слову *воевода*, данное во втором азбуковнике, вызвано стремлением передать значение приставки **архи-** (греч. ἀρχί, от ἄρχω — 'иду впереди'). Четкие взаимоотношения между составными терминами, называющими воевод различных рангов, установились к XVII в. Главнокомандующий войском во время военной кампании и в мирное время стал называться *большой воевода*, его отличали от *меньших воевод*. Существенно и другое наблюдение: вплоть до XVII в. в древнерусском языке различались *воевода великии* (главнокомандующий) и *воевода большои* (командующий большим отрядом).[51] Толкователь слова *архистратиг* применил третий из возможных синонимов — *начальныи*, видимо, потому, что в русской языковой практике сочетание его со словом

---

[49] В тексте Библии в синодальном переводе, во второй главе названной книги, на которую и дается отсылка в Азбуковнике, встречаем слова и словосочетания: *областеначальники* (2 р.), *воинские начальники* (1 р.) и *начальствующие* (2 р.) (2.7, 9 и 16).

[50] Срезневский И. Материалы. . ., т. II, стб. 1640.

[51] Сороколетов Ф. П. История военной лексики. . ., с. 236.

воевода не было терминологическим. Анализируемое слово употреблялось в значении 'главный воитель'. В памятниках церковной письменности *архистратиг* — постоянный эпитет архангела Михаила. Слово встречается в Минеях 1095 г.[52] и 1097 г., в Написи на шлеме Ярослава до 1216 г.[53] Наряду с ним в хождении было и слово *стратиг* (греч. στρατηγός), которое уже не имело узкой церковно-литературной приуроченности.[54] В значении 'военачальник' оно отмечено в Новгородской III летописи под 6855 г.,[55] а в более широком значении 'начальник' — уже в Остромировом евангелии.[56] В современном языке слово *стратег* имеет два широко употребительных значения: прямое — 'полководец, знаток стратегии' и переносное — 'прозорливый, опытный политический руководитель'. Исходным выступает значение, которое связывает традицию использования этого слова в старинных переводных текстах с применением в современном языке: 'в древней Греции — военачальник, высшее военное должностное лицо, выбираемое народным собранием' (ССРЛЯ, т. 14, стб. 1003).

Слово *игуменъ* в наших азбуковниках описано дважды, при букве **Г** и при букве **И**, в первом случае без начальной гласной: гумени. предстатели людемъ.[57] Во втором — дан вариант лексемы — игуменъ. В объяснении слова — тот же синоним *прѣдъстатель*, а кроме него, — еще и *наставникъ*. В качестве источника на этот раз видим книгу пророка Иезекииля.

---

[52] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I—IV, М., 1964—1973, т. I, с. 91.

[53] Срезневский И. Материалы. . . , т. I, стб. 31.

[54] У Фасмера слово описано как церк., др.-русск., ст.-слав., употребляющееся в значении 'военачальник, начальник' в Зографском и Мариинском евангелиях и Супрасльской рукописи (Этимологический словарь. . . , т. III, с. 771).

[55] Ср.: «Новгородцы же слышавше и послаша противо имъ Анцыфора Лукинича, . . . а съ ними 4 стратиги» (Срезневский И. Материалы. . . , т. III, стб. 544).

[56] Ср.: «Рече же Іс҃ къ пришьдъшиимъ на нь архиереомъ и стратигомъ цр҃квьнымъ (στρατηγοὺς τοῦ ἱεροῦ) (Лук. 22. 52)». Там же.

[57] Без гласной и пишется это слово и в более поздних азбуковниках, например, ГПБ Погод. 1642, список XVII в. с оригинала 1596 г.: гумени. воеводы и предстатели. В качестве источника названа не книга Неемии, а книга Ездры. Указано, что слово пришло из греческого языка.

В древнерусском языке в лексеме *игуменъ* сошлись омонимы: один из греч. ἡγεμών, другой—из греч. ἡγούμενος,[58] поэтому *игуменъ* в одних текстах означает 'вождь, dux', а других — 'наставник, настоятель'. Сферы заимствований (военная, гражданская и церковная) в этих значениях перекрещиваются. *Гуменъ* как вариант слова *игуменъ* (греч. ἡγούμενος 'предводительствующий') в исторической лексикографии не учтен, однако *гемонъ—гѣмонъ* в качестве орфографических вариаций лексемы *игемонъ* (греч. ἡγεμών, род. ἡγεμόνος 'предводитель') у Срезневского приведены (т. III (доп.), стб. 73). Все колебания в буквенно-звуковом облике двух слов, имеющих разное происхождение, вплоть до временного совпадения в лексеме *игуменъ*, в процессе их освоения были устранены. Четко отработана теперь и их семантика, разошлись и области применения. Слово *гегемон* в значении 'руководитель, вождь' употребителен в современной публицистической и научной (политической) литературе.[59] Слово *игумен*, в отличие от него, окончательно оформилось как термин церковной иерархии в значении 'настоятель мужского монастыря'.[60]

Слово *гетман* в двух сопоставляемых азбуковниках имеет разные определения: в ГПБ O.XVI.1 — стрелецкои голова или воевода, в ГПБ Погод. 1143 — црвъ вел*можа*. Оба азбуковника, как уже говорилось, относятся к ранней разновидности жанра, созданной в пределах второй половины XVI в. Неоспоримо, что для истории слова *гетман* существен факт подобного расхождения толкований (он го-

---

[58] У Срезневского материалы разработаны в одной статье. Ср. и глаг. *игуменити*, соотносимый с греч. ἡγεμονεύειν, и сущ. *игумения*, греч. ἡγουμένη (Материалы. . ., т. I, стб. 1022).

[59] ССРЛЯ, давая в качестве первой лексикографической фиксации слова *гегемон* указание на разработку его в Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова (М., 1934), документирует его употреблением В. И. Ленина, существенным для истории термина на современном этапе развития языка (т. III, стб. 57). Ср.: «Рабочий класс при политической стачке выступает как передовой класс всего народа. Пролетариат играет в таких случаях роль не просто одного из классов буржуазного общества, а роль гегемона, т. е. руководителя, передовика, вождя. В. И. Ленин. Экономическая и политическая стачка. Собр. соч., т. 18, с. 68)».

[60] В качестве первой словарной фиксации слова *игумен* в ССРЛЯ приводятся данные из Лексикона треязычного Федора Поликарпова (1704 г.) (т. V, стб. 88).

ворит о наличии уже в XVI в. двух значений, различающихся, как оказалось, не хронологически, а по области применения). В первом из них упомянуты стрельцы.[61] В Московском государстве второй половины XVI и в XVII в. стрельцы — это особый разряд постоянного войска.[62] Стрелецкое войско делилось на приказы, а во главе приказа стояли *стрелецкие головы*.[63] Терминологическое сочетание *стрелецкои голова* избрано в азбуковнике наряду со словом *воевода* для передачи значения, соотносимого с иноязычным *гетман*.[64] ГПБ О.XVI.1 дает, таким образом, свидетельство о семантике слова, основанное на фактах, современных этапу создания словаря.[65]

У Срезневского слово *гетман* документировано единственной цитатой, приведенной по тексту Истории Государства Российского Н. М. Карамзина: «посла. . . по гетмана своего Яна, Янъ же нача прикладывати къ болячкѣ мастъ обычную (И. Г. Р. VII, пр. 321)».[66] В этом тексте употребление ближе к толкованию, которое дано в другом азбуковнике, ГПБ Погод. 1143: црвъ вельможа,[67] так как

---

[61] Слово *стрѣльць* известно и в ранних летописных записях (в Лаврентьевской летописи под 6601, 6677 гг.). Его исходное значение 'воин, вооруженный луком и стрелами'. О стрельцах упоминается в рассказах о боях с половцами и об осадах городов-крепостей. Термин *стрѣльць* в этот период имеет локальное ограничение: он не употребляется в Новгородских летописях, хотя и был известен новгородскому диалекту, но постоянно встречается в Ипатьевской летописи (в ее галицко-волынской части). Ср. Сороколетов Ф. П. История военной лексики. . . , с. 110, 111.

[62] Одним из наиболее ранних упоминаний о стрельцах в этом значении является сообщение, касающееся второго похода Ивана Грозного на Казань. Оно относится к 1551 г. Там же, с. 205.

[63] Ср.: «Я . . . послалъ къ вамъ ратныхъ людей, съ головами стрѣлецкими, съ Михайломъ съ Соловцовымъ, да съ Лукою съ Вышеславцовымъ, два приказа стрѣлцовъ съ вогненнымъ боемъ» (АИ, III, № 275, 1614 г.). Там же, с. 208.

[64] Слово *гетман* заимствовано из вост.-ср.-нем. hâuptmann 'капитан' (через польск. hetman, чеш. hejtman в том же значении) (Фасмер М. Этимологический словарь. . . , т. I, с. 403).

[65] Такая «современность» свойственна не всем статьям этого и других азбуковников, объединившим данные, почерпнутые из памятников разных эпох. Статьи подобного типа особенно важны для датировки азбуковников. Они указывают на период, не раньше которого были созданы старшие азбуковники.

[66] Срезневский И. Материалы. . . , т. I, стб. 513.

[67] Слово вельможа встречается уже в Изборнике 1076 г., в Ефремовской Кормчей (у вельможь прѣбывати, ἄρχοντας, principes), в словах Гр. Назианзина XI в. (дрьзновение къ властелемъ

речь идет о знатном сановнике, о выполнении функций не военачальника, а придворного. Итак, слово *гетман* оказалось соотнесенным не со словом *воевода*,[68] а со словом *вельможа*, которым обычно переводили греч. ἄρχων 'предводитель, вождь, правитель'. В анализируемых здесь старших азбуковниках встречается толкование и этого слова: архондосъ. кнзь, архонти. кнзю.[69] Сочетание слов «црвъ велможа» тем самым синонимически сближено со словом князь,[70] которое применялось в качестве перевода того же греч. ἄρχων, а также и ἡγεμών, βασιλεύς, для обозначения правителя, властителя, знатного сановника, обладающего как военной, так и гражданской властью. Словом *князь* поэтому нередко пользовались при передаче иноязычных терминов со значением 'военачальник'. Ср., например, толкование слова *архистратиг* в Лексисе Лаврентия Зизания и Лексиконе Памвы Берынды. В первом из них названное слово объяснено: «цѣсаръ, и ты *ж* ста́р'шій кня*з*», а во втором: «найвы*ж*шїй ге*тм*а*н* а̂бо во́д*з* войско́вы*й* а̂бо жо*л*нѣрства маїстеръ жолнѣр*ωм* а̂бо ста́ршїи кня*з*, воево́да.[71] Слово *гетман*,

---

и къ инѣмъ вельможамъ градьнъимъ, δυνατώτατος)), в «Повести временных лет», в Житии Феодосия Печерского (Срезневский И. Материалы. . . , т. I, стб. 240). Слово общеславянское, в Супрасльской рукописи соответствует греч. δυνάστης (Фасмер М. Этимологический словарь. . . , т. I, с. 290).

[68] Ср. в Азбуковнике 1596 г. ГПБ Погод. 1642: гетма*н*. воевода, в группе азбуковников нач. и сер. XVII в., ГПБ Погод. 1145: гетманъ. тысящникъ над воины или воевода, то же в ГПБ Сол. 13, Q.XVI.21.

[69] Так же в азбуковниках ГПБ 1642, Погод. 1145, Сол. 13, Q.XVI.21.

[70] Слово *князь* находим в Остромировом евангелии и других древнейших переводных текстах. Оно широко употребляется в оригинальных русских памятниках, в договоре Олега с греками 911 г. (по Ипатьевской летописи), в договоре Игоря с греками 945 г., в Русской Правде, в Поучении Владимира Мономаха, в грамотах, в летописях и т. д. (Срезневский И. Материалы. . . , т. I, стб. 1401—1403). *Князь* — общеславянское заимствование из герм. яз. (ср. др.-в.-нем. kuning) первоначально — 'старейшина рода'. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961, с. 153.

[71] В качестве источников указаны две библейские книги (Судий и Царств).

объясняемое в русских словарях в качестве иноязычного, здесь само дано в толковании грецизма.

М. Фасмер относил появление термина *гетман* в русском языке к XVII в., фиксируя случаи его употребления в памятниках этого периода (Катырев-Ростовский, Котошихин).[72] Г. Хютль-Ворт полагала, что наиболее ранние случаи использования этого слова падают на середину XVI в. (Пересветов, 1549).[73] Ф. П. Сороколетов считает, что слово могло попасть в русский язык и в начале века, причем не непосредственно из польского, а через украинский язык, так как начиная с XV в. оно широко употреблялось в украинском языке. В XVI—XVII вв. в этом последнем *гетман* получило значение 'выборный начальник, руководитель Запорожской Сечи', а с 1654 г. 'правитель присоединившейся к России Украины'.[74] Именно в этих значениях, относя слово к числу историзмов, описывают его и словари современного русского языка.[75] ССРЛЯ отмечает у слова *гетман* еще и следующее значение — 'командующий войсками в польско-литовском государстве (XVI—XVII вв.)' (т. III, стб. 86, 87).[76] Сведения, даваемые русскими азбуковниками второй половины XVI в. — результаты контактов Московской Руси с этим государством. Сказанное согласуется с выводом о том, что в качестве военного термина вначале слово применялось только для обозначения лиц командного состава польско-литовской армии. Ср.: «гетманъ Желковской воевода кіевской съ великою ратью» (АИ, III, № 72, 1616 г.). Термин *гетман* здесь уже не в своем этимологическом значении 'капитан'; речь идет о начальнике со значительной военной и административной властью. С этим значе-

---

[72] Фасмер М. Этимологический аловарь. . ., т. I, с. 403.

[73] Hüttl-Worth G. Foreign words in Russian. A historical Scetch, 1550—1800. University of California press. Bernelei and Los Angeles, 1963, p. 66.

[74] Сороколетов Ф. П. История военной лексики. . ., с. 277, 278.

[75] В качестве первой словарной фиксации в ССРЛЯ названа статья на слово *гетман* в Лексиконе Федора Поликарпова 1704 г.

[76] Оба значения документированы цитатами из художественной литературы XIX—XX вв. (Пушкин. Полтава; А. Н. Толстой. Петр I; Марлинский. Наезды), следовательно, не могут расцениваться как узко специальные.

нием анализируемое слово и было заимствовано, а затем и освоено в русском языке как наименование высшего чина в казачьем украинском войске.[77] Азбуковники, однако, отметили и еще одно значение, почерпнутое из той же польско-литовской книжности уже в XVI в., — црвъ велможа, которое окончательно утвердилось и получило развитие в русском языке во второй половине XVII в. под воздействием новых социальных обстоятельств, связанных с присоединением Украины к России.

Все три слова со столь различной судьбой — *архистратиг*, *игумен*, *гетман* — связаны в азбуковниках общим в их толкованиях словом *воевода*, о чем уже говорилось. В этом факте с большой достоверностью отражены языковые традиции переводческой литературы. И. Срезневский отмечает, что названное слово со значением 'военачальник' при переводе Писания служило эквивалентом следующих греческих слов: στρατηγός, ἀρχιστράτηγος, ἄρχων, στρατολογήσας, ἡγεμών, σατράπης.[78] Большая часть соотнесений уже разобрана выше. Следует остановиться еще на одном — на толковании в азбуковниках слова *сатрап*. В его определении слово *воевода* отсутствует, военные функции лиц, называемых словом *сатрап* не подчеркнуты. Словарная статья возвращает нас к более широкому значению 'властитель', соединяющему административную и военную власть, которое было отмечено выше и у слова *воевода*: сатрапы. строители земли или властели.

Слово *сатрап* может служить примером весьма заметных перемен, наблюдаемых в экспрессивной окраске значения. Такую же эволюцию претерпели и слова *деспот*, *диктатор*, развившие переносные значения с отрицательной окраской. Разбор семантики этих слов, как и слова *сатрап*, удобнее сделать при анализе лексики следующего раздела, в который входят названия административных чинов. Возвращаясь к военным терминам, отметим, что кроме иноязычных слов со значением 'военачальник' или 'властитель, правитель', в границах условно избранного для анализа словарного отрезка оказалась и статья с толкованием слова *гусары*, т. е. наименования одного

---

[77] Сороколетов Ф. П. История военной лексики. . ., с. 280.

[78] Срезневский И. Материалы. . ., т. I, стб. 280.

из разрядов воинов.[79] Определения в наших азбуковниках и на этот раз заметно разошлись: в ГПБ O.XVI.1 — воины конныя зело честны, в ГПБ Погод. 1143 — воины пѣшiа. Отметим, что второй азбуковник обычно исправляет неточности первого, здесь же, видимо, по каким-то причинам предпочтено иное значение слова *гусары*. В азбуковнике ГПБ Погод. 1143 добавлено еще и указание на язык, из которого заимствовано слово, — ли (то есть, литовское). Толкователь связывал, таким образом, термин *гусары* с письменностью Польско-Литовского княжества.

Наличие статьи, объясняющей слово *гусары* в ранних азбуковниках, подтверждает предположение, что слово это было известно на Руси в первой половине XVI в., хотя лишь с конца XVII в. оно стало термином, обозначающим явление русской жизни.[80] Попав в венгерский язык из славянских (ср. сербо-хорват. chusar 'разбойник', 'вор', др.-русск. хуса 'набег', хусар 'морской разбойник'), слово развило в нем (с XV в.) военное значение 'кавалерист', с которым и перешло в большинство европейских языков, в том числе и славянские. В русский язык попало не непосредственно, а через польский (husar).[81] В «Малой челобитной» И. Пересветова (ок. 1549 г.) употреблено сочетание *щиты гусарские*.[82] У Котошихина [83] — *полская гусарня*. Наличие этого последнего соединения слов Ф. П. Сороколетов рассматривает как признак необычности употребления, «неустойчивости» слова,[84] однако, в связи

---

[79] Сороколетов Ф. П. История военной лексики. . ., с. 259. Автор приводит сведения и из других работ, посвященных историческому анализу этого слова. Специальная разработка этого вопроса сделана Л. Кишем (Заметки по русской исторической лексикологии, Studia slavica, t, VI, fasc., 3—4. Budapest, 1960). Ср.: Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956, с. 221.

[80] По мнению Ф. П. Сороколетова, этапом, к которому следует отнести термин, должно быть признано начало XVIII в., но гусары в русской армии — с 1650 г. по 1917 г.

[81] Сороколетов Ф. П. История военной лексики. . ., с. 259, 260.

[82] Иван Пересветов служил в 1529—1532 гг. венгерскому королю Яношу Заполье.

[83] Котошихин Гр. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4-е. Изд. имп. археогр. комиссии. СПб., 1906.

[84] Сороколетов Ф. П. История военной лексики. . ., с. 260.

с тем, что слово *польскыи* в древнерусском языке имело значение 'полевой' 'земной',[85] нелишне сопоставить названное сочетание с определением слова *гусар* во втором азбуковнике — воины пѣшіа.[86] Во всяком случае подобная замена толкования в Азбуковнике ГПБ Погод. 1143 — факт, который несомненно должен быть учтен при разработке истории вхождения слова *гусар* в русский язык и при характеристике заимствований середины XVI в. Анализируемое слово, понятно, ни до указанного периода, ни в более позднее время не стало общим наименованием конного воина. Речь может идти лишь о функциональном соотнесении русских терминов и иноязычного термина, отражающего чужую действительность. В XI—XIII вв. в зависимости от того, вели ли воины бои в пешем или конном строю, их именовали *пѣшьць* и *коньникъ*. Как варианты указанных лексем выступали слова *пѣшии* и *коньникъ*, *коневьникъ*, *коневыи* (к. XIV в.). К XVI—XVII вв. конные и пешие воины — два особых разряда служилых людей.[87] Всадник, конный воин при этом обозначался старославянским словом *сънузникъ*. Термин встречается в Хронике Георгия Амартола, в Галицко-Волынской летописи. В текстах церковной книжности отмечены и другие варианты слов с тем же корнем. Кроме *сънузьникъ*, еще и *сънузньць*, *сънузьница* ('всадник'), *сънузьныи* (субст. прил.) и *сънузнъ мужь*.[88] Азбуковники отразили и термин *сънузьникъ*, но в толковании дано этимологическое раскрытие слова: снузницы. со҃пряже҃нницы по*д* единъ яре҃м. Приведено и отвлеченное существи-

---

[85] Срезневский И. Материалы. . . , т. II, стб. 1150.

[86] Ср. и такое толкование слова *гусары* в Азбуковнике ГПБ Погод. 1642 (1596 г.): гусаре. треоружныя воины *от* честных дворя҃н кралевски҃х. Слово названо польским.

[87] Сорокоўлетов Ф. П. История военной лексики. . . , с. 104. Автор приводит в параллель ст.-слав. снузь 'конный', совр. русск. узда, укр. вузденіця (Там же, с. 107).

[88] Срезневский И. Материалы. . . , т. III, стб. 778. Для передачи того же понятия 'всадник, конный воин' применялся и еще один заимствованный термин — *фарьникъ* (Ипатьевская летопись) из греч. φάρης, φαρίον 'конь'. Слова *фарь* и *фарисъ* 'конь' отмечены неоднократно — в той же Ипатьевской летописи, в Никоновской летописи, в Девгениевом деянии, в Повести о взятии Царьграда (Там же, т. III, стб. 1352, 1353). Слово приводится в качестве военного термина в книге Ф. П. Сорокелетова «История военной лексики. . .», с. 107.

тельное снузство, которое объяснено двумя синонимами: *сопряженiе* или *сочетание*. Слово *сънузьникъ* не закрепилось в русском литературном языке, в нем освоено, сохранилось до наших дней, другое слово — *въсадьник*, отмеченное в древнейших текстах (Синайский патерик XI в.),[89] но оно не стало военным термином. Общее значение воина на коне получило впоследствии слово *кавалерист*, производное от *кавалерия*, которое заимствовано в конце XVII в.[90] *Гусар* [91] — наименование офицера или солдата кавалерийского полка, но не всякого, а представляющего собой один из разрядов, или видов, легкой кавалерии (внешним признаком являлась форма венгерского образца).[92]

В данном разделе были разобраны некоторые иноязычные термины с общим значением 'военачальник', а также термин, называющий конного воина. При анализе было уделено внимание как номенклатурной, так и объяснительной части словарных статей. Древние словари (особенно азбуковники), как видим, содержат ценные сведения не только по истории заимствований, но и по истории формирования лексического фонда национального русского литературного языка, отработки его системы, так как славянская (русская) часть статей дает через посредство иноязычных слов многократные соотнесения славянских (русских) слов по сходству или различию их значений. Она дает вместе с тем описание семантики лексем не с позиций изучающего их историка, а с точки зрения тех, кто употреблял эти слова в качестве современных терминов.

---

[89] Срезневский И. Материалы..., т. I, стб. 402.

[90] По хронологическому словнику иноязычных заимствований термин *кавалерия* датируется 1698 г. Он происходит из ит. cavalleria. Слово заимствовано через пол. kawaleryja или фр. cavallerie, нем. Cavallerie. В качестве параллелей в словнике приведены: шв., дат. kaval(l)eri, гол. cavalerie. Дериваты: *кавалерский* 1712 г., *кавалерный* 1716 г. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Языковые контакты и заимствования, с. 365.

[91] В русской армии с 1650 г. по 1917 г.

[92] Ср. в Академическом словаре цитату из соч. Мамина-Сибиряка, приведенную в статье на слово *гусар*: «В Царском Селе сосредоточивалось до десяти тысяч отборного войска — кирасиры, гусары, лейб-казаки, уланы, конвой» (ССРЛЯ, т. III, стб. 492).

II. ГОСУДАРСТВО, ПРАВО, ПОЛИТИКА, АДМИНИСТРАЦИЯ

Некоторые из терминов, называющих чины политической и административной власти, уже рассматривались в связи с анализом наименований правителей, сочетающих власть административную и военную. Здесь будут приведены словарные статьи, в толкованиях которых подчеркнуто наличие у лиц, называемых данным термином, политической или административной власти, влиятельность занимаемого лицом социального положения. Отметим среди них прежде всего две: витязе. бояре; дуксь. кнзь.

Слово *витязь* в Академическом словаре определено: 'храбрый воин, герой, богатырь',[93] причем дано указание на его происхождение из скандинавских языков (сканд. viking) и сопоставление этой лексемы со словом *викинг*, квалифицируемой в качестве историзма и истолкованной 'древнескандинавский морской воин'.[94] Этимологи не пришли еще к убедительному решению вопроса о происхождении слова.[95] М. Фасмер приводит параллели из многих славянских языков: украинского, древнерусского, болгарского, сербохорватского, словенского, словацкого.[96] Существенно для нас и его указание на сербский церковнославянский язык, где слово представлено в написании витAзь, в связи с тем, что в Азбуковнике ГПБ O.XVI.1 дано именно такое свидетельство о языковом источнике, откуда почерпнута лексема, — се (то есть сербское). Другой азбуковник, ГПБ Погод. 1143, не повторил этих сведений, но несомненно, что на употреблении слова *витязь* в русской книжности сказывались разные славянские влияния.

---

[93] ССРЛЯ, т. II, стб. 400, 401.

[94] Там же, стб. 370.

[95] В Кратком этимологическом словаре русского языка отмечено, что слово общепринятой этимологии не имеет. «Предпочтительнее всего представляется объяснение слова как общеславянского образования с помощью суф. ędzь (>язъ) от сущ. *vita, калькирующего аналогичное производное герм. яз.». Дается сопоставление с англосакс. viking (Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь. . . , с. 60).

[96] Фасмер М. Этимологический словарь. . . , т. I, с. 322. Указано и на польск. zwyciężyć 'победить', в.-луж. wićaz 'герой', 'крестьянин, арендатор'. Этот этимолог утверждает, что слав. слово *vitędzь — несомненное заимствование из герм. *viking (Там же).

Следует ли считать слово *витязь* древнерусским, как это полагает М. Фасмер, или среднерусским, как сказано в ССРЛЯ? Цитаты, приведенные Срезневским в подтверждение значения, согласуются скорее со вторым предположением. Одна из них — из Хронографа XVI в., где речь идет о греческих воинах «И бяху плѣнили гречестїи витязи Рижеуша попа дщерь Рижеуду». Другая цитата, почерпнутая из Переяславской летописи, «Латына бестудїе възепше *от* худых римлянъ, а не *от* витязей»,[97] дает анализируемое слово в смысле, близком к приведенному в азбуковниках: знатность противопоставлена худородству. *Бояре* были старшими членами княжеской дружины, а не только княжеской думы, поэтому естественно, что в некоторых азбуковниках слово *бояринъ* в определении слова *витязь* стало сопровождаться эпитетом *храбрїи*.[98] На месте прежнего указания на язык появилось иное — **литовской**,[99] то есть слово было соотнесено с письменностью Польско-Литовского княжества, что так же, как и помета се (сербское) не лишено оснований.

Азбуковники, как видим, дают нам сведения о том, какие языковые контакты способствовали усвоению слова и отработке его семантики. Они как бы собирают воедино данные об этих контактах. Не менее ценны для истории заимствований указания на литературные источники. В Азбуковнике ГПБ Погод. 1143, например, так же как и в более поздних ГПБ Погод. 1145 и Q.XVI.2, в качестве текста, в переводе которого встретилось слово витязь, названо «Троянское сказание» («Троя»). Слово было использовано, таким образом, при славянской передаче одного из текстов античной литературы.

Лексема *боярин* в значении ‘представитель высшего сословия’, данная в качестве толкования слова *витязь*, применялась как соответствие греческих ἄρχων. μεγιστάν, συγκλητικός, латинских optimas, dynasta. Эти соотнесения существенны и для истории славянского слова. Отметим также, что в одном из анализируемых азбуковников она дана в форме *бояре* (ГПБ O.XVI.1), в других — в форме *боляре* (ГПБ Погод. 1143, 1145). «Выговор этого

---

97 Срезневский И. Материалы..., т. I, стб. 265.

98 В ГПБ Погод. 1145: боляре храбрїи, в ГПБ Q.XVI.2 — так же.

99 Там же.

слова с ѧ, а не с лѧ, — отмечает Срезневский, — можно считать преимущественно русским; встречается впрочем и в списках переводов греческих писателей».[100] Слово боярин имело широкое хождение, его видим в очень ранних русских оригинальных текстах (в Договоре Олега с греками 911 г. (по Радзивилловскому списку), в «Повести временных лет», в Церковном уставе Владимира до 1011 г., в Новгородской I летописи, в Смоленской грамоте после 1230 г., находим и во многих других договорах, грамотах и летописных записях). Общепринятой этимологии слово не имеет.[101] По мнению Фасмера, старославянское болярinъ — наиболее древняя форма, из которой Ягич выводил древнерусское *бояринъ*, как результат влияния слова *бои*.[102] В современном языке слово *боярин* в значении 'крупный землевладелец, феодал, представитель высшего слоя господствующего класса в древней Руси и в Московском государстве' — историзм.[103] Однако, утратив со временем терминологическую определенность, слово продолжало жить в языке XVIII—XIX вв. в значении 'родовитый дворянин, крупный помещик, барин'.[104] Существенно, что при этом слово *боярин* сохранило среди ведущих примет значения указание на знатность рода, по которому слова *витязь* — *боярин* и были некогда соотнесены в старинных азбуковниках.

Слово *витязь* чаще встречается при изображении русской древности и в русских сказочных сюжетах.[105] У Пуш-

---

[100] Срезневский И. Материалы. . ., т. I, стб. 160.

[101] Некоторые этимологи считают его общеславянским производным посредством суф. -арь от *бои* — 'битва, сражение' и усматривают в нем первоначальное значение 'воин'. Менее вероятным представляется им по лингво-историческим основаниям объяснение слова как заимствования из тюркских языков. (Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь. . ., с. 42, 43).

[102] Фасмер М. Этимологический словарь. . ., т. I, с. 203. По мнению этого ученого, слово *болярinъ* произошло из дунайско-болгарского (тюркского) языка, откуда пришло в старославянский язык.

[103] ССРЛЯ, т. I, стб. 595.

[104] В ССРЛЯ значение документировано цитатой из басни Крылова «Павлин и Соловей»: «Наполнясь мыслию такою, Чтоб выбрать птиц на взгляд, Пришел боярин мой во птичий ряд, С набитым кошельком, с пустою головою» (т. I, стб. 595).

[105] Ср. цитацию в статье на слово *витязь* в том же словаре из сочинений Пушкина «Руслан и Людмила», Рылеева «Наливайко», А. К. Толстого «Курган», Костылева «Иван Грозный» (ССРЛЯ, т. II, стб. 400).

кина оно выступает в значении 'храбрый, доблестный воин', автор называет им, однако, воинов не только русских, но и чужеземных.[106] Слово *боярин*, в основном значении, оказывается применимым лишь по отношению к русским.[107] Иной характер у производных филиаций смысла 'вельможа, родовитый дворянин' и 'барин, господин', в которых анализируемое слово имеет более широкий круг употреблений.[108] Именно в этом значении не избыточным окажется соединение слов *русский боярин*.[109]

В отличие от слова витязь и тем более от слова *боярин* термины *дукс* и *викарий* употребляют для обозначения чинов, принятых в нерусской действительности.

В наших азбуковниках статья на слово *дуксъ* представлена в следующем виде: дуксь. кнзь; доксъ (над строкой: дука — *Л. К.*). княз. Характерно колебание буквенно-звукового состава этой лексемы. У Срезневского представлены варианты *дуксъ* [110] и *доксъ*. Второй из них соотносится с латинским источником (и следовательно не с греч.

---

[106] Ср. в применении к Жанне д'Арк: «Я признаюсь — вечернею порой Милее мне смиренная девица — Послушная, как агнец полевой; Иоанна же была душою львица, Среди трудов и бранных непогод Являлася всех витязей славнее» (Словарь языка Пушкина. М., 1956, т. I, с. 291).

[107] Ср. в сказке Пушкина о рыбаке и рыбке: «В палатах видит свою старуху, За столом сидит она царицей, Служат ей бояре да дворяне, Наливают ей заморские вины». Впрочем, слово *боярин* употребляется в русском языке и для наименования румынских или молдавских бояр. У Пушкина оно дважды встретилось в значении 'дворянин из Молдавии' (Словарь языка Пушкина, т. I, с. 166). В современных русских толковых словарях, в том числе и в ССРЛЯ, это значение не описано (ср. т. I, стб. 595).

[108] Ср.: «Блажен в златом кругу вельмож Пиит, внимаемый царями. Владея смехом и слезами, Приправя горькой правдой ложь, Он вкус притупленный щекотит И к славе спесь бояр охотит». Или: «Богат, умен, ни перед кем Не кланяется в пояс, А как боярин между тем Живет, не беспокоясь» (Словарь языка Пушкина, т. I, с. 166).

[109] «Мне жаль, что нет князей Пожарских, что о других пропал и слух, Что их поносит и Фиглярин, Что русский ветреный боярин Считает грамоты царей за пыльный сбор календарей» (Там же).

[110] Слово документировано цитатами из Патерика Синайского XI в. («бывыи дуксъ, γενόμενος δοῦξ»), из Хроники Георгия Амартола («Костянтину дуксу (τῷ δουκί); съ оружіемъ сіа посла на дукса (κατὰ τοῦ δουκός)»), а также из Златоструя XII в. В сравнение приведены примеры из Супрасльской рукописи (С р е з н е в с к и й И. Материалы. . ., т. I, стб. 742).

δοῦξ, а с лат. dux).[111] В азбуковниках приведен еще один вариант лексемы — *дука*, наиболее близкий к итал. лексеме duca 'герцог'. Языковой источник в ГПБ Погод. 1143 обозначен пометой ри (римское). В современном языке также представлены не одно, а два слова: *дук* и *дюк*. Первое из них квалифицируется в ССРЛЯ как историзм, второе как устаревшее слово. Лексема *дук* с этимологией: итал. duca 'герцог' имеет определение: 'в средневековых итальянских городах-республиках титул носителя верховной власти', лексема *дюк* с этимологией: франц. duc 'герцог' от лат. dux 'вождь' истолкована — 'герцог'.[112]

В азбуковниках варианты *дуксъ*, *доксъ*, *дука* определены словом *князь*, о чем уже упоминалось. У Берынды также приведено слово *дуксъ*, истолкованное словами *вождъ*, *князь*. Общее значение 'властитель' присоединило к словам, почерпнутым из греческого, латинского, германских и иных языков еще и итальянское слово.

Значение 'властитель, правитель' присуще и слову *викарий*. Статья в азбуковниках гласит: викаріе. намѣстникъ.[113] Слово названо не латинским, как это следовало ожидать (vicarius — 'заместитель'), а ели(нским). Языковая помета «обернулась» указанием на литературный источник — Еллинский летописец. Установить это позволил один из пространных азбуковников, а именно ГПБ Погод. 1642, где назван текст, из которого взято слово *викарий*. На полях против указанной статьи значится — црс̑ ели (Царство еллинское). Слово *викарий* в тексте Хронографа могло быть употреблено для обозначения как гражданской, так и церковной должности.[114] В Римской империи, со времени Константина Великого, оно служило наименованием правителей, подчиненных префектам.[115]

---

[111] Цитата из Жития Порфирия, Миней четий за февраль: «имы съ собою ипатика и докса (consularem et ducem)» (Срезневский И. Материалы..., т. I, стб. 694).

[112] ССРЛЯ, т. III, стб. 1154, 1215.

[113] С тем же определением (намѣстникъ) слово приведено в петровском «Лексиконе вокабулам новым».

[114] Еллинский летописец во второй редакции (сер. XV в.) дополнил архетип в частности сведениями по истории церкви. Ср. Творогов О. В. Русские хронографические своды X—XVIII вв., адд. Л., 1973, с. 15.

[115] Prefectus praetorio стоял во главе префектуры (их было четыре в Империи), а vicarius (praefectorum) был во главе диоцеза (так назывались округа, на которые делились префектуры).

В качестве церковного термина слово сохранилось и в современном литературном языке. В ССРЛЯ оно истолковано: 'в восточной (православной) церкви — епископ, являющийся заместителем или помощником архиерея; в западной (католической) церкви — помощник епископа или приходского священника'.[116]

Определение, данное в азбуковниках, не имеет конкретизирующих деталей, скорее может быть названо этимологическим, чем терминологическим. Еще характерней в этом смысле статья, толкующая наименование другого церковного чина, слово *епископ*. Ср.: епс̑пъ. посѣтителъ. Иначе говоря, дан буквальный перевод греческого слова (ἐπίσκοπος от ἐπί — 'над' и σκοπέω — 'смотрю, наблюдаю'). В Азбуковнике ГПБ O.XVI.1, кроме того, есть указание, где читатель может найти при желании пояснение этому толкованию: писано о семъ пространнѣе во азе. Действительно, при слове *архиепископъ* рассказано, почему так назван данный церковный чин: архиепс̑пъ начало посетителем, по грѣчески архъ, а по руски начало, по гречески епс̑пъ, а по руски посетителъ, стїи бо хс̑вы апс̑ли поставляху епс̑повъ по градом да укрепляют вѣрных и да посещают ихъ, рекше назирают, еже ли добре ли хрс̑тияне вѣру хранят, и тїи назиратели по еллински наричются епс̑пы, сирѣч посети[те]ли, но греч̑ски бо епс̑пъ, а по рус̑ посѣтителъ.[117]

Ценны сведения, приведенные в азбуковниках и о словах *сатрап*, *деспот*, *диктатор*. Относительно определения первого из них уже шла речь: сатрапы. строители земли, или властели.[118] Статья снова возвращает нас к значению 'властитель какой-то земли, округа, области', которое развилось, как мы видели, у слова *воевода*, что и позволило наблюдать в его семантике следы социального преобразования, соединения у лиц определенной катего-

---

[116] ССРЛЯ, т. II, стб. 370. В Римско-католической церкви папа — vicarius Jesu Christi, у него — свои викарии, при епархиальных епископах — епископы-викарии и т. д.

[117] Та же статья в ГПБ Погод. 1143 сжата, лексикографически отработана: архіепс̑пъ. т. начало посѣтителем, рекше А [первый] епис̑ном: епс̑пи бо [на поле глосса: посетители] узаконени поставляеми бывати, яко да посѣщают вѣрных, аще добрѣ, еже во ха ба вѣру хранятъ.

[118] Во втором азбуковнике, ГПБ Погод. 1143, синонима властели не дано.

рии функций власти военной и гражданской. Старославянские по происхождению слова *властель*, *властитель* и *властелинъ* имели общее значение (princeps),[119] которое было присуще и русскому полногласному варианту первого из них *волостель* (встречается в Ипатьевской летописи, в Смоленской грамоте 1229 г.), но особенно широкое хождение эта лексема имела в значении 'управитель волости', терминологически соотносимом со словом *намѣстникъ* (постоянно употребляется в договорах, в грамотах, в летописи).[120] *Властель* в качестве синонима к сочетанию *строитель земли* сближается именно с этим более конкретным значением.

Слово *строитель* употреблено в толковании в своем старинном значении, не дошедшем до нашего времени. В глаголе *строити*, помимо тех значений, которые связывают его с современным языком,[121] есть и такие, которые теперь передаются иными лексемами. Среди них — 'устраивать', 'приводить в благоустройство' 'заботиться'.[122] Обобщая, в структуре слова можно наметить два семантических направления, обозначив первое из них как 'воздвигать, сооружать', а второе как 'приводить в порядок'.[123] Что касается существительного *строитель*, то связи с семантикой той же лексемы в современном языке еще более далеки. Все значения древнего *строитель*,

---

[119] Срезневский И. Материалы. . . , т. I, стб. 270—272.

[120] Там же, стб. 292.

[121] Значение 'строить, воздвигать' документировано у Срезневского цитатами из Второзаконья, по списку Библии XIV в. и летописными употреблениями (Материалы. . . , т. III, стб. 554).

[122] Там же, стб. 554, 555.

[123] Оба направления имеют довольно отдаленную связь с тем признаком, который, как считают этимологи, послужил исходным при наименовании действия. Слово *строить* общеславянское, образовано с помощью суф. -ити от *строи*, суффиксального производного, вероятно, от того же корня, что и простирать (Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь. . . , с. 322). *Простирать* — итератив к общеславянск. *prosterti (>простереть) — 'разостлать, протянуть, разложить', префиксальному производному к *sterti — 'стлать, расширять', имеющему индоевропейский характер. Корень тот же, что в *простор*, *страна* (Там же, с. 272). Фиксируя слово *строити* в Супрасльской рукописи, М. Фасмер также считает его общеславянским (приведены параллели из болг. и сербохорв. и словенского в значении. 'улаживать, дубить, колотить', чеш. 'готовить, строить', польск., в.-луж. и н.-луж. 'приготовлять, сооружать (Фасмер М. Этимологический словарь. . . , т. III, с. 780).

кроме 'создатель', соотносятся со вторым из названных семантических направлений. Они таковы: 'устроитель', 'пекущийся', 'заботник', 'начальник', 'распорядитель', 'управитель'.[124] В число звеньев смысловой структуры, объединяемой общей идеей «строитель — лицо, проявляющее заботу, попечение о чем-н.»,[125] естественно входят 'начальник', 'распорядитель', 'управитель'. Семантическим эквивалентом к ним может выступить и сочетание «строитель земли», данное в определении слова сатрапъ.

Слово *сатрап* заимствовано через греческий (σατράπης) из древнеперсидского kšadrapavan 'блюститель страны'. Таким образом, в азбуковниках дан точный перевод иноязычного слова.[126]

Современные словари отмечают у слова *сатрап* два значения. Первое из них — 'правитель области, провинции в древней Персии и ряде других древних восточных государств'.[127] Именно это значение и было описано в азбуковниках XVI в., однако в характерной для старинной лексикографии манере отвлечения от конкретных исторических деталей. В языке нового времени слово *сатрап* развило еще одно производное (по переносу) значение —'деспотический администратор, не считающийся с законами'. Семантическое изменение, происшедшее в смысловой структуре слова *сатрап* отражает среди многих дру-

---

[124] В структуре слова есть и ряд конкретизированных ответвлений тех же значений: 'строитель, настоятель (в монастырях)', 'ключник, эконом', 'казнохранитель' и др. (Срезневский И. Материалы. . . , т. III, стб. 553, 554).

[125] Ср. в современном языке близкое по значениям слово *устроитель*.

[126] У Срезневского слово *сатрапъ* отсутствует. В качестве первой словарной фиксации ССРЛЯ называет статью в Лексиконе треязычном Федора Поликарпова 1704 г. (т. XIII, стб. 201). На самом деле, как видим, слово описано лексикографами второй пол. XVI в.

[127] Значение документировано цитатами из сочинений Крылова («Родился в Персии, а чином был сатрап». Вельможа), Полежаева («Царь на троне сидит; Перед ним и за ним С раболепством немым Ряд сатрапов стоит». Валтасар), из научного сочинения по истории Древнего Востока («Еще Кир образовал из завоеванных стран большие области, во главе которых были поставлены особые правители, получившие у греков название сатрапов . . . Эти сатрапы были своего рода наместниками царя. . . , часто превращались в почти независимых царьков»). Эти цитаты вполне раскрывают и смысл и характер употребления слова в этом значении (ССРЛЯ т. XIII, стб. 200, 201).

гих ему подобных процесс социальной демократизации.[128] В силу узости употребления первого исходного значения (для нашего времени это историзм, научный термин) и в связи с тем, что по употреблению производное значение стало основным, оно уже не ощущается как переносное (значения не соотносятся при использовании слова в речи, двуплановости не возникает). Первое значение служит для второго лишь его этимологическим разъяснением.

Статьи, посвященные в азбуковниках описанию слов *деспот* и *диктатор*, дают еще два наименования «властителей» — деспотъ. вл*д*ка; диктаторъ. единовластец. Значения, приведенные в древних лексиконах, в сущности совпадают с теми, которые находим в современных словарях. Исходное значение слова диктатор в ССРЛЯ — 'лицо, пользующееся неограниченными полномочиями, неограниченной властью в управлении государством'. Следует комментарий энциклопедического характера — «обычно в чрезвычайных политических условиях».[129] Помимо этого дана еще и спецификация указанного значения: «В древнем Риме — должностное лицо, облеченное всею полнотою государственной власти, назначавшееся сенатом в случаях внешней и внутренней опасности, грозившей республике», имеющая ограничительную помету «историзм».[130] Если отвлечься от той временной и локальной определенности, которая внесена энциклопедическими пояснениями, то окажется, что толкования современного и старинного словарей в основном идентичны. Не расходятся они и в указаниях на языковой источник. Слово *деспот* в азбуковниках показано греческим, а слово *диктатор* в одном из них (ГПБ Погод. 1143) — ри(мским), что в соответствии с этимологиями, предлагаемыми и в современных словарях — греч. δεσπότης, лат. dictator.[131]

Слово *владыка*, данное в качестве толкования слова *деспот*, встречается в древнейших памятниках. В перевод-

---

[128] В ССРЛЯ оно подтверждено цитатами из Короленко и Новикова-Прибоя. Ставшее устойчивым сочетание *царские сатрапы* документировано примером из сочинения Волина «Ленин в Поволжье» (Там же).

[129] ССРЛЯ, т. III, стб. 787, 788.

[130] Там же.

[131] Там же, стб. 741, 788. В справочном отделе той и другой статьи дана в качестве первой словарной фиксации статья из Нового словотолка Яновского, 1803 г., т. е. — нач. XIX в., вместо второй пол. XVI в., как это было на самом деле.

ных текстах оно обычно соответствует греческому δεσπότης, лат. dominus.[132] Слово могло означать и властителя, господина, не непременно царя.[133] Глагол *владеть* заимствован из старославянского языка.[134] Слово *владыка* Срезневский и Фасмер сопоставляют с чеш. vladyka.[135]

Слово *деспот*, по Фасмеру, входит в русский язык с XVI в. Оно заимствовано, возможно, непосредственно из греческого (δεσπότης 'господин, повелитель'), но в отрицательном значении усвоено через западные языки; (ср. нем. Despot, франц. despote 'деспот, жестокий властелин').[136]

В качестве определения слова *диктатор* в азбуковниках употреблена заимствованная из старославянского лексема *единовластецъ*. У Срезневского она не описана,[137] но есть *единовластьныи* в значении 'все в своей власти содержащий'.[138] Отметим также факт развития в словах этой группы — *сатрап*, *диктатор*, *деспот* — переносных значений, обладающих отрицательной экспрессией,[139] — отражение в языке новой идеологии.

---

[132] Ср.: «Объштася. . . рабомъ, владыкамъ, убогъимъ, съмѣренымъ, высокъимъ (δεσπότης). Гр. Наз. XI в.» (Срезневский И. Материалы. . ., т. I, стб. 267).

[133] Ср. в Остр. ев.: «Ведомы къ цремъ и владыкамъ (ἐπὶ βασιλεῖς καὶ ἡγεμόνας)». Или: «владыка обладаеши нами (κυριεύων κυριεύσεις ἡμῶν, dominans dominaberis nobis). Быт. по сп. XIV в.». Слово встречается в Изб. 1073, в Ефр. крм. Столь же широко оно употребительно и в русских оригинальных текстах: Нест. Бор. Гл., Кир. Тур. в Новг. I л., Грам. кн. Всевол. д. 1136 г. и др. (Там же, стб. 268).

[134] Он образован от слова *влада* — 'власть' (ср. чешск. vlada), производного посредством темы -а от глагола *власти* — 'владеть, господствовать' (Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь. . ., с. 61).

[135] Срезневский указывает на употребление этого слова в Песн. о суд. Любуш. Фасмер отмечает его в Супрасльской рукописи. Старославянское слово соответствует, по его мнению, греч. δεσπότης. Слав. *voldyka представляет собой расширение основы на -и с помощью суффикса -к. (Срезневский И. Материалы. . ., т. I, стб. 268; Фасмер М. Этимологический словарь. . ., т. I, с. 327).

[136] Фасмер М. Этимологический словарь. . ., т. I, с. 507.

[137] В «Материалах. . .» есть слова *единовластіе* и *единовластьство*: «Се же единовластия, а не бечьстиа имя (συνδεσποτεία). Гр. Наз. XI в.» «Егда убо к бжьству възьримъ. . . и къ единовластьствію. Ио екз. Бог.» (Срезневский И. Материалы. . ., т. I, стб. 811). Слово встретилось в сочинении «Книгы откровения Авраамова» из сборника XIV в.

[138] Там же, т. I, стб. 811, т. III, стб. 99 (доп.).

[139] Ср. описание такого значения у слова *диктатор*: 'о лице, пользующемся большим влиянием в какой-н. области'. «С рабо-

При обозрении двух первых сфер вхождения нетрудно выделить (даже и в условно ограниченном отрезке словарного текста) компактную лексическую группу, — слова, называющие чины военной и гражданской администрации, которые соотносятся во многих случаях также и с чинами церковными. Интерес к терминам, обозначающим светскую и церковную иерархию, был велик и до азбуковников,[140] но они не только восприняли эту тему по традиции от древней лексикографии, но и разработали, причем во многих вариантах.

Здесь были рассмотрены лишь некоторые иноязычные термины со значением лица, обладающего начальственной властью: *архистратиг—стратиг*, *архонт*, *сатрап*, *деспот*, *диктатор*, *игумен*, *гегемон*, *гетман*, *викарий*. Анализировались и их славянские эквиваленты. Среди них оказались: а) общие наименования властителей (*начальник*, *начало*, *голова*, *властель*, *владыка*, *предстатель людемъ*); б) военные термины и их описательные соответствия (*воевода*, *начало воином*, *военачальник*; ср. и конкретизированные в том или ином отношении — *началныи воевода*, *стрелецкои голова*); в) слова, которые называют предводителей, обладающих функциями как военной, так и административно-политической власти (здесь снова должен быть назван термин *воевода*, претерпевший изменения в семантике в связи с определенным ходом развития социальных отношений, что отразилось и в образовании терминологического словосочетания *местный воевода*, равнозначного термину *наместник*, который не однажды встретился, как мы видели, в толкованиях иноязычных слов, обозначающих властителей); по содержанию с ними сближается и соединение слов *строитель земли*; обладание военной и административной властью характерно и для лиц, именуемых *князьями*, *боярами*, *вельможами* (ср. и црвъ велможа);

чими новый диктатор совсем уже не церемонится. Ленин. Трепов хозяйничает» (Словарь русского языка, т. I, с. 538). При характеристике значения не показана его отрицательная экспрессия.

Иначе описано переносное значение слова *деспот*: 'человек, не признающий чужой воли и чужих желаний, подчиняющий других своей, иногда злой воле; тиран' (ССРЛЯ, т. III, стб. 739, 740).

[140] В свое время П. К. Симони указал на то, что в сборниках XV—XVI вв. постоянно встречаются перечни чинов царских и церковных (Памятники старинной русской лексикографии по рукописям XV—XVII столетий. ИОРЯС, 1908, т. XIII, вып. 1).

отсутствие предела в проявлении власти обозначено термином *единовластец*.

Тема власти, степени обладания ею, а также прояснения функций, связанных с тем или иным чином, с выполнением той или иной должности, является самым существенным при лексикографическом описании слов данного разряда.

Перечень чинов получает свое развитие в каждом новом варианте Азбуковника, отражая интересы их составителей, характер привлекаемых литературных источников, зависящих в свою очередь от времени и места их создания. Ср., например, еще две статьи, дополняющие лексическую группу чинов административной власти из Азбуковника ГПБ Погод. 1642: баскаки. т. дворяне црс҇кія, посылаемы на приказ по селом; бурмистръ. болшои цре҇ болярин҇ и правитель земли.

Назовем теперь лишь некоторые лексические группы и отдельные слова из иных сфер вхождения: III. Финансы, коммерция, связь. Большое внимание в древних словарях уделено фиксации денежных единиц, принятых в других странах, и соотнесению их с русскими. В анализируемом отрезке словарного текста оказались два наименования денежных знаков, сохранившиеся и в современном литературном языке: *драхма и динарий* (динаръ). В наших азбуковниках читаем статью: драхма. златникъ болшои. В ГПБ О.XVI.1 слово названо еврейским, в ГПБ Погод. 1143 языковой пометы нет. Литературный источник в том и в другом тексте; лук҇ зач҇ ОИ (Евангелие от Луки, зачало 78).[141]

В разработке слова *динаръ* между азбуковниками есть некоторые различия. В ГПБ О.XVI.1: динаръ. сребреница, а сребра пол полтины, а инде динарем наречет пѣнязъ. На поле дважды дан источник: против слова динаръ — лук҇ МГ (Евангелие от Луки, зачало 43), против слова пѣнязъ — Макс грек҇ МИ (48-е слово Максима Грека).

---

[141] В ССРЛЯ: *драхма* 'денежная единица в древней и современной Греции; серебряная монета соответствующего достоинства' (т. III, стб. 1100). У Срезневского — две статьи: *драхма* и *драгъма*, соотнесенные с греч. δραχμή. Цитаты из Гр. Назианзина с толкованиями Никиты Ираклийского XIV в. («Драхми есть шесть мѣдянъ цять»), из Гр. Назианзина XI в. (Материалы. . . , т. I, стб. 719, 720)

В ГПБ Погод. 1143 *срёбреница* заменено вариантом с суффиксом -ник, а указание на второй источник внесено в текст: дїнарь. сребреник҃, а сребра в не*м* по*л* по*л*тины. Максим Гре҃к в' своеи книзѣ въ МИ҃ словѣ динаре*м* наричe*т* пѣняз.[142] Названные статьи в азбуковниках — в ряду многих других. Ср. в букве А статьи с толкованием слов *аспръ* и *ассария*. Буквального совпадения текста нет и здесь. В ГПБ О.XVI.1: аспръ. аспра по гречески наречется сребряница, еже е҃сть проти҃в копеики. В ГПБ 1143 короче: ас'пръ. гре҄чски аспръ ру҃с [143] копеика. Переработана и следующая статья. В первом азбуковнике: ассария. сребряница, в неи же сребра против гроша. Слово названо еврейским, в качестве литературного источника дан синоксарь. Во втором: ас'сарїа. сребреница противъ копеики, еже по гре҄чски аспрь. Источник: Мѳ Л҃З (Евангелие от Матфея, зачало 37). Таким образом, в ГПБ Погод. 1143 слова *ассария* и *аспрь* соотнесены.

В толкующей части всех перечисленных статей употреблены лексемы: *сребреница — сребреник*,[144] а кроме них и *копеика*, *грош*, *полтина* и *пенязь*.

Отметим, что слова *пѣнязь* и *цата*, имеющие в древних текстах широкое употребление, воспринимаются толкователем как чужие. Ср. пѣнязь҃. пѣнязе*м* наричe*т* не токмо мѣдницу, но и златицу (зла*т*нїцу) и сребреницу, пѣня*з* бо и цата едино е҃с, иностранскӣ бо цата или пѣня*з*, а по

---

[142] В ССРЛЯ: *динарий* 'римская серебряная монета, вошедшая в употребление у греков незадолго до начала нашей эры; римская золотая монета того же веса'. Цитата из Куприна (Суламифь); *динар* 'то же, что *динарий*'. Цитат нет. Этимологическая справка: лат. denarius 'десяток'; греч. δηνάριον (т. III, стб. 793, 794). У Срезневского слово *динарии* в Остр. ев. и др. памятниках (Материалы . . . , т. I, стб. 666).

[143] Последнее слово дано в виде пометы над строкой.

[144] В Словаре Срезневского *сребрьникъ* 'денежная единица у древних евреев'. Датируется в этом значении Остр. ев.: «Възрати Л҃ сребрьникъ архиереомъ и старьцемъ (τὰ τριάκοντα ἀργύρια)». В более общем значении 'серебряная монета' слово встретилось в Житии Бориса и Глеба Нестора, в Ипатьевской летописи (Материалы. . . , т. III, стб. 480). *Сребрьница* у Срезневского только в значении 'серебряная монета'. Слово документировано Житием Нифонта XIII в. и Житием Константина князя Муромского (Там же, стб. 481).

руски сребреница или златница;[145] цата. сребряница или златица (златніца); цаты. денги.[146]

Слово *цата* по преимуществу применялось в памятниках церковной переводной литературы (и ранних, и среднерусских) и испытавших их прямое воздействие. Например, в перефразировке евангельского текста из Послания Ивана IV Кирилло-Белозерскому монастырю, ок. 1578 («Обаче богъ, иже пріемыи вдовицы оноя двѣ цатѣ и яко великъ даръ, вмѣнивъ еи, . . .»); то же и в Сборнике Салтыковых XVI в. Что касается слова *пѣнязь*, то это многозначное слово употреблялось не только в церковных текстах,[147] но и в светских переводных, а также в летописях и в грамотах.[148] В русских памятниках оно встречается с XIII—XIV вв. Слово заимствовано из древне-верхненемецкого pfenning — название монеты, которое соответствует древнесаксонскому penning — 'франк, серебряный динар' (δηνάριον). Поскольку этот денежный знак стал чеканиться впервые около 650 г. н. э., а славянское слово носит следы германского умлаута, то Фасмер считает, что заимствование должно было осуществиться не ранее VIII в. Слово является общеславянским,[149] но между тем,

---

[145] У Срезневского *пѣнязь* — 'динарий, серебряная монета', датируется Остр. ев. Среди цитат пример из Четвероевангелия 1144 г.: «Иже бѣ дължьнъ ему сътьмь пѣнязь» (в Остр. ев. «сътьмь пять»). Кроме этого слово имеет ряд значений, конкретизирующих общее понятие денежного знака 'золотая монета', 'мелкая монета', 'иностранная монета', 'монета', 'деньги вообще' (употр. во мн. ч.) (Материалы. . . , т. II, стб. 1784).

[146] У Срезневского цитаты из Остр. ев., Изб. 1073 г., Пат. Син. XI в., Мст. ев. д. 1117 г., Юр. ев. п. 1119 г., Псалт. толк. XII в., Ефр. крм., Златостр., Ев. 1307 г., Жит. Ниф. XIII в., Ев. Соф. XIV в., Библии (Исход) XIV в., Жит. Андр. Юр. по сп. XV и XVI вв., Жит. Стеф. Перм. и многих других. Из светских памятников — в Хронике Георг. Ам. Летописные примеры — только на значение 'украшение'. То же и в Дух. Дм. Ив. 1509 («Три цаты съ яхонты и съ жемчужинами») (Материалы. . . , т. III, стб. 1436).

[147] У Срезневского — в Остр. ев., Четвероевангелии 1144 г., Триоди XII в., Новг. триод. XIII в., Ев. 1355 г., Панд. Ант. и др. (Материалы. . . , т. II, стб. 1785).

[148] У Срезневского — у Козм. Инд., в Смол. гр. 1229 г., Жал. гр. 1388 г., Игн. Пут. 1392 г., Дог. гр. Пол. и Риг. 1407 г., Псков. судн. гр., Переясл. л. под 6684 г., Псков. I л. под 6917 г., Новг. I л. под 6918 г., Псков I л. под 6979 г. и др.

[149] Ср.: укр. *пінязь* 'полушка', болг. *пенез* 'монета, идущая на монисто', сербохорв. пѐнези *мн.* 'деньги', словен. pênez 'монета', чеш. peníz 'денежка, монета', слвц. peniaz, польск. pieniądz, в.-луж.

как и слово *цата*, оно названо в азбуковниках иностранным. Понятно, что не в силу того, что была известна его этимология, а потому, что обе эти лексемы в переводных текстах постоянно выступали в качестве заменителей названий чужеземных монет, причем не только динария, а и самых различных терминов. Ср.: «трии сътъ цятъ (δηναρίων) Остр. ев.; видѣвъ же ину въдовицу убогу, въмещущу дъвѣ цятѣ (λεπτὰ δύο) Юр. ев. п. 1119 г.; въздаси послѣдьнюю цату (κοδράντην) Ев. Соф. XIV в.; К҃ цата да будеть дидрахма (ὀβολοί) Библия, кн. Лев. по сп. XIV в.»;[150] «съвѣщавъ же съ дѣлатели по пѣнязу на дьнь (ἐκ δηναρίου) Остр. ев.; не пять ли пътиць цѣниться пѣнязема дъвѣма (ἀσσαρίων δύο). Остр. ев.»;[151] «праведному все лѣпо её богатство, невѣрному же не достоить и пѣняз (οὐδὲ ὀβολός). Притч.; драхминъ, еже есть пѣнязь (τὸ μιλιαρίσιον). Козм. Инд.; тържьникомъ расыпа пѣнязя (τὰ κέρμα). Остр. ев.»[152] Широта замен разных денежных единиц и привела к развитию в словах *цата* и *пѣнязь* обобщенных значений типа 'любая мелкая монета' или 'вообще монета', а во мн. числе: 'деньги'. Обобщенный характер значений слов *цата* и *пѣнязь* очень точно уловлен древними лексикографами (ср. в азбуковниках о слове *пѣнязь*, которое названо совпадающим в значении со словом *цата*: «наричет не токмо мѣдницу, но и златицу и сребреницу»). Отмечена обобщающая роль и формы мн. числа (ср.: цаты. денги).

Не менее ценны для истории лексики анализируемой группы конкретные соотнесения чужеземных денег с русскими. В этих случаях в толкованиях оказываются слова такого типа, как *копеика*, *грош* и им подобные. Само употребление слова *копейка* в ранних азбуковниках существенно, так как будучи словом собственно русским, оно, по мнению этимологов, появилось не ранее XV в.[153]

---

pjenjez, н.-луж. pěnez 'монета', полаб. pangs 'пфенниг', первонач. *pěnędzь (Фасмер М. Этимологический словарь. . ., т. III, с. 234).

[150] Срезневский И. Материалы. . ., т. III, стб. 1434.

[151] На слово *ассарии* ἀσσάριον, assarium — греко-римск. монета ценою около одной копейки серебром) — пример из того же Остр. ев.: «Не дъвѣ ли пътици ассарии цѣнимѣ есте» (Там же, т. I, стб. 32).

[152] Там же, т. II, стб. 1784.

[153] У Срезневского на слово *копеика* всего один пример: «Тое же осени хлѣбъ былъ дорогъ, четвертка по 9 денегъ, а овса четвертка по 4 денги, а жита по 6 копѣек. Псков. II л. 7007 г.» (т. I, стб. 1282).

Слово *грош* заимствовано из польского языка. В памятниках встречается с XIV в. Польск. grosz в свою очередь — из чешского языка, в который проникло из романских языков. Первоисточник — лат. grossus denarius 'тяжелая монета'.[154]

Нетрудно привести примеры и из других сфер вхождения, которые с очевидностью показывают, что и материалы древних словарей и их лексикографическая разработка должны быть учтены в исследованиях по русской исторической лексикологии.

Среди них слова аггелъ, агіа граѳа (и граѳиѡ агиѡнъ), адаматъ, адамъ, адъ, акриды, акростихида, аксамитъ, алконостъ, аллилуіа, алфавитъ, амазоники, аминь, анафема, апокалипсисъ, апокриѳатъ, апотеки, апостолъ, араматы, архагелъ, архидьяконъ, архиепископъ, астрологіа, астролози, астрономіа, астрономи, базисъ, бесерменская, бисеръ, вивлия, вириллионъ, врахмани, гаггрена, гардиналъ, гвоздика, генеѳлиалоги, ген'нисисъ, геометрия, германи, гиганте (гиганты), гимвасиумъ, грамотикиа, грипсъ, гриѳонесъ, даѳния, декалитронъ, делѳинъ, диадима, диопатра, дискосъ, дияконию (диаконію) службу, дияконнса (диаконіса), дияконъ (диаконъ), драконъ и многие другие помимо тех, которые представлены в условно избранном отрезке словарного текста. Все эти слова входят в состав современного литературного языка; некоторые из них в буквенно-звуковом составе, который претерпел при усвоении заимствования заметные изменения.

Как предполагают, название монеты объясняется тем, что на ней изображался всадник с копьем в руке. Образовано от слова *копье* с помощью суфф. -ко. Переход слова в ж. р. вызван процессом аналогии (См. Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь. . . , с. 160).

[154] Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь, с. 85. Фасмер приводит в параллель: «укр. гріш, блр. грош». И отмечает, что первоначально слово употреблялось в зап.-русск. и галицийских текстах (Этимологический словарь. . . , т. I, с. 462). У Срезневского — цитаты из Грам. Оты 1351 г., Вкладн. гр. 1377 г., Новг. I л. под 6918 г. (Материалы. . . , т. I, стб. 598).

К ИСТОРИИ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В заметке «Темные слова в русском языке» В. И. Чернышев приводит выражение *крокодиловы слезы* — 'притворные слезы, неискренние сожаления'. Фразеологизм объясним, как считает автор, из старой письменности. В «Повести бывшего посольства в португальской земле» бранденбургский мудрец на вопрос португальского: какие звери являются начальствующими и королями? — отвечает: «. . . в рыбах снедаемых самоубиваемая белуга, в неснедаемых и змиина прирождения — великий кит именитый, иже и *притворный во слезах коркодил*».[1] «Еще яснее говорит Азбуковник, изданный Сахаровым: «Коркодил, зверь водный. . . Егда имать человеки ясти, тогда *плачет* и *рыдает*, а ясти не перестает: а егда главу от тела оторвав, зря на нея *плачет*».[2] В более ранних азбуковниках, которые здесь анализируются, статья предстает в следующем виде: коркоди*л*. звѣрь во*д*ныи, хребе*т* его остръ аки гребень или терние,[3] а хобо*т* змиев, а глава василискова, а егда име*т* члка ясти, тогда плаче*т* и рыдае*т*, а ясти не престане*т*. В качестве литературного источника дано указание на Црс̑(тво) греч̑(еское), то есть на Хронограф.

Как видим, в азбуковниках мы находим не сложившийся фразеологический оборот с его словарным толкованием, а лишь материалы, на основе которых формировалась его внутренняя форма, образная основа идиоматического значения. Для истории русской фразеологии азбуковники представляют в этом аспекте ценные материалы.

---

[1] Сиповский В. В. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб. 1905, с. 273—274.

[2] Чернышев В. И. Избранные труды. М., 1970, с. 307; Сахаров И. Сказания русского народа. Т. II, кн. V, СПб. 1849, с. 166.

[3] В ГПБ Погод. 1143 слово *терние* дано в виде глоссы.

Для того, чтобы восстановить исходный этап в истории того или иного фразеологизма, нередко приходится изучить отношение входящих в его состав компонентов к отдельным словам, семантически или тематически близким, и даже к целым лексическим пластам.

В качестве примера здесь будет рассмотрена лексика, связанная с астрологической темой, и возникшие на этой основе обороты, фразеологическим центром которых являются слова *планида* — *фуртуна* — *счастное колесо*.

Известно просторечное выражение *У каждого своя планида*. Смысл его ясен, а характер применения легко показать на примерах из русской литературы нового времени. Вот два из них: «Уж ежели вам назначено жениться на эфтой самой барышне, своей участи не минете. . . У всякого, Прохор Ильич, своя планида (Н. Успенский. При своем деле); У каждого человека своя планида. И ежели, примерно, сидеть тебе, милый человек, сегодня в части, так ты хоть за сто верст от нее убеги, все к ней же воротишься! (М. Е. Салтыков-Щедрин. Помпадуры и помпадурши)».[4] Добавим к этому и другие фразеологизмы: *колесо счастья (фортуны)*, *родиться под счастливой звездой*, *на роду написано* кому-н., *фортуна улыбнулась* кому-н. и т. д.[5] Обороты с подобными значениями распространены в иных славянских и неславянских языках. Однако в какое время началась их русская история? О начальном этапе, когда нет еще ни отвлечения значения, ни его переносности, ни постоянства формы (для многих из них), находим сведения в азбуковниках XVI—XVII вв. Астрологическая тема занимает в них видное место.[6] Это вызвано распространением в XV—XVII вв. звездочетства.[7] Под воздействием астрологических идей и складывались те понятия, которые станут затем основой фразеологизации некоторых выражений, оставшихся в литературном языке до наших дней.

---

[4] ССРЛЯ, т. IX, стб. 1309.

[5] О некоторых из них см. Фразеологический словарь. М., 1967, с. 267, 390.

[6] Карпов А. Азбуковники, или алфавиты, иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1878, с. 198.

[7] Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. — СОРЯС, т. 74. СПб., 1903, с. 124—148, 409—433; Иконников В. С. Максим Грек и его время. Киев, 1915, с. 260—360, и др.

Среди астрологических терминов в азбуковниках встречаем и такие, которые не имели в русском языке долгой судьбы. Однако для языка XVI—XVII вв. характерны и их большое число, и тесная семантическая связь друг с другом. Вместе с тем трактовка их в словарях говорит о борьбе с идеями звездочетцев.

Значения слов и фразеологизмов, о которых идет речь, сформировались на основе языческих представлений. Многобожїе на три роды раздѣляется: на халдѣяны, на ел'лины, и на егип'тяны. Сїи быша и прочихъ языкъ начал'ницы многобожїю, — сказано в одном из пространных (довольно ранних, судя по тексту) азбуковников. Говорится и о каждом из трех видов многобожия: «Хал'дѣяны боги себѣ нарекоша стихїи небесныя и земныя. Богами себѣ зовутъ нбо, и слнце, и луну, и звѣзды, землю, и воды, и огнь». Но эллины еще безумнее халдеев, так как нарекли себе богами людеи («многи боги мужска полу и женска»). «Египтяне же и тех безумнѣише, боги бо себѣ нарекоша волы, и козлы, змїи, и звѣри, нетопыри, и тряпястоѣ и древеса, и каменїе и прочая».[8]

Итак, астрология — это халдейская прелесть. Но борьба, в сущности, ведется против эллинов и латинян, воспринявших астрологические идеи.

Ссылаясь на Козьму Индикоплова, Азбуковник в статье на слово *планиты*[9] рассказывает: Есть седмь з'вѣздъ, иже на аерных седми поясѣх, каяждо на особномъ поясѣ. Эти звезды перечислены: Арисъ, Ермисъ, Зевесъ, Солнце, Аеродита, Кронъ, Екати (на поле глосса: Луна, — *Л. К.*). Сими звѣз'дами окаяннїи з'вѣз'дослов'цы мнятся угадывати члческїя нравы и счастїя, а не хотят разумѣти, яко не звѣзднымъ движенїемъ, но бжиїмъ промысломъ все житїе члческое строится.[10] И краткие и пространные азбуковники в том же духе толкуют имена каждой из звезд: Ермисъ ес звѣзда тако нарїчема едина от З (7)-ми планит. Ея ж аки бога почитаху древле несмыслении еллини.[11]

Кроме названий звезд, азбуковники приводят и другие астрологические термины. При слове фуртуна упоминается

---

[8] ГПБ Погод. 1145, л. 128, 129.

[9] Новогреч. πλανήτης, ὁ (из более раннего ὁ ἀστὴρ πλανήτης).

[10] ГПБ Погод. 1145, л. 127, 127 об.

[11] ГПБ Погод. 1143, л. 31 об.

о счастном (или звездном) колесе: ѳур'туна. звѣздное колесо, *им* же безумнии звѣздочетцы мнятся угадывати счастїа члскаа.[12] Слово *марменїа* [13] истолковано: планиты, или счастное колесо звѣздное, *иж* латїны нарїчю*т* ѳатунъ или ѳуртуну; марменїиская. звѣздная; марменїа. счастїе.[14]

Добавим еще две статьи из словарного свода при Лествице Иоанна Синайского: генефлїялоги.[15] родословцы, сице именуе*т* планитниковъ, и фуртунниковъ. В том же своде: генефлїалоги родословцы, мнящеися астрологїею учитати счастїя и добродньства члко*м*.[16] Некоторые из пространных азбуковников соотносят со словом *планита* еще и слова *родъ* и *рожаница*: рожаницами ел'линстїи звѣз'дословцы наричю*т* седмь з'вѣздъ, глемых планиты. . .[17] Слова *родословцы*, *родословїе* служат в азбуковниках переводом греческих *генефлиалоги*; слова *рожаница* и *родъ* сами истолкованы в них наряду с иноземными. Эти исконно славянские слова встречаются в древних текстах с тем же значением 'судьба', что и греческое *планида* и латинское *фатумъ* или *фортуна*. Ср.: «Иже въ получаи вѣруют и въ родословие, рекъше въ рожаница и в обаяния» (Рязанская кормчая 1284 г.).[18]

Астрологические идеи порицаются в азбуковниках, наконец, и при перечислении «мафиматикииских» книг. Одни из них называют эти книги черными, т. е. колдовскими: маѳиматикїискїа кнїги. черныа кнїги, *их* же су*т* четыре: арфиматикии, мусїкїи, гїометрии, астрономїи.[19]

---

[12] Там же, л. 53.

[13] Греч. εἱμαρμένη, ἡ 'судьба, рок', позднее μερομέον, τό, причастие εἱμαρμένος 'определенный судьбою' (от глаг. μείρομαι 'получать по жребию, принимать в удел'). Ср. в Словаре Срезневского в статье на слово *родословия*: «Часть, и (и)марменю, и родословью (τύχην καὶ εἱμαρμένην, καὶ γενεαλογίαν, fortunam, ac fatum et genealogiam). Никон. Панд.» (Материалы. . . , т. III, стб. 135). В цитате восстановлена утраченная часть греческого слова (приращение εἰ, в произношении и). Предполагается случайная описка из-за стоящего рядом союза «и». Однако в азбуковниках слова *мармениа*, *марменииская* всюду даны без начальной гласной.

[14] ГПБ Погод. 1143, л. 41.

[15] От греч. γενεθλιαλογία, ἡ 'составление гороскопов'.

[16] ГПБ Сол. 302 (322), л. 249, 257.

[17] ГПБ Погод. 1145, л. 140.

[18] Срезневский И. Материалы. . . , т. III, стб. 134. При слове *рожаница* тот же текст приведен по Новгородской кормчей 1280 г., с определением 'судьба' (Там же, т. III, стб. 141).

[19] ГПБ Погод. 1143, л. 41.

В других, более поздних, добавлено, что книги эти суть планиты, в них же пишеть, яко планитным движенïемъ вся, яж на земли, строятся.[20] Слово *астрономия* здесь переведено как *звездозаконие*.

Мы видим, как вся группа астрологических терминов тесно переплетается в словарных определениях, перекрещиваясь и совпадая в значениях. Так слова *планита* и *марменïа* одинаково значат 'звезда, планета' и 'счастье', имеют еще и третье общее значение — 'книга по астрологии'. Ср.: марменïя. отреченная кнïга, еже ес счастное колесо, еже латина ѳатунъ и ѳуртуною нарицаютъ.[21]

Основной литературный источник сведений по астрологии в азбуковниках — полемические Слова Максима Грека.[22] «Баснословное имя счастия» Максим Грек называет латинскими словами fortuna и fatum.[23] Он дает описание символического облика фортуны и истолкование символа: «Ея же и слѣпу именуетъ нѣкïи мудрецъ еллинскïи именемъ Кевисъ, и на каменѣ сѣдящу оболом (глосса: круглом — *Л. К.*). И слѣпу, убо наричетъ ея во своихъ прелестех, аки бесчинно и безсловесно (т. е. неразумно, — *Л. К.*) и неравнѣ подающу человѣком имѣнïя же и саны властительныя; на оболомъ же камени сѣдящу ея являетъ, за еже дарованиемъ ея не бывати твердымъ, но удобь препадающимъ и ко инымъ преходящимъ». Порицаются и латиняне, изображающие фортуну, направляемую Христом: «Чепïю тонкою от руки стыя его висящею правяща ея и писанною пред нею коло». Таким путем верующие «прельщаеми бывают богомерскою прелестию звездочетскою».[24]

В другом своем Слове Максим Грек дает описание символа *колесо счастья* (*фортуны*). Теперь уже счастье выступает «во образѣ старыя жены, овѣх убо колесомъ

---

[20] ГПБ Погод. 1145, л. 110.

[21] ГПБ Погод. 1642, л. 95.

[22] Взгляды на астрологию Максима Грека возводят к идеям раннего итальянского гуманизма, в частности к трактату Салютати (род. 1331 г.) «De Fato et Fortuna» и другим его сочинениям. См. Иконников В. С. Максим Грек и его время, с. 145.

[23] Слово φουρτοῦνα, ἡ в значении 'буря, шторм' и 'несчастье, беда' есть и в новогреческом. Эти значения также описаны азбуковниками. Ср.: ѳуртуна. облакъ дождевныи, латыня же по звѣздословïю ѳуртуною нарицают счастное колесо и паки ѳуртуна нарицается бурно (ГПБ Погод. 1642, л. 153 об.).

[24] ГПБ Сол. 495 (514), л. 480, 480 об.

возводящїя на высоту славы зем'скїя, иных' же паки *отт*уду низводящїя в послѣднее безславїе».[25]

Итак, уже и из русских источников XVI столетия очевидно, что в основе фразеологизма *колесо счастья* (*фортуны*) лежит символ. Более того, оборот этот, видимо, и тогда обладал известной степенью устойчивости. В послании «к некому иноку, бывшему во игуменех, о немецкой прелести, глаголемеи фуртуне, и о колесе ея» и в других Словах Максим Грек не раз употребляет сочетание слов *колесо счастия* или *счастное колесо!* Ср.: «Вижю тя вослѣдъ идуща еллин'скаго и хал'дѣискаго и латїн'скаго бѣсыобрѣтенаго учительства. Глю о нем же мудръствуеши самъ и иныхъ увѣщеваешъ колесомъ счастїя, глаголемыя по латїн'ски фортуны».[26] Почти всегда рядом с ним другое астрологическое понятие, выражаемое свободной связью слов: *звездное снитие*, *звездное движение*, *звездодвижное обношение*, *схожение планитное*.[27] Исподволь литературный процесс готовил почву и для оборота *у каждого своя планида*. Ср. в Планиднике: «. . .который человек в коем месяце родится и под которою планидою»,[28] в сборнике астрологических статей: «. . .тоже аче хощеши ведати коего человека планиду».[29] И все же у подобных оборотов тогда еще не было характера выражений. Они еще слишком тесно были связаны с темой звездочетства. Потребовались два века и все новые и новые восприятия при контактах с другими народами, чтобы они получили такую широту употребления и такое обобщение значения, которые типичны для фразеологизмов. Ср., например, образные вариации выражения *колесо счастья* (*фортуны*) у писателей XVIII и XIX вв.:[30] «Каким-то образом фортуна, вертясь на курьей ножке, приголубила его» (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву).

---

[25] Там же, л. 471 об.
[26] Там же, л. 479 об.
[27] Там же, л. 152 об. — 153 об.
[28] ГПБ Q.XVII.27, к. XVII в., л. 157, 162.
[29] ГПБ Q.XVII.56, XVII в., л. 1. Оба сочинения отмечены у А. И. Соболевского (Переводная литература. . ., с. 133, 141).
[30] Использованы материалы картотек Института русского языка АН СССР.

Поэтов хвалят всё; питают лишь журналы;
Катится мимо их Фортуны колесо.

(А. С. Пушкин. К другу стихотворцу).

На глазах с повязкой,
Стало быть слепая,
Едет где попало, день и ночь зевая,
Глупая фортуна.
Ею прихоть правит, —
На одних наедет — колесом раздавит.
На других наткнется — вдруг начнет бросаться
Золотом, чтоб только поскорей убраться.

(Полонский. Кузнечик-музыкант).

При фразеологизации обороты развили и другой тип синтаксических связей. Ср.: «Колесо счастья п о с л у ж б е. . . повернулось в его пользу» (Л. Толстой. Война и мир).

Что касается символа, лежащего в основе выражения *колесо счастья*, то к нашему времени он стал уже фактом истории языка. Ср. истолкование фразеологизма *колесо счастья, колесо фортуны* в Академическом словаре: 'О судьбе, ее превратностях (от изображения фортуны, стоящей на шаре или колесе)'.[31]

Наблюдения над текстом азбуковников, таким образом, убеждают, что в древних словарях есть ценные данные не только по истории слов, но и по истории русской фразеологии. Особенно существенны из них те, которые касаются слов, ставших в ходе развития языка семантическим центром выражений. Не менее ценны и сведения о лексических пластах, на основе которых, как это можно было наблюдать при анализе оборотов, связанных с астрологической темой, возникали фразеологизованные значения. Ср. в этой связи и словарные разработки, посвященные в современных словарях и в азбуковниках слову *химера*. Названная лексема теперь толкуется: 'в древнегреческой мифологии — изрыгающее пламя чудовище с головой льва, козьим туловищем и хвостом дракона'.[32] В азбуковниках: химерь (химеръ). химер' есть звѣръ (звѣрь) спреди левъ, созади драконъ, рекше змїи, среда же химеръ. В ГПБ Погод. 1143 указан литературный источ-

[31] ССРЛЯ, т. V, стб. 1153.
[32] ССРЛЯ, т. XVII, стб. 126.

ник: Гри бгоС Ѳ (т. е. 9-е Слово Григория Богослова, одно из 12 Слов Григория Назианзина).

В более поздних азбуковниках указаны античные истоки символа: *химера* спереду левъ, а сзади змïи, а въ срединѣ коза. Богословъ же отъ Омира вземъ таковую рѣчь, онъ бо глаголетъ, еже огнемъ дыхати ему. (ГПБ Сол. 18).[33]

Современная лексикография дает широкую документацию к различным употреблениям слова *химера*. Помимо основного значения описано возникшее на основе символа производное — 'пустая мечта, игра фантазии, плод воображения'. Ср.: «Пусть мудрецы все за химеру Считают блага жизни сей; Не нам их следовать примеру В цветущей юности своей. Рылеев. К другу».[34] В пределах названного значения в ССРЛЯ рассмотрены и выражения *жить химерами*, *строить химеры*, *гоняться за химерами* с цитатами из сочинений Лермонтова и Брюсова, а также устойчивые обороты *любовная*, *вакхическая химера*, подтвержденные примерами из Огарева и Луначарского. Оттенок этого значения 'о намерениях, планах и т. п., нереальных, сумасбродных, осуществление которых невозможно' подтвержден употреблениями Добролюбова, Л. Толстого и Фурманова. Отмечен и оборот *человек химеры* с цитатой из Ленина: «. . .Маркс и марксисты вовсе не были людьми «химеры», когда отстаивали «план» великогерманского демократического государства (т. 18, с. 304)».[35]

К фонду идиоматики языка относятся и слова, обладающие символическими значениями, служащие основой различных образных уподоблений. К лексике этого типа принадлежат *феникс*, *саламандра*, *кентавр* и им подобные.

Слово *феникс*, как и *химера*, достаточно широко используется в современном языке. Помимо значения 'мифологическая птица, сжигающая себя и возрождающаяся из собственного пепла', его применяют и в качестве символа бессмертия, обновления, возрождения. Оно доку-

---

[33] Карпов А. Азбуковники, или алфавиты, иностранных речей. . ., с. 277.

[34] ССРЛЯ, т. XVII, стб. 126. Слово заимствовано из греческого (χίμαιρα). В качестве первой словарной фиксации дана статья из «Дополнений к церковному словарю» Алексеева (1776 г.).

[35] ССРЛЯ, т. XVII, стб. 126, 127.

ментировано в словарях цитатами от Пушкина: «. . . в них [прокламациях] сказано, что . . . феникс Греции воспрянет из своего пепла» (Письмо А. Н. Раевскому, март 1821) до Луначарского: «Сто лет для неумирающего общественного учреждения — это, быть может, только отрочество, это, может быть, только срок нового погружения феникса в обновляющий костер» (О театре).[36] В XIX в. было в ходу еще и расширительное переносное значение. Фениксом называли того, кто незауряден, или нечто выдающееся, исключительное. «Честь имею вас друг другу представить. Оба ученые! Это даже феникс (Тургенев. Дым)». На активность использования в этом значении указывает развитие грамматической приметы, управления род. пад. сущ. (феникс *чего*). «Мы должны сказать, что нисколько не почитаем этого перевода совершенным переводом или чудом, фениксом переводов (Белинский. «Гамлет» . . . Шекспира)».[37]

В азбуковниках рассказана легенда о птице фениксе и объяснен религиозный смысл связанного с ней символа:[38] финиксъ. финискъ (финиксъ). птица единогнѣздница су*т*, не имѣе*т* подружия, ни ча*д*, но сама токмо во свое*м* гнезде пребывае*т*, а пищу твори*т* себѣ лѣтающи в кедры лива*н*ския и тамо облетающи исполняе*т* крылѣ свои арама*т* и тако всегда блговонна су*т* ес҇ть. Егда же состарѣется, возлетае*т* на высоту и взимае*т* *от* огня нбс҇наго, и тако сходящи зажигае*т* гнѣздо свое. Ту ж и сама сгарае*т*, но паки в пепеле гнезда своего ражается черве*м*, и в то*м* черви паки бывае*т* птица, и той *ж* пото*м* той *ж* нравъ, то же естество има*т*. Сия убо птица пре*д*лежи*т* во обра*з* истинновѣрующи*м* во Хс҇а. Аще бо и мч҇ние за Хс҇а прияша, но болшую пищу рая приобретоша и во блгоюхание пища во*д*воришася. В ГПБ Погод. 1143 дан и литературный источник: «Полїя».

В других случаях раскрытие в азбуковниках символического смысла слов принимает бытовой или энцикло-

---

[36] ССРЛЯ, т. XVI, стб. 1306, 1307.

[37] Там же. Слово заимствовано из греческого (φοῖνιξ). В качестве первой словарной фиксации дана статья из Лексикона треязычного Федора Поликарпова (1704 г.).

[38] Символ вечного обновления в виде птицы, сжигавшей себя и снова возрождавшейся из пепла, заимствован христианством из древнеегипетской мифологии.

педический оборот. Нередко при этом опущено даже и указание на непосредственный повод таких толкований. Ср. статью на слово *каламандра* (*саламандра*): каламандра. черви *иж* во огни ражаются и во огни животъ (живу*т*), а бе*з* огня не могу*т* живи (живы) быти, а точа*т* нити, аки шо*л*къ, в ни*х* же тоземцы порты строя*т*, и*х* же цѣна дражаиши всякоя цены. Тѣ *ж* порты, аще буду*т* кални, нелзѣ и*х* мыти ничем же, но воврещи и*х* во оѓнь, да ся ра*з*жгут и тѣ*м* паки чисти (чисты) буду*т*. Источник назван в ГПБ Погод. 1143: црс(тво) еллин(ское), то есть Хронограф.

Наряду с основным значением слова *саламандра* 'хвостатое земноводное, похожее на ящерицу', современные словари поясняют и его символические применения. Ср. в ССРЛЯ: 'в средневековых поверьях и магии — дух огня'. «Ну что такое саламандра? Это есть только символическое слово, под которым наши мудрые понимают иногда действие огня в нашем деле, а иногда и самый камень, потому что он горит в огне, не сгорая. (В. Одоевский. Саламандра)». О саламандре как о духе огня говорится и у А. Н. Толстого («Похождения Невзорова»).[39]

В старинных словарях вместе с тем находим данные о вариантах наименований того или иного символического образа. Такова, например, статья в азбуковнике ГПБ Погод. 1642: онокентавръ. китоврасъ.[40] В современных словарях лексемы *кентавр* и *центавр*, означающие 'в греческой мифологии — существо с конским туловищем и человеческой грудью' описывается раздельно. Второе из слов характеризуется как устарелое. «Кентавра мстящий дар, ревнивою любовью Алкиду передан (Пушкин, Из А. Шенье)».[41] В форме *центавр* [42] лексема входит в тер-

[39] ССРЛЯ, т. XIII, стб. 60, 61. Слово заимствовано из греческого (σαλαμάνδρα). В качестве первой словарной фиксации названа статья из Лексикона Вейсмана (1731 г.).

[40] Ср. и в Азбуковнике РПБ Сол. 18: онокентавръ. звѣрь китоврасъ. Отмечено в книге: К а р п о в А. Азбуковники, или алфавиты иностранных речей. . . , с. 276.

[41] ССРЛЯ, т. V, стб. 925. Слово заимствовано из греческого (κένταυρος). В качестве первой словарной фиксации дана статья из Словаря Нордстета (1780 г.).

[42] В ССРЛЯ (т. XVII, стб. 634), примеры из Мусоргского (Письмо М. И. Федоровой и П. А. и С. П. Наумовым, 3 авг. 1879 г.) и Горбунова («О неком зайце»). В качестве первой словарной фиксации приведена статья в Словаре Академии Российской (1794 г.).

минологическое сочетание *созвездие центавра*. Слово *китоврас* в этих словарях не приведено. Но ср. у Срезневского: *китоврасъ* — 'κένταυρος, centaurus, баснословное существо (ки + тавросъ)'. Цитаты из Григория Назианзина с толкованиями Никиты Ираклииского XIV в.: «Нѣ *от* коего коня, китовраса именуема», а также из Хронографа 1494 г. и других текстов, среди которых есть и азбуковник в списке XVII в. Сказано, что слово *китоврасъ* истолковано в нем словами *кентавръ* и *онокентавръ*.[43]

Таковы литературные и лексикографические традиции некоторых фразеологизмов и слов-символов, связанных с античной и средневековой мифологией.

---

[43] Срезневский И. Материалы. . ., т. I, стб. 1210.

СЛОВА ИЗ РУССКОЙ ОБИХОДНОЙ РЕЧИ

(эквиваленты иноязычных слов)

Один из первых исследователей русских азбуковников XVII в. А. Карпов пришел в недоумение, найдя в их составе лексику, которую едва ли можно встретить в литературных памятниках. «Мы имеем в виду по преимуществу многочисленные слова и выражения, взятые с греческого языка, из коих составители азбуковников хотели как будто составить самоучитель греческого языка с русской транскрипциею слов», — писал он.[1] Источник, откуда попали эти материалы в азбуковники, был раскрыт Н. Никольским, определившим и их назначение. Оказалось, что одним из лексикографических источников азбуковников был словарь XV столетия «Рѣчь тонкословия греческаго». Его создатель — русский человек, проживший довольно долго на Афоне. Этот словарь — собрание наиболее употребительных выражений, необходимых при общении с греками, дорожный разговорник, «приноровленный к домашнему и деловому быту путешественника по православному югу».[2] «При частых сношениях с Грецией такие справочные книжки должны были в Древней Руси стать настоятельной потребностью. Русские издавна славились быстрым усвоением иностранных языков, но это усвоение обыкновенно достигалось ими не в школе. . . В Московском государстве языки изучались практически через непосредственные сношения с «немцами» (т. е. иностранцами»).[3]

Что же побудило лексикографов XVII столетия ввести материалы разговорника, созданного два века назад,

---

[1] Карпов А. Азбуковники, или алфавиты, иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1878, с. 182.

[2] Никольский Н. К. «Рѣчь тонкословия греческого» (Русско-греческие разговоры XV—XVI вв.). СПб., 1896, с. I.

[3] Никольский Н. К. «Рѣчь тонкословия греческого». . ., с. 3.

в состав азбуковников? Макс Фасмер, издавший «Рѣчь тонкословия греческаго» (вслед за Н. Никольским и П. Симони) и изучивший его греческую часть,[4] отметил, что она была так обильно использована в русских глоссариях и словарях XVI—XVII вв., как будто бы все без исключения греческие слова принадлежали к словарному составу русского языка. То есть, в сущности, пришел к выводу, обратному в сравнении с тем, что был высказан А. Карповым, назвавшим эти материалы «роскошью» наших азбуковников.

Следы русской истории греческой лексики, о которой идет речь, неожиданно обнаружились в записях русской разговорной речи XX в., но не в разговорах образованных людей и даже не в диалектном или полудиалектном употреблении, а среди арготических слов, записанных в наши дни В. Д. Бондалетовым [5] и его учениками.

Мы знаем, что в литературном языке есть грецизмы, попавшие в него из бытовой речи. Ср. примеры из словаря «Рѣчь тонкословия греческаго» [6]: огурцы — ἀγγούρια (ангурїа), свекла — σέβοκλα (севокла), кад' — κάδος (кадос), скамья (стул') — σκαμνί (скамни), корабль — καράβι (кораблеи пришло много и всего принесли много καράβια ἤλθασι πολλά καὶ πάντων ἤφεραν πολλά), трапеза — τράπεζα (стави трапезу, θὲς τραπέζι) и др.[7] Однако грецизмы, которые попали в арго, не проникли в книжный язык, даже и в диалекты. Это глаголы самого широкого употребления, соответствующие русским *брать*, *давать*, *говорить*, *молчать*, *есть*, *пить*, *знать*, *идти (ходить)*, *работать*, *спать*, *умирать*, *бить*, *вставать*, *купить (продать)*, *мыть*, *курить*, *петь*. Среди существительных — назва-

---

[4] Vasmer M. Ein russisch-byzantinisches Gesprächbuch-Beiträge zur Erforschung der älteren russischen Lexikographie. Leipzig, 1922.

[5] Бондалетов В. Д. 1) Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев. Л., 1966; 2) Условные языки русских ремесленников и торговцев. Рязань, 1974; 3) Греческие элементы в условных языках русских торговцев и ремесленников. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку, вып. VIII. М., 1972, с. 19—62.

[6] Здесь и далее материалы словаря «Рѣчь тонкословия греческого» приводятся по изданию М. Фасмера.

[7] Ср. также у Фасмера — в разделе «Народные заимствования» (Фасмер М. Р. Греко-славянские этюды. Вып. III. Греческие заимствования в русском языке. СПб., 1909, с. 4—5).

ния одежды, утвари, пищи, частей тела, явлений природы, животных и насекомых, термины родства. Есть числительные: *один*, *два (две)*, *четыре*, *пять*, *десять*, местоимения: *я*; прилагательные и наречия: *малый (небольшой)*, *злой*. При всей неполноте этих материалов не может быть сомнения, что грецизмы оказались в основе названных арготических систем. «Заимствования из разных языков-источников были произведены в различные периоды, — пишет В. Д. Бондалетов. — Древнейшими в наших арго являются греческие слова (приобретение ранних грецизмов относится примерно к 14 веку, к этому же времени, возможно, следует относить и отдельные тюркские и финно-угорские включения. Основная же масса тюркизмов, а также финно-угорских элементов приобретена позднее. Что касается многих чувашских, удмуртских, цыганских, немецких, а также белорусских и украинских включений, свойственных отдельным вариантам арго, то их появление приходится на еще более поздний период (18, 19 и даже 20 вв.)».[8]

Сопоставление грецизмов в русских арго и данных из разговорника XV в. позволяет увидеть начальный этап бытования этих слов среди русских. Усваивая при сношениях с Византией, с Афоном бытовую греческую речь (диалекты среднегреческого и новогреческого языка), наши соотечественники у себя на родине могли применять эти знания для образования тайных, профессиональных языков. Остатки арго, сохранившиеся до наших дней, — раритеты средневековья.

Однако можно ли связать интересы грамотеев, составивших в XVI—XVII вв. обширные словарные своды, азбуковники, и потребности бродячих купцов — коробейников, офеней? Записи и приписки владельцев азбуковников дают представление о социальной среде, в которой они были распространены. Вот некоторые из них.

В ркп. ГПБ Погод. 1145: «. . . сыну Рукавишникову, а взялъ за сию книгу шездесятъ алтынъ» (л. 86); в ркп. ГПБ Q.XVI.9: «Сїя книга, глаголемая алъфавитъ, списана бысть въ Двиньскомъ уѣзде на Пѣнежскомъ волоку, на Черной горѣ, въ монастырѣ Пречистые Богородицы честные и славныя ея похвалы, а списывали сїю книгу,

---

[8] Бондалетов В. Д. Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев, с. 17.

алфавитъ, кеврольцы, Алексѣй Ивановъ сынъ, зовомый Ловцовъ, да сынъ его Харитонъ своею рукою, про себя, лѣта отъ созданія мира 7156-го (1648), месяца июля» (л. 52 об.). В той же рукописи еще одна приписка: «Сию книгу, глаголемую алфавитъ, продалъ Олешка Ивановъ, сынъ Ловцовъ, черному священнику Рафаилу» (л. 3 и след.). В ркп. ГПБ Q.XVI.8 под строкою, начиная с первого листа, запись о том, что словарь принадлежит вологжанину Прошлецову «гостиные сотни».[9]

Несомненно, что греческие слова и фразы в составе азбуковников представляли практический интерес для их владельцев. Причем слова эти здесь еще очень близки по звуковому составу и смыслу к тому состоянию, в каком были почерпнуты в греческой среде. Но долгое пребывание грецизмов в арго произвело разительное перемены: исходные слова в словообразовательных гнездах имеют множество звуковых вариантов, а вокруг них — большое, иногда огромное число образований, созданных по моделям русского языка. Два-три примера из исследования В. Д. Бондалетова в сравнении с данными «Рѣчи тонкословия греческаго».

аласть (алчь, галость, галусница, галыс, галысь, галысть) — соль; галыстить — солить (и многие другие варианты и образования типа: доялостить — досолить, заялостить — засолить и т. д.). Р. т. гр.: соль. алас\` — ἅλας;

гальмо (галим, галима, галимо, галымо, галье, гальмина, гальчино, кальмо) — молоко; гальмошник — молочник, погреб (где ставят молоко), гальможный — молочный, гальмошница — грудь женская; ср. также галье— белье. Арготизм восходит к греч. γάλα 'молоко'. Р. т. гр.: млеко. гала — γάλα;

зетить — говорить. Здесь огромное гнездо слов (в том числе и немой — незетун). Весь длинный ряд лексем автор возводит к греч. ζετῶ (мариупольск.) ζετῶ 'прошу'. Р.т.гр.: Даи ему что просит\`, дос\` тон\` ти зита — δός τον τί ζητᾷ;

карец — девушка. Также очень большое гнездо (в нем даже и корьяк — парень). Восходит к греч. κόρη 'девушка', 'дева', ср. и κορίτσι 'девочка'. Р. т. гр.: дѣвька. корици — κορίτσι. Того же типа и другие примеры.

---

[9] Пруссак А. В. Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделении имп. Публичной библиотеки. СПб., 1915, с. 5, 13.

Сопоставления подобного рода дают ценные материалы, проясняя сложные и долговременные процессы, которые протекали в период сложения русского национального литературного языка, хотя и оставались на периферии течений, непосредственно с ним связанных.

Из словарей-разговорников, понятно, можно извлечь не только сведения по истории русских арго, но и факты прямого взаимодействия разговорной речи с книжным языком (русским и старославянским).[10] Заслуживает внимания употребление в «разговорах» тех слов, которые, как известно, были усвоены через литературные источники (например, *ангел*, *келия*, *монастырь*, *игумен*, *елей*, *фимиам*, *лампада*, *генварь*, *март*, *сентябрь*, *ноябрь*, *декабрь*, *мрамор*, *сандалия* и т. д.,[11] а также и таких слов, корни которых вошли в состав сложных слов (типа: *макро-*, *микро-*, *мега-*, *поли-*, *антропо-*, *-фаг*, *-фоб*, *-лог*, *-граф* и т. д.). Греческие фразы, записанные «с голоса» на Афоне в XV в. и скопированные многократно в XVI и XVII вв., показывают, что и в подобных случаях живая речь содействовала в какой-то мере литературным влияниям.

Ср.: келіа наша, то кели мас' — τὸ κελλί μας; красен' монастыр' наш' то монастыри мас' ѐморфон' — τὸ μοναστήρι μας ἔμορφον; святъ человекъ, агїос'анѳропос' — ἅγιος ἄνθρωπος; много спишь, пола кимасе — πολλὰ κοιμᾶσαι; азъ хочю ясти, его ѳело на ѳаго — ἐγὼ θέλω νὰ φάγω; страх' был' велик', ѳовоѐ итон' мегас' — φόβος ἦτον μέγας; преображеніе, и метаморфосис' — ἡ μεταμόρφωσις; мраморник', мармарас' — μαρμαρᾶς; всяко мастерство, паса техни — πᾶσα τέχνη; мертво, некро — νεκρό; обрящу, евро — εὕρω; престол, ѳронос — θρόνος; собор', синодос' — σύνοδος и т. д. и т. д.

Не менее существенна для истории разговорной речи русская (объяснительная) часть словарей-разговорников. Ведь в ней даны соответствия чужим словам и оборотам из живой речи. Естественно ожидать, что и русские эквиваленты почерпнуты из того же источника. Вместе с тем

---

[10] Ср. также у Фасмера в разделе «Заимствования через посредничество старославянского языка» (Фасмер М. Р. Греко-славянские этюды, вып. III, с. 3).

[11] Характеристику состава «Рѣчи тонкословия греческаго» см. в книге: Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963, с. 318—389.

многие из них встречаются уже и в древнейших славянских памятниках: *соль*, объясняющее греч. ἅλας у Гр. Наз. XI в. (Срезн., т. III, стб. 462), *масло* — греч. βούτυρον в Изб. Свят. 1073 г. (в переводе греч. ἔλαιον) (Срезн.. т. II, стб. 113), *крава* — греч. ἀγελάδα в том же Изб. 1073 г. при греч. βοῦς (т. I, стб. 1310), *корова* в Грам. Хут. 1192 г. (Срезн., т. I, стб. 1289), *овьца* — греч. πρόβατον в Остр. ев. 1056 г. (Срезн., т. II, стб. 596), *кокошь* — греч. ὄρνιθα в Остр. ев. (Срезн., т. I, стб. 1248), *куръ* — πετεινός в Остр. ев. (Срезн., т. I, стб. 1379), *бервно* — греч. δοκός в Псков. л. и в Новг. I л. (Срезн., т. I, стб. 69), *солнце* — греч. ἥλιος в Остр. ев. (Срезн., т. III, стб. 734), *звезда* — греч. ἄστρον в Остр. ев. (Срезн., т. I, стб. 964), *заря* — греч. αὐγή в Изб. 1073 г. (Срезн., т. I, стб. 945), *гора* — греч. ὄρος в Остр. ев. (Срезн., т. I, стб. 551) и т. д. и т. д.[12]

Важно отметить, однако, что в словарях-разговорниках все эти слова, как и те, которые не встретились пока в литературных памятниках, записаны в составе разговорных фраз.

Эти фразы, и слова, и живые обороты речи во многих случаях заметно отличаются от тех, которые приняты в наши дни. Ср.: *Како ти имя? Много ли имаши пребыти зде? Что ти есть дело? Что суть помышленїа твоя? Годи ми есть. Тужили есмы тобя деля. Желаю видети тя. Не кучи ми. Жал\` ми на него. Тошно ми по нем\`.*

Иногда же подобные обороты, записанные четыре или пять веков тому назад, до буквальности соответствуют современным. Ср.: *Не спится. Не можется. Где живеш\`? Что делаеш\` ? Иду по воду* и многие другие.

В словарях-разговорниках отражены и устойчивые разговорные формулы той эпохи. Ср., например, варианты вопросов о самочувствии: *Чим не здоровиш\`? Что тя болит\`?* И ответы на них: *Глава мя болит\`. Все ми тело не здраво. Душею не здравею. Немощенъ есмь. Не здравъ есмь. Не может\` ми.*

Фразы приветствия при встрече: *Еси ли добре въ здравїи твоемъ? Ты какъ имаши? Мируеши ли добре? Како пребываеши?* Варианты ответа; *Живу телесне за молитвъ ти.*

---

[12] Названия памятников сокращены в соответствии с системой, принятой в словаре Срезневского.

Добре, господине, за святых твоих молитвъ. Но можно было отозваться и проще: *Когда так, когда инако.*

Из словарных статей, которые уже были приведены выше, ясно, что каждая из них в «Рѣчи тонкословия греческаго» состоит из перевода отдельного слова (словосочетания) либо фразы (ее части, отрывка). Русский словник разговорника, так же как и греческий, достаточно богат: лишь путем пословного перевода введены 1099 слов и многие из них не раз встречаются в тексте: *варити* 203, 203 об., *вари* 203, *варю* 203 об.; *возму* 203 об., *возми* 209, *възмем* 211, *возмите* 202, *взях* 203 об., *взял* 202 об., *взяли* 202; *видѣти* 207 об., *видяи* 221 об., *видѣх* 200 об., *видѣлъ* 200 об., *видѣние* 203 об.

Те же, а вместе с ними все новые, слова включаются в оборот и в виде сочетаний, коротких, а затем и более развернутых фраз: *видѣлъ есмь* 208 об., *видѣлъ ли еси* 208 об., *видѣлся есмь с ним* 209, *видѣл еси нас* 213, *видѣние тебе* 213, *видѣх во снѣ* 218; *купи собѣ* 204, *купи ми* 206 об., *купит собѣ* 206 об., *купих си да ям* 206 об., *купил ли еси* 206 об., 207 об., *купи что ясти* 207 об., *купи шед* 208, *куплю у тобя* 208, *не купим* 208 об.; и т. д.

Членение текстов «Рѣчи тонкословия греческаго» на словарные статьи нельзя назвать произвольным, в известной мере в нем сказываются особенности структуры разговорной речи. Помимо словосочетаний номинативного характера (ср. *змиа пестрая, зыдь черныя, люты звѣрь, лѣзговыя орѣхы, свѣжая рыба, просолная рыба, сухая рыба, столпъ камен, стул точеныи* и т. п.), а также сочетаний с предлогами (ср. *с боляры, с людми, с миряны, с лукавыми, с вами, с нами, со мною, с тобою; онѣх дѣля, вас дѣля, нас дѣля, того дѣля, тебе дѣля, меня дѣля* и т. д.) и с отрицательной частицей (ср. *не проси, не медли, не зови, не воруи, не слушаи, не пущаи, не забуди, не лѣнися, не спѣши, не пиют, не въстали, не взяли* и т. д.), словарные статьи представляют собой фразы (и части фраз), по преимуществу двусловные: *звѣзды свѣтят, заря ся занимаеть, свѣт зачинается, сълнце въсходит, заходит сълнце, зашло сълнце, братя пришли, ударили челом, принесе воды, жену поал, свѣчи просит, тесто мѣсятъ, пристанища нѣсть, воды нѣт, хлѣба недостало, приспѣ время* и т. д.

Среди них чаще других фразы с глаголом в повелительной форме — всякого рода приказы, приглашения, просьбы: *постели постелю, положи хлѣбы, стави трапезу,*

возми скатерть, иди по воду, въжзи свѣщу, склади огнь, учися дѣлу, облецися в порты, ядите братие, спи брате, пиите гости и т. д.

Кроме сочетаний глагола с существительным, есть также сочетания глагола с местоимением: *дразнит его, разбудилъ мя, солгал ми, гнушается мя* и в повелительной форме: *вороти его, продаи ми, послужи ми, удели ми* и т. д., глагола с наречием: *въстах рано, много ждахъ, поют красно, достоино поют, мало посплю* и в повелительной форме: *доспѣваи борзо, доспѣваи скоро, стои крѣпко, дръжи мощно, въставаи рано* и т. д., глагола в личной форме с инфинитивом: *писати хочю, видети хощў, пити, ясти хотят, поставити ясти, подаваите пити, пошли обѣдать* и т. д., глагола, прилагательного или причастия в сочетании с глагольной связкой быть: *былъ есмь, учил есмь, купил есмь, сѣли есмы, здрави суть, бѣх странен; печалён есмь, немощенъ есмь, замчено есть, чисто есть* и т. д., прилагательного и наречия в значении безличного сказуемого: *тошно нам, скорбно нам* и в более развернутых оборотах: *тошно ми по нем, жаль ми на него* и т. д.

Немалая часть статей «Рѣчи тонкословия греческаго» — вопросы, образованные с частицей *ли*: *идут ли, стар ли, писано ли, дает ли, звонили ли, помнишь ли, таино ли, добрѣ ли еси, взял ли еси, купил ли еси, видѣл ли есмь, велѣли ли есте* и т. д. или с вопросительным местоимением: *что дѣлает, что дѣет, что сѣтуеши, что требуеши, что сѣдишь, что ти болит, что ти есть дѣло, кто тя звалъ, кто послалъ, кого ищешь, к кому идешь, где живешь, где еси был, гдѣ ходилъ еси, где купити, где ми его искати, как того избыти, како ти имя, како хочешь, како есть се, когда пришелъ еси, колико знаешь, колико хочешь* и т. д.

Отметим, что автор «Рѣчи тонкословия греческаго» не только не чуждался славянизмов, но предпочитал их русизмам, если только мог применить древнеславянские формы слов, не изменяя бытовому характеру темы (*блато, брада, влас, врата, глава, глад, елёнь, дльго, драго, дрѣво, древяныи, дъщи, дщерь, езеро* и т. д.). Вместе с тем в разговорнике немало и русских форм (иногда наряду со славянизмами): *головль, молодець, дорожня, поросята, соловеи, золото* (при *златом окованы*), *соборъ, чим здоровишь* (при *здрави суть, нездравъ семь*), *вороти его, перенос*

поют, порты от дорогых сукон, сего дни дороже (при *недраго*), *перенял слово, розсвѣло, олень* (при *елень*), *нужа, надежа, меж собою, тружается, хожение, по захожении солнца, не стужаи ми, нужу имам поити, тужили есмя тобя дѣля, пришелъ еси въ чюжу землю, хочю, хочет не хочешь* (при *како хощеши спастись, где хощеши жить*), *свѣчи просит* (при *вожзи свѣщу*), *не кучи ми, купи собѣ, собѣ ми надобѣ.*[13]

При сравнении словников «Рѣчи тонкословия греческаго» и словарей московитов и Ричарда Джемса[14] видим, что в последних, в отличие от первого разговорника, записаны лишь русские формы (в них: *болото, борода, боров, волосы, ворота, голова, голод, долонь, дерево, долго, дочь* (*доча*), *олень, озеро* и т. д., исключения типа *враг, владыка, благо* есть, но и они единичны).

Вместе с тем (так как словник «Рѣчи тонкословия греческаго» насыщен бытовой лексикой) все три словаря-разговорника имеют много и общих слов, дополняя друг друга в формах словообразования, словоизменения и значениях. Ср.: Р., М. *баба*, Дж. *бабка, бабушка*;[15] Р. *багряно*, М., Дж. *багрец*, М. *багров*; Р., М. *белуга*, Дж. *белужина*; Р. *бѣды, бѣдъ*, Дж. *бедныи*; Р. *бѣлъ, бѣло*, М. *белои, бела рыба, белье*, Дж. *Бело море, Бело озеро, белорыбица, белыш* (белок яйца), *белила*; Р. *бьеть*, М. *бью*, Дж. *бий, не бьет*; Р. *благое*, Дж. *благо, блажить*; Р. *блудъ, блудит*, Дж. *блядь*; Р., Дж. *брат*, Р. *брате, братьство*, Дж. *братина*; Р. *верховище*, Дж. *верховои* (*верховых*); Р. *виноград*, М., Дж. *вино*, Дж. *винаягоды, винокур, виноходец*; Р., Дж. *глина*, М. *глиняная*; Р. *горит*, Дж. *горелка* (водка); Р., Дж. *голубь*, Р. *голуби*, М. *голубои* (*голуб*), Дж. *голубцы*; Р., М., Дж. *гривенка*, Дж. *гривна*; Р., Дж. *гроб*, Дж. *гробница*; Р. *гузица*, Дж. *гузно*; Р. *дорожня*, Дж. *дорого*; Р., Дж. *девка*, М., Дж. *девица*; Р., М., Дж. *дождь*, Дж. *дождевик* (гриб); Р. *добуди*, Дж. *добудь*; Р., Дж. *дом*, М. *дома*; Р., Дж. *дружба*, Дж. *дружка*;

---

[13] Эту пестроту форм наблюдаем и в старшем из списков «Рѣчи тонкословия греческаго» — ГПБ Соф. 1474, конец XV в., и в трех более поздних.

[14] Ларин Б. А. 1) Парижский словарь московитов 1586 г. Рига, 1948; 2) Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса 1618—1619 гг. Л., 1959.

[15] Р. — «Рѣчь тонкословия греческаго», М. — словарь московитов, Дж. — словарь Ричарда Джемса.

Р. *ель*, Дж. *еловыи* (*елова*), *ельник*; Р., М., Дж. *жена*, Дж. *жонка*; Р., Дж. *жемъчюгъ* (*земчюг*), М. *жемчюжина*; Р., М. *заець* (*заэц*), М. *заицик*, Дж. *заика*; Р. *завтрок*, М., Дж. *завтракать*. Во всех трех словарях (в отрезке А—З) также глаголы *взять*, *видеть*, *говорить*, *дать* во многих формах [16]

Судя по тематике словника, фраз и отрывков связной речи словарь-разговорник, составленный русским в XV в. на Афоне, без сомнения, может быть назван среди источников по истории р у с с к о г о обиходного языка.[17] Термин «обиходный язык» применим к тексту «Рѣчи тонкословия греческаго» так же, как и соответствующим статьям азбуковников, о которых еще пойдет речь, не в качестве полного синонима понятию «разговорный язык». В русской части словаря у автора ее не было цели записать звучащую живую речь, сохранить ее произносительные и другие особенности.[18] Автор «Рѣчи тонкословия греческаго» записывал греческие «разговоры», стремясь научиться и научить говорить по-гречески. Русский язык был для него языком перевода или тем «анкетным» языком, к словам и выражениям которого должны были приводиться греческие разговорные соответствия.

Понятно, что такие объяснения греческим словам и фразам естественней всего было брать из ресурсов русской разговорной речи, тем не менее в словаре немало

---

[16] Л а р и н Б. А. 1) Парижский словарь московитов 1586 г., с. 171—174; 2) Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса, 1618—1619 гг., с. 268—277.

[17] Бытовая направленность речи здесь существенна. Ср. высказывание Лудольфа: «. . .в домашних и интимных беседах нельзя никому [из русских] обойтись средствами одного славянского языка, потому что *названия большинства обычных вещей, употребляемых в повседневной жизни*, не встречаются в тех книгах, по каким научаются славянскому языку» (курсив мой, — *Л. К.*). Цит. по: Л а р и н Б. А. Разговорный язык в Московской Руси. — В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961, с. 24.

[18] Случаи отражения на письме произношения слов встречаются в тексте «Рѣчи тонкословия греческаго». Ср.: *ниско* 201, 211 об., *нокти* 216 об., *ноздря* 216, *ретка* 205, *слако* (в сочетании *слако и кисло*) 200, *тяшко* ли имъ 200, *тяшко* бо ходити 203 об., *не тяшко* 200 (но *тяжко* 219 об.), *скорбо* нам 213, уже *поздо* 197 об., в *опщем* житіи 220 об. Примеры из старшего списка словаря, ГПБ Соф. 1474. Факты непроизвольной передачи в письме живого звучания постоянно находим и в азбуковниках.

и книжных элементов.[19] Автор «Рѣчи тонкословия греческого» — несомненно грамотный человек и, вероятнее всего, лицо духовного звания, поэтому допустимо, что он не только стремился не нарушать привычной орфографии и применять, где возможно, славянизмы, но, что последние нередко встречались и в его разговорной речи.[20]

Ценные сведения по истории словарей-разговорников, содержащих русские материалы, находим в монографии М. П. Алексеева «Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века».[21] Продолжая свои разыскания по истории англо-русских культурных и языковых связей и более общего вопроса о практическом знакомстве русских с иностранными языками в допетровской России,[22] автор издал два найденных им словаря-разговорника XVII в., характеризуя их как «крайне интересные свидетельства занятий русского посадского человека этого времени английским и нидерландским языками с помощью иноземца (скорее всего торгового гостя), находившегося в России».

Открытие Б. А. Лариным источников и путей изучения истории русской раговорной речи[23] получило отклик не только в нашей стране. В зарубежных рукописных

---

[19] Что и дало, например, повод Ильинскому в рецензии на книгу М. Фасмера сказать о русской части «Рѣчи тонкословия грэческаго», что ее составляют «русские (точнее *церковнославянские*) слова» (курсив мой, — *Л. К.*). Ильинский Г. А. Ein russisch-byzantinisches Gesprächbuch. Beiträge zur Erforschung der älteren russischen Lexicographie. Leipzig, 1922. — Известия ОРЯС, т. 29, 1925, с. 395.

[20] Ср. у Лудольфа: «Поэтому, чем более ученым кто-нибудь хочет *казатѣся*, тем более примешивает он *славянских выражений* к своей речи или в своих писаниях» (курсив мой, — *Л. К.*). — Ларин Б. А. Разговорный язык в Московской Руси, с. 24.

[21] Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Л., 1968. В книге дана полная библиография исследований, относящихся к названной теме.

[22] Алексеев М. П. 1) Английский язык в России и русский язык в Англии. — Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук, вып. 9, 1944, с. 81—82; 2) «Книга русского языка» Т. Штрове 1546 и ее автор. — В кн.: Памяти акад. Л. В. Щербы. Сб. статей. Л., 1951; 3) Западноевропейские словарные материалы в древнерусских азбуковниках XVI—XVII вв. — В кн.: Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию. Сб. статей. М., 1956, с. 25—42 и др.

[23] Помимо двух названных монографий: Ларин Б. А. Русская грамматика Лудольфа 1696 г. Л., 1937 и ряд статей.

хранилищах были найдены разговорники с записями русской речи. Некоторые из них изданы.[24] Несколько примеров из записей диалогов, приведенных в исследовании Эрики Гюнтер (Берлин):

«— Чимъ ты на себя хлѣбъ добывашъ?

— Товаром торгую.

— Принести ли тебѣ бѣлья шуба?

— Мѣдведна мнѣ надеть.

— Что у тебя то в уми?

— Нѣтъ толке мнѣ приглянулас твоя жена.

— Так ты стоишъ въ ее приѣтстве».[25]

Материалы по русской разговорной речи XVII в. изучаются и Сири Свердруп Люнден (Осло). Словарь, изданный *ею*, содержит ряд тематических групп, в которых русским словам и оборотам даны немецкие соответствия. Каждая из групп имеет свой заголовок. Последняя из них (63-я) названа: «О всяки*х* слова*х* которые к рѣчемъ го*дятся*». В этом разделе приведены русские фразы и их перевод на немецкий язык. Они относятся к обиходу торгового человека, к деловым и к собственно бытовым ситуациям, причем последних намного больше. Ср. некоторые из фраз и оборотов: *дешевле будет вскорѣ; яз денги счелъ; то у меня в закладѣ; поручество; спорные дѣла; мнѣ до тобя дѣло есть; мнѣ есть с вами нѣчто поговорити; хто лучше тебя?; а ты спужался; яз тамо людѣи не знаю; он тебя к себѣ кличет; хочеши парится; даи мнѣ щолоку; мои меня; чеши мене; аз нездоровъ*. Среди отдельных фраз и оборотов приводятся варианты, развивающие или повторяющие тему: *поиди домои* или *прїиди домои; нишкни, не говори много; то все напрасные* или *ненадобные слова;*

---

[24] Simmons I. S. G., Unbegaun B. O. Slavonic Manuscript, Vocabularies in Bodleian Library. — Jn: Oxford Slavonic Papers, 1951, p. 119ff; Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1607. Ed. by L. L. Hammerich, R. Jacobson and E. van Shooneveld, vol. I—II. Copenhagen, 1961—1967; Johanson P. Fragment eines niederdeutsch-russischen Sprachführers (1551). — Zeitschr. für slavische Philologie, Bd. XXIII, 1955, S.275—283; Srensen H. Chr. 1) Ein russisches Gesprächbuch aus dem 17. Jahrhundert. Scando-Slavica, I. 1954, S. 54—631; 2) Ein russisches handschriftliches Gesprächbuch aus dem 17. Jahrhundert. Mit Kommentar. København, 1962; Birnbaum H. Novgorodiana Stockholmiensia. — Scando-Slavonica, X. 1964, S. 154—173.

[25] Günther E. Zwei russische Gesprächsbücher aus dem 17. Jh. Berlin, 1964, S. 154, 178, 196.

пропало или *потеряно*. И в этом словаре-разговорнике, как и в других, находим типовые фразы и речевые формулы: *опочиваи здраво, спи здраво; чтоб тебѣ ѣхат здраво; прости меня; аз виноват; бог с тобою; чтоб тебѣ зла не учинилося; богъ дастъ; богъ тебѣ на помочь; челобите ему от меня.*[26]

Сведение и сопоставление материалов всех найденных разговорников XV—XVII вв. позволит намного расширить и уточнить, а главное, представить в развитии данные об обиходной речи в Московской Руси.

Приведем для примера термины, называющие ремесленников в «Рѣчи тонкословия греческаго» (XV в.), и слова, из раздела «О всяких рукодѣльных людехъ», в словаре, изданном Сири Люнден (XVII в.). Даже и предварительные сопоставления дают возможность увидеть ценность этих материалов для исторической лексикологии: *златыи мастеръ — золотар; оловяныи мастеръ — оловеничникъ; мѣдныи ковачь — медник; ковачь — кузнецъ; швецъ портнои — портнои мастер, швецъ; сапожнои швецъ — сапожникъ*. Совпали два наименования профессий: *плотникъ* и *токарь*. В разговорнике XVII в. отсутствует термин *мелникъ*, в разговорнике XV в. нет целого ряда наименований, приведенных в более полном словаре XVII в. Ср. *замочникъ, котелникъ, часовникъ,*[27] *скляничникъ, горшечникъ, серебряникъ, стеколникъ, печникъ, кожевникъ, красилникъ, иконникъ,*[28] *оконнишникъ, хлѣбникъ, седелникъ, бронникъ, ременникъ, сыромятникъ, островникъ, точилникъ, горшечникъ, столешникъ, огородникъ, буйвочникъ.* Еще несколько терминов, образованных по той же продуктивной модели (дописаны другой рукой): *рукавичникъ, сумочникъ, кирпичникъ*. К этому типу наименований можно прибавить образования с иным суффиксом: *каменщикъ, ступенщик, перевощикъ*. Кроме названных типов на -**никъ** и -**щикъ**, еще три других (*бочаръ, скорнякъ, щепетилнои кузнецъ*), а также несколько наименований, сохраняющи‹х› явно уходящий в прошлое

---

[26] Lunden S. S. The Trondheim Russian-German MS Vocabulary. Universitets-forlaget. Oslo—Bergen—Tromsö, 1973, p. 1—347, издание текста, л. 1—108.

[27] Термин приведен в разговорнике дважды.

[28] Термин приведен дважды, в разных написаниях (иконникъ — иконъникъ). Словарь писан двумя почерками.

тип сочетаний со словом мастеръ: (*полатнои мастеръ, денежнои мастер*).

Собранные в разговорниках термины отражают цеховую дробность ремесленного труда. Сопоставление материалов дает возможность увидеть тенденции языкового развития.

Запись слов и оборотов из разговорной речи особенно характерна для лексикографии XVII в. Из этого, однако, не следует, что более ранние азбуковники (типа ГПБ O.XVI.1, Погод. 1143) не содержат иноязычных обиходных слов и их славянских соответствий. Названные чужими словами бытовые реалии нередко оставались непереведенными, при них появлялись глоссы и разного типа комментарии. Помимо словарей-разговорников, лексика бытового характера попадала в азбуковники из монастырских уставов (обиходников) или других сочинений практического назначения (например, травников). По своему типу она близко примыкает к тем словам, которые встречаем в записях живой речи. Но бытовая лексика представлена и в Писании, и в житийной литературе, и в Патериках, которые совсем не чужды бытовой тематике. Такую лексику нередко находим и в церковной символике (различного рода уподобления). Наименования обыденных предметов и действий могли быть общими для русского и церковнославянского языков, а также и специфически русскими или церковнославянскими. В силу этого в толкующей части словарных статей оказались собранными языковые средства, которые можно расценивать в перспективе как стилистические ресурсы. Высокость стиля, как известно, проявляется не только при рассуждениях на возвышенные темы, но и при описаниях самых бытовых ситуаций. Многие старославянские по происхождению слова обыденных значений воспринимаются в русском литературном языке в качестве создающих приподнятость стиля (*чело*, *ланиты*, *десница* и т. д.). В азбуковниках собственно стилистическая квалификация дается еще редко, от случая к случаю.

Для документации сказанного здесь будут приведены словарные статьи из азбуковников ГПБ O.XVI.1 и Погод. 1143 (буквы А—Д), посвященные толкованию различных пластов лексики, почерпнутой из греческого, латинского, тюркских и других языков. Статьи для лучшей обозримости объединены в три группы: а) предметные слова,

слова, б) слова, называющие качества, в) слова, называющие действия, г) слова, называющие числа.

а) Предметные слова: афира. зелианица (зеліяница)[29] или кашица; армия комбоста. соленая капуста и рѣпа — капуста *соленая (слов «и рѣпа» нет)*[30] — в ГПБ О.XVI.1 оба слова показаны египетскими, в Погод. 1143, второе — греческим, в качестве литературного источника к статье на слово *афира* назван Патерик египетский, на слово *армия* — Устав (скитский); аласъ. соль; алатосъ (алато). соли — в Погод. 1143 слово названо еллинским; аскопа. мешекъ. вин'ный; ан'нона. ман'на; алапетась. пища. сотворена *от* муки и сушены смокве; балъ. медь (медъ) — язык: та(тарский); глакизмо. вина красного влити в сосу*д* и запечатлѣвъ толико варити в пещи, елико точию третиеи части *от* кипѣния вина остати ї та часть оставшая толико бываетъ густа, яко застудив мошно на части кроити, яко ж у нас творя*т* *пастелы или леваши и то гречески наричется глакизмо* и тако глакизмо творя*т* в Романїи ї в Бастрѣ;[31] валсамо елеѡ. шипковое масло — шипичное масло — источник: Сава сер (Житие Саввы сербского), в ГПБ Погод. 1143 еще и Ефре*м* (Ефрем Сирин); 455. галунъ. квасцы, а ро*д*ятся на горѣ нарицаемеи Етна; аѳис'хъ. питеи сосу*д*; виѳезда. овча купѣль, язык: ев(рейский); влебитисъ. треногъ великїи, *еж* есть лахання (в ГПБ Погод. 1143 последней части определения, со слов «*еж* есть. . .» *нет*); варелаки. бочечка. В ГПБ Погод. 1143 — си(рское) снято; велони. игла — в ГПБ Погод. 1143 пометы си(рское) нет; аргалие. желѣзцо кровопустное — врачевское желѣз'це (над строкой: кровопустное), во втором азбуковнике указание *ел(линское) отсутствует*; анкира.

---

[29] В скобках приводится орфографический вариант по списку ГПБ Погод. 1143.

[30] После тире дается видоизменение определения во втором азбуковнике.

[31] В ГПБ Погод. 1143 статья изменена: определение более лаконично, но при отработке допущена ошибка (лексикограф счел Романию и Бастру за напитки), которая имеет текстологическое значение (показывает производность текста Погод. 1143 из текста ГПБ О.XVI.1): глакизмо, глакизмо варят в винѣ в красно*м* или в рамании (аканье! — *Л. К.*) ї в бастре, влив'ше бо в сосу*д* вина, толико ев в пещи топя*т*, елико точїю третїеи части в сосудѣ остати ї бывае*т* то оставшее густо, яко ж пастелы (слово «леваши» устранено, — *Л. К.*), то наричется глакизмо.

якорь — в ГПБ Погод. 1143 пометы ел(линское) нет, в качестве литературного источника дано: Деяй МѲ (Деяния апостолов, зачало 49-е); веламинами (веламина). запоны, язык: ла(тинский); балистрасъ. самострѣлы; геѳь (геѳъ). точило. а еже что е҇сть точило, о се*м* сказано пространно в букве нарицаемеи твердо — писано о се*м* простраи҇нѣе в' букве наричемеи твердо — оба азбуковника источником дают псалом, но в первом НЗ (57), во втором НЕ (55), язык: ев(рейский); гель. превалениe. рекше обращение, егда колесо обращается сиирѣч кругом преваливается — или обращенiе колесъ, пространнѣе о се*м* то*л*кует в Дiонисiи Ареопагите — источники: Дiонис҇ Ареопаги*т* (соотнесен знаком со словом гель) и Езек҇ (кн. пророка Иезекииля, соотнесен со словом прѣваленiе); астерисъ. же*м*чюг҇ — источник: Быт ЛЕ (книга Бытия, зачало 35-е); ан'дрiаи҇тъ. укла*д* или була*т*; биссумъ. постава, поста*в* же глется сукьно; биссиною (бис'синою) шидяною. поставо*м* шелковы*м*, рекше бархатомъ и камкою — шидяною е*ж* ес҇ шел'ковою — источник; А парали ЕI (1-я кн. Паралипоменон, зачало 15-е); гаща. срачица — в ГПБ Погод. 1143 указание на язык ел(линское) снято, в качестве литературного источника дан: Дани*л* Г (кн. пророка Даниила, зачало 3-е); граѳия. писало сиирѣч (сiрѣ*ч*) трость или перо — перо или трость, язык: г(реческий); граѳиями. тростьми, язык: г(реческий) и там же: грапси. пиши, указание на язык (г(реческий)) только в Погод. 1143; граѳиось. писець; вивлия. книга — в ГПБ Погод. 1143 дана помета — г(реческое); вивлиосъ поли. книгъ много, язык: г(реческий); вагерка.[32] левитская книга — лев'вите; ваиедабер; [33] числъ книга — в ГПБ Погод. 1143 указан язык: евр(ейский); вронтiи. гро*м*; докидесь (докидесъ); [34] докия (докiа) су*т* на во*з*дусе (на во*з*дусѣ) звѣздовидна копия сиирѣчь (сiрѣч) дуга огневи*д*ная на горняа простирая луча; дару*м*. восто*к*, язык: си(рский); ар'се. вышеград. еже тве*р*дыня наричется; валозъ. крѣпость — в ГПБ Погод. 1143 снято указание на язык: ла(тинское); дохиѡй. казенная храмина; василисе. црс҇кiа полаты, язык: г(реческий); апо-

---

[32] В Погод. 1143 дана еще глосса: вагекра.
[33] В Погод. 1143 — еще и глосса: ваедавер.
[34] В Погод. 1143 — глосса: аданатусъ.

теки. погребы; вале. здравїе — в ГПБ Погод. 1143 нет пометы ел(линское), но дано указание на источник: Пѣс В (Песнь песней, зачало 2-е); антима. баня; восоръ илот, язык: ев(рейский), в ГПБ Погод. 1143 назван источник: Ісаїа ѮВ (кн. пророка Исайи, зачало 62-е); вивона. прыщь — в ГПБ Погод. 1143 — источник: Цар греч (Царство греческое, Хронограф); деутера (девтера, сверху над строкой: вторыи). пндльникъ — источник: Мак грк ОИ (Максим Грек, слово 78-е); аделъѳосъ. братъ, язык: г(реческий); аделѳофеи. брат бжїи — источник: Мкс грк А (Максим Грек, слово 1-е); ав'ва. отцъ; вамнь (ам'ма). мти; анепсеи. племянник; варъ. снъ, язык: ев(рейский); варава (варав'ва), снь (снъ) отцевъ — источник: Маѳ РАІ (Евангелие от Матвея, зачало 111-е); амигдал. плод древа или вершие дуба — в ГПБ Погод. 1143 назван источник: Еуг учит. (Евангелие учительное); вравие. вѣтвь финикова с плодом — в ГПБ Погод. 1143 нет слов «с плодом» и дано указание на источник: Успене бци (Успение богородицы), в первом из азбуковников слово названо ев(рейским), во втором ел(линским); ваия. вѣтвь ветхая — в ГПБ Погод. 1143 дан источник: Ио. МА (Евангелие от Иоанна, зачало 41-е); аркуда медвѣдя — аркудеасъ.[35] медвѣдь; аведисъ. козлище — в ГПБ Погод. 1143 помета ри(мское) снята; армелина. горностаи; артигометра. крастели; василикань (василиканъ). птичка чечетка — чечетка (сверху: птичка); грипсоси. птицы, яз.: ел(линский), источник: црс греч ПЅ или МД (Царство греческое, 86-е или 44-е); гричь. песь (песъ); артавась (артавасъ). мѣра житная; абатось (абатосъ). мѣра винная — мѣра вину; дохїя. казна; агростъ. еллински агрость наричются села с жителми и пашни и луги — села, ї пашни, ї луги, язык: ели(нский); агыали (агїали). краи пѣсочный, язык: ел(линский); вапа. озеро — в ГПБ Погод. 1143 пометы ел(линское) нет.

б) С л о в а, н а з ы в а ю щ и е к а ч е с т в а: аспро. бѣло; аскакъ (аксак). хромецъ, язык: та(тарский); всадалехъ (всядалех). сухими; аласторь. лстивый, язык ел(линский); аласторъ. лстивый (л'стивъ) — источник: Кан Еуѳ-

[35] На поле глосса: аркуда.

имии муч҃ (Канон Ефимии мученицы); аластора. л'стиваго, язык: ел(линский); вруть (врутъ). буи — в ГПБ Погод. 1143 — источник: о юроди (о юродивом); язык: ри(мский).

в) Слова называющие действия: ак8ѡ. слышу; аккик8са (ак'кикуса). слыша*х*, язык: г(реческий); агапая. люби*т*; анаѳань. идетъ; ардево. напаяю.

г) Слова, называющие числа: дія. два, язык: г(реческий); дека. деся*т*; декаоктос҃. восмьнадеся*т* (осмьнадесятыи).

Обзор даже небольшого отрезка (всего пяти букв из словника анализируемых азбуковников) показывает, что бытовая лексика, собранная в словарях XVI в., широко и разносторонне пополняет сведения о лексическом составе древнерусского и среднерусского языка. Особенно ценны материалы, входящие в состав толкований. Соотнесенные с иноязычными словами из номенклатурной части статьи, а нередко и со славянскими синонимами, обиходные слова получают свежее раскрытие. Многие из них вовсе не представлены в «Материалах. . .» Срезневского, другие описаны в них в иных значениях, третьи не имеют в Словаре убедительной документации и т. д. Показательна в этом отношении статья на слово *афира* (греч. ἀθήρα, ἀθάρα). У Срезневского названное слово дано с предположительным толкованием: 'кисель?' «Сваримъ афиру и обѣдаемъ» (Пандекты Никона Черногорца).[36] В азбуковниках оно определено двумя славянскими словами *зелианица* и *кашица*. Первого из них в «Материалах. . .» Срезневского нет, хотя слово *зелие* и другие слова того же корня (*зелеиникъ* — 'лекарь'; *зеленина* (В) — 'незрелый овощь'; *зелииница* (дано без определения): «Аще жена зелиининца. . ., а мужъ доличитьс҃. . .» (Церковный устав Ярослава) *зелиничьство* 'тайное знание и употребление волшебных трав') в нем имеются.[37]

Слово *зелие-зелье* — общеславянское.[38] В древнерусском языке оно имело несколько значений, исходным

---

[36] Срезневский И. Материалы. . ., т. I, стб. 33.

[37] Срезневский И. Материалы. . ., т. I, стб. 970, т. III, (доп.), стб. 116.

[38] Как считают этимологи, слово зелье образовано с помощью собирательного суффикса -ие (совр. -ье) от *зель*, от которого есть и диалектное сингулятивное образование *зелинка* — 'зеленая ветка,

из которых было 'злак', отсюда и 'травяное произрастание, употребляемое в пищу' — Ср. у Срезневского: и вьсего зелия (καὶ πᾶν λάχανον) (Юрьевское евангелие п. 1119 г.). Кроме этих значений описаны: 'лекарство' — «Нѣсть бо зелія, могуща божію казнь премѣнити» (Из творений Кирилла Туровского); 'отрава, волшебные травы, их употребление'; 'порох'.[39] Сопоставление слов *зелие* и *зелианица* проясняет, из чего готовилось кушанье, названное *афира*. Второе слово из толкования в азбуковниках показывает, в каком виде оно приготовлялось. В «Материалах. . .» Срезневского *кашица* имеет определение 'уменьш. от сл. каша' и документировано всего одной цитатой из Минеи XVI в.: «Да съваримъ кашицу малу». Слово это, так же как и *каша*, несомненно из фонда разговорных слов, употреблявшихся русскими с глубокой древности. Слово *каша* у Срезневского с цитатой из «Хожения за три моря» Афанасия Никитина (XV в.): «А на дорозѣ кто же собѣ варитъ кашу, а у всякого по горньцу».[40] Так же как и слово *зелье*, оно является общеславянским. Образовано, видимо, от той же основы, что и латыш. kast — 'процеживать'.[41]

прутик'; слово *зеленый* — общеславянское. Образовано с помощью суффикса -ен- от *zelъ 'зеленый' (ср. диал. и др.-русск. *зель* 'молодая озимь', зелень'); зелье', словен. zel 'растение'. Ср. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М. 1961, с. 119. Указывают на индоевропейское распространение корня слова *зелье*: укр. зілля, блр. зéлле, др.-русск., ст.-слав. зелие λάχανον (встретилось в Супрасльской рукописи), болг. зéле 'капуста', сербохорв. зȇље 'зелень, щавель', словен. zélje 'трава', чеш. zelí 'капуста'; слвц. ziele 'зелье', польск. ziele 'трава, злак', в.-луж. zelo, н.-луж. zel'e. Ср. лит. žolẽ 'трава', žãlias 'зеленый', лат. helus holus 'зелень, овощи, капуста', греч. χόλος 'желчь', фриг. ζέλκια 'овощи' (Фасмер М. Этимологический словарь. . ., т. II, с. 92, 93).

[39] Срезневский И. Материалы. . ., т. I, стб. 970.

[40] Минея XVI в. Базильянского мон. во Львове, выписки из Словаря Ф. Миклошича. В Словаре описано еще одно значение слова *каша* 'пир', свидетельствующее о его архаике: «Оженися кнзь Олександръ. . . і вѣнчася в Торопчи; ту кашю чини, а в Новѣгородѣ другую (дал праздник после свадьбы). Новгородская I л. 6747 г.» (Срезневский И. Материалы. . ., т. I, стб. 1201).

[41] См. Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь. . ., с. 145. В качестве славянских параллелей приводятся: укр. кáша, ст.-слав. кашица, болг. кáша, сербохорв. кȁша, словен. kâša, чеш. kášе, слвц. kaša, польск. kasza, в.-луж. kaša. Восхо-

Заслуживает внимания и статья, толкующая сочетание *армия комбоста*. Оба азбуковника дают перевод «соленая капуста», первый из них добавляет к этому «и рѣпа», но ГПБ Погод. 1143 устраняет эту неточную добавку.

Слово *капуста* также общеславянское. Оно имеет лишь предположительную этимологию. Вероятнее всего слово является контаминацией лат. caputium 'кочан капусты' (от caput 'голова') со ср.-лат. campos(i)ta 'смесь, состав', первонач. 'сложенная (зелень)'.[42] В наших азбуковниках и дана лексема, заимствованная из средневекового латинского, что существенно для истории вхождения слова и для его этимологии. Анализируемое слово датировано у Срезневского цитатами из Изборника Святослава 1073 г., из Устава церковного и монастырского после 1193 г. Оно встречается в Псковской II летописи под 6985 (1477) г., а также и в других памятниках.[43]

Не менее древним, имеющим индоевропейский корень, является и слово рѣпа,[44] которое находим в том же Изборнике 1073 г., в Новгородской I летописи под 6723 (1215) г. Однако в «Материалах. . .» Срезневского только и даны эти две цитаты. К древнейшему фонду разговорных слов относятся и слова *соль* и *соленый*. Вместе с тем среди вариантов лексемы *солоныи*, *сольныи*, *соляныи*, приведенных в том же словаре, мы не найдем формы *соленыи*,[45] которая дана в азбуковниках в сочетании *соленая капуста*.[46]

дит к *kāsiā родственного лит. kóšti, kóšiu 'цежу', лтш. kãst, -šu — то же (Фасмер М. Этимологический словарь. . ., т. II, с. 214).

[42] Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь. . ., с. 141. Ср. у Фасмера славянские параллели: укр. капуста, русск.-цслав. капуста (1193 г.), словенск. kapûsta 'овощи', 'садовая капуста', чеш. kapusta 'капуста', польск. kapusta (Этимологический словарь. . ., т. II, с. 188).

[43] Срезневский И. Материалы. . ., т. I, с. 1195.

[44] Ср.: лит. rópe, rapе, др.-в.-нем. ruoba, нем. Rübe, лат. rapum, rapa, греч. ῥάφη (Срезневский И. Материалы. . ., т. III, стб. 222).

[45] Срезневский И. Материалы. . ., т. III, стб. 461.

[46] В статье на слово *солоныи* у Срезневского (при значении 'просоленный') — цитата: «Да въливають масло въ капусту солону и дадять мнихомъ по единои чяши урочьнѣи. Уст. п. 1193 г.».

Ценные сведения по истории обиходных слов содержатся и в других статьях, в толкующей части которых находим лексемы: *вино*, *медъ*, *масло шипковое (шипичное)*, *пастила*, *леваши*, *квасцы* и т. д. Ср. и слова, использованные в объяснениях: *запечатлети*, *застудити*, *творити* — *сотворити* (в обиходном, а не книжном, высоком применении). Остановимся лишь на некоторых из них.

Слово *пища* имеет среди слов, называющих предметы питания, наиболее общее значение. В этом родовом смысле встречаем его и в статье: алапетась. пища сотворена *от* муки и сушены смокве. Слово заимствовано из старославянского языка. Исконно русское *пича* (ср. польск. pica) утрачено.[47] В древний период в его смысловой структуре соединились два смысловых комплекса. Один из них ('пища, еда', 'питание, кормление', 'запас', 'пропитание') органичен, другой ('наслаждение, радость, блаженство') не имеет с ним связи, так как возник из-за ошибки переводчиков, смешавших греч. слово τροφή 'пища, еда' со словом τρυφή. В статье из азбуковников слово употреблено в значении 'еда', которое и является наиболее древним. У Срезневского оно подтверждено цитатами из Остромирова евангелия, Изборника 1073 г., Жития Феодосия Нестора.[48]. Но и значение 'радость, блаженство' имело довольно широкое хождение в древней книжности. В «Материалах. . .» — цитаты из того же Изборника 1073 г., из Минеи 1096 г., из Григория Назианзина XI в., из Синайского патерика XI в., Стихиря XII в. и др. текстов.[49] Что касается сочетания *пища раиская*, или *пища породьная*,[50] то этот оборот был устойчивым наподобие того, который сохранился в современном языке, а именно *райское блаженство*. Однако ставшее привычным соединение слов не имело переносного и даже расширительного смысла. Ср.: «. . .въскорѣ тя ижденеть ис пишта раискыя» (Изборник 1073 г.); «Адамъ

---

[47] Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь. . ., с. 251. По Фасмеру, слово — из праслав. *pitja от *питать*. В сербохорв. пи̏ћа, словен. píča, чеш. píce, picí ср. р., польск. pica 'провиант', в.-луж., н.-луж. pica 'пища, корм' (Фасмер М. Этимологический словарь. . ., т. III, с. 270).

[48] Срезневский И. Материалы. . ., т. II, стб. 945.

[49] Там же, т. II, стб. 945.

[50] Прил. *породьныи* образовано от сущ. *порода* 'рай, райское блаженство' (греч. παράδεισος).

съподобленъ бысть руцѣ бж҃и, пишти породнѣи» (Григорий Назианзин XI в.); «Въ породѣ пища (ἐν παραδείσῳ τροφῆς)» (Синайский патерик XI в.). Ср. и употребление тех же оборотов в оригинальной русской литературе: «Постивъся Илья акы на нб҃о взятъ бы҃с, в пищю породную» (Повесть временных лет, 6582 (1074) г.); «Въ раистии пищи водворяяся неизреченьно с нима» (Ипатьевская летопись, 6683 (1175) г.).[51]

Итак, один и тот же перевод и был дан разным греческим словам. Вторая смысловая линия — пример искривления, неверного развития семантики слова под воздействием внешних причин.

В современном литературном языке слово *пища* имеет не только прямое, но и переносное значение. Его определение — 'то, что обеспечивает развитие духовной деятельности, умственных способностей' (*пища уму, сердцу; духовная, умственная пища* и т. д.).[52] Оно возникло, однако, уже на естественной основе, на базе исходного значения ('то, что едят и пьют').

Роль слов, называющих родовые понятия, в лексикографии велика, так как они оказываются центром логических определений, после которых даются конкретизирующие детали, то есть специфические черты данного класса предметов, отличающие его от других. Так и сделано в цитированном выше толковании слова *алапетась*: пища, сотворена *от* муки и сушены смокве. Для исторической лексикологии такие статьи теоретически ценны: по ним можно судить, какие слова на том или ином этапе развития языка избираются говорящими для обозначения родовых понятий, тематически организующих лексическую систему.

В некоторых тематических группах родовые слова весьма архаичны, хотя и не всегда являются исконными (ср. ст.-слав. *пища* вм. русск. *пича*), в других они сложились в более позднее время. Кроме того, в сознании народа и в языке непрерывно происходит перегруппировка родовых понятий, связанная с процессом познания реального мира, изменением условий быта, исторической ситуации.

---

51 Срезневский И. Материалы..., т. II, стб. 945.
52 ССРЛЯ, т. IX, стб. 1272, 1273.

К числу слов, в значениях которых объективируются родовые понятия, относится встретившееся в наших материалах слово *сосуд*. Данные словарной статьи в анализируемых сводах не одинаковы. Наиболее частый тип определений в азбуковниках — это прямое соотнесение иноязычного слова со славянским. В таком виде и представлено толкование слова *викия* (греч. τὸ βυκίον) в первом из словарей. Однако в азбуковниках попадаются и описательные определения. Нередки в них и развернутые энциклопедические характеристики. Дело в том, что толкователь постоянно встречался с необходимостью описывать чужеземные реалии, которым не всегда было легко найти соответствия в русском (или славянском) быту. Что касается переводчика, то он в подобных случаях или давал функциональный перевод или оставлял слово непереведенным. Во втором из рассматриваемых здесь азбуковников слово *викия* определено описательно. В сопоставлении оба эти определения дополняют друг друга. Ср. ГПБ O.XVI.1 викия. стклянница; ГПБ Погод. 1143 викия. сосуд ст'кляй без рукояти.

Так же, как и слово *пища*, слово *сосуд* относится к фонду наиболее древних слов. У Срезневского *съсудъ* = *сосудъ* 'посудина, сосуд' датируется цитатой из Остромирова евангелия, встречается оно и в Синайском патерике XI в., в Слове о законе и благодати митрополита Илариона, в Молении Даниила Заточника, в летописях.[53]

К числу сосудов, судя по статье в ГПБ O.XVI.1, отнесена и *стькляница*. У Срезневского это слово истолковано: 'стеклянный сосуд, вообще сосуд', то есть так же, как слово *викия* в азбуковнике ГПБ Погод. 1143, но там еще добавлена конкретизирующая деталь «без рукояти». Словом *стькляница* в древних евангельских и других переводных текстах передавались греческие наименования различных сосудов. Ср. в Мстиславовом евангелии до 1117 г.: «. . .принесъши стькляницю масти» (в Остромировом евангелии: «алавастръ мира», ἀλάβαστρον μύρου).

[53] Срезневский И. Материалы. . ., т. III, стб. 833, 834. Слово *съсудъ* многозначно. Кроме указанного значения, в «Материалах. . .» описаны: 'судно, лодка', 'орудие' (в прямом и переносном значении), 'инструмент музыкальный', 'утварь, пожитки (собират.)', 'снасти' (Там же).

В Юрьевском евангелии после 1119 г.: «. . .съкруши стькляницю, възлия ему на главу (ἀλάβαστρον)». «Оцѣщаете вънѣшьнее стькляници (ποτηρίου)». В Пандектах Антиоха XI в.: «Очисти вънутрьнее стькляниця (τὸ ποτήριον)». В Житии Андрея Юродивого: «Единъ отъ нихъ постави стькляницю на трапезѣ полну вина (ποτήριον scyptum)».[54] В цитированной выше статье из азбуковников, кроме толкования значения, есть добавочные сведения. В ГПБ O.XVI.1 назван язык: ел(линский), в ГПБ Погод. 1143 — литературный источник: Сїноксар сред вели. Вслед за этим сделана отсылка к букве А (выш а), где помещена такая статья: алавастра. сосудъ стклянь без рукояти, еже викия наричется. В первом из азбуковников опять-таки дан язык: ели(нский), а во втором — литературный источник, откуда заимствовано слово: Мар ЗГ (то есть Евангелие от Марка, зачало 63-е). Основой разработки для азбуковников, таким образом, послужили те же тексты, что и для Словаря Срезневского, причем в словарной статье оказались соотнесенными греческие слова βικίον и ἀλάβαστρος.[55] В современном русском литературном языке сохранилось лишь второе слово, в форме *алебастр*, отражающей латинское посредство.[56]

Еще одна статья, в которой определение содержит два синонимически сближенных наименования сосудов: влебитисъ. треногъ великїи, *еж* есть лаханя (в ГПБ Погод. 1143 последняя часть толкования, со слов «*еж*

---

[54] Там же, стб. 585, 586.

[55] У Срезневского *викия* 'сосуд': «Абие блаженыи призъвавъ строителя црквьнаго повелѣ налияти вина, юже ношаше викию, и дати ему. . . . Онъ же отшьдъ и прѣобидѣвъ стааго повелѣния възлия ему въ викию мало вина. Житие Феодосия, Нестора (до 1093 г.)» (Материалы. . . , т. I, стб. 257). *Алавастръ* 'узкогорлый металлический сосуд, употреблявшийся для хранения аромат'. Цитаты из Златоструя XII в. и Слова Козмы пресвитера о ересях (Там же, стб. 14). У Фасмера слово *алавастр* в двух значениях: 'густой гипс' и 'баночка для бальзама из алебастра'. Из греч. ἀλάβαστρος — то же (Фасмер М. Этимологический словарь. . . , т. I, с. 68).

[56] Слово *алебастр* называет горную породу, гипс. Ср. ССРЛЯ, т. I, стб. 91. У Фасмера: алабастр, народн. любастра, севск. Через нем. Alabaster из лат. alabastrum от греч. ἀλάβαστρός 'сосуд для мази из алебастра', которое происходит из егип. a la baste 'сосуд богини Эбасте' (Этимологический словарь. . . , т. I, с. 70).

есть. . .» отсутствует). Оба слова *трёногъ* и *лаханя* описаны в Словаре Срезневского (последнее из них также и в другом словообразовательном варианте: *лахань* (*лохань*)), однако значения этих слов весьма далеки. Первое из них, *трьногъ* истолковано 'путы, цепи' (цитата из Пролога),[57] второе означает 'сосуд'. Цитаты: «Царь нужу творяше патріарху, да разорить церковь, хотя поставити на мѣсто сея фіалу, рекше лоханю мороморяну (φιάλην). Хроника Георгия Амартола».[58] «Вдають ему пити предъ царемъ въ лохани велицѣи (εἰς λοχανίν). Козьма Индикоплов. Да благословилъ есми Аннѣ жь лохань мѣдяну. Духовная Леонтия Дмитриева, нач. XVI в.». В иной огласовке *лахань*, слово приведено по словарю Востокова (цитата из Пролога).[59]

В современном русском языке также есть и слово *лохань* и слово *треног*, которые, казалось бы, семантически не соединимы. В словарях соотносительно разрабатываются слова *лохань* и *лоханка* в значении: 'круглый или продолговатый сосуд для различных хозяйственных надобностей (сливания воды, мытья посуды и т. п.)'. В XIX в. слово выступало близким синонимом слова *таз*. Ср. у Гоголя: «Предстал в густых усах и бакенбардах великан камердинер с серебряной лоханкой и рукомойником в руках». (Мертвые души).[60] Гоголевской *лоханке* идентично слово *лохань* в языке Крылова: «Улик представлен целый воз, И виноватую, как надлежало, На суд в большой лохани принесли» (басня «Щука»).[61] Теперь же *лохань* — это большая *лоханка*: «Над лоханью

---

[57] Срезневский И. Материалы. . ., т. III, стб. 1017.

[58] Там же, т. II, стб. 47.

[59] Там же, стб. 12. Слово *лохань* не имеет установленной этимологии. М. Фасмер в параллель приводит: укр. лоха́ня, блр. loха́нь (1489), др.-русс. лоханя, польск. łachań, диал. lachania, łochania 'миска, сковорода, корыто, лохань'. Допустима мысль о заимствовании из греч. λεκάνη, дор. (позднее) λακάνη 'миска, таз', но при этом нельзя объяснить -х- Заимствование из араб.-перс. lakan (то же) через тюрк. также не является несомненным, потому что тат. laxan заимствовано из русского. Есть ряд и других этимологий. Ср.: Фасмер М. Этимологический словарь. . ., т. II, с. 524.

[60] ССРЛЯ, т. VI, стб. 375. Наличие более широкого смысла подтверждается и сложением терминологического сочетания, применяемого в медицине, — *почечная лоханка*.

[61] Там же. В наши дни более естественным является употребление слов *лохань*, *лоханка* при описаниях крестьянского быта.

для помоев висел ушастый рукомойник (М. Горький. В людях)».[62]

Однако как связать слова *лохань* и *лоханка* с *треногом?* В современном языке слово *тренога* (*треног*) и более употребительное теперь *треножник* имеют значение 'подставка на трех ножках, а также приспособление разного назначения, состоящее из трех палок, жердей и т. п.' Сосуд, который ставится на такую подставку называют особым словом. Ср. у Гоголя: «Под яблонею вечно был разложен огонь, и никогда почти не снимался с железного треножника котел или медный таз с вареньем» (Старосветские помещики). Но у того же автора и без обособления сосуда: «На треногах варили рыбаки уху из животрепещущих ершей» (Мертвые души).[63]

Сведения, позволяющие сблизить слова *треног* и *лохань*, находим в Словаре Даля. Объединив в одной статье слова *лохань*, *лоханка*, *лоханочка*, В. И. Даль толкует их следующим образом: «обручная посудина, мелкая, круглая или долгая, с ушами, иногда на ножках (разрядка моя, — *Л. К.*), для стирки белья, мытья посуды, разноски живой рыбы; продолговатый таз для умыванья».[64] Еще существенней данные при словах *треног*, *треножник*, *треножка*. Помимо общего значения 'всякая подставка, стояло о трех ножках', дается описание ряда конкретных приборов, называемых *треног*: 'стул, табурет, скамеечка о трех ножках', 'три шестика, связанные вверху, для привески в поле котелка или чайника' и т. д. Среди них: 'древний жертвенник, треугольный, на трех ножках' и наконец: 'треногая лоханка под рукомойник, помойница'.[65] Сведения, почерпнутые в азбуковниках, оказались в соответствии с полученными Далем при изучении русского народного быта.[66]

Ср. у Шолохова: «Жена Титка, худая и высокая баба, поила из лоханки телка» («Поднятая целина»).

[62] ССРЛЯ, т. VI, стб. 376.

[63] ССРЛЯ, т. XV, стб. 885.

[64] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1881, переизд. М., 1955, т. II, с. 269.

[65] Там же, т. IV, стр. 432.

[66] В качестве первой словарной фиксации слова *лоханка* ССРЛЯ дает статью из Российского Целлариуса 1771 г., для слова *лохань* — статью из Лексикона треязычного Федора Поликарпова 1704 г. (т. VI, стб. 376), для слова *треног* назван Словарь Академии

К тому же разряду слов, называющих сосуды, относится и слово *купѣль*, которое встретилось в статье: виѳезда. овча купѣль. Слово здесь в более древнем значении 'водоем' и названо ев(рейским). Источник не указан, но ясно, что им являются евангельские тексты. Ср.: «Есть же въ Иерусалимѣхъ, на овьчи купѣли, яже нарицаеться еврейскы Виѳезда, пять притворъ имущи (ἐπὶ τῇ προβατικῇ κολυμβήθρα). Остромирово евангелие, Ио. У.2.»[67] Производными от этого древнего значения являются: 'крещение' (у Срезневского примеры из русских оригинальных текстов),[68] а также 'купель, сосуд или водоем, в котором совершается крещение' (в Ответах митрополита Киприана на вопросы игумена Афанасия, 1390 г.).[69] Именно в этом ритуальном значением слово и сохранилось в современном литературном языке. В ССРЛЯ оно определено: 'сосуд, в который погружают ребенка при церковном обряде крещения'.

Слово *купель* встречается и в образных применениях. Не употребляемое в обиходе и освященное церковной традицией, оно стало высоким. Сочетания *купель страданий*, *испытаний* и им подобные в современной речи имеют оттенок приподнятости. Ср. у А. К. Толстого и К. Федина: «Тебя, безбурное жилище, Тебя, познания купель. . ., Тебя приветствую, пустыня!» (Иоанн Дамаскин); «Рогозину пришло было на ум, что Кириллу, наверно, любопытно взглянуть на тюрьму, бывшую первой его купелью испытаний».[70] Переносно употребляется и оборот

Российской (1793 г.). Азбуковники позволяют перенести датировку слов *лохань* и *треног* на два века раньше. В них представлен, помимо этого, еще один словообразовательный вариант лексемы *лохань*—*лаханя*.

[67] Срезневский И. Материалы. . ., т. I, стб. 1376. Слово купель общеславянское. Ср. у Фасмера: укр. ку́піль, ст.-слав. кѫпѣль κολυμβήθρα (встрет. в Супрасльской рукописи), сербохорв. ку́пель, словен. kǫ́pel, чеш. koupel, слвц. kúpel', польск. kąpiel, в.-луж. kupjel, н.-луж. kupjela. Праслав. *kǫpělь от *купаться* (Этимологический словарь. . ., т. II, с. 419, 420).

[68] Ср.: «Си бо омыся ку́пѣлью стою. Пов. вр. л. 6477 (969) г.; Въ стѣи купѣли. Илар. Зак. Благ. Так же в Послании митроп. киевского Никифора Владимиру Мономаху, в Ипатьевской летописи (Срезневский И. Материалы. . ., т. I, стб. 1376).

[69] Там же.

[70] ССРЛЯ, т. V, стб. 1844.

воспринимать (восприять) от купели. Его специальное значение 'быть крестным отцом, крестной матерью', фразеологизованное — 'первым воспринимать, одобрять что-либо новое'. Ср. у Куприна: «[Богданович] восприял от купели юношеские произведения многих беллетристов» (Памяти Богдановича).[71] Выражение теперь ощущается несколько устаревшим.

К тематической группе сосудов относится и слово *бочечка*, употребленное в толковании слова *варелаки.* В первом из азбуковников объясняемое слово названо си(рским), во втором языковая помета снята. Слово *бочечка* в значении 'маленькая бочка' не описано ни в одном из современных словарей, приводится лишь слово *боченок.* Вряд ли, однако, может возникнуть сомнение в том, что оно употребляется в разговорной речи. Ср. отмеченные в обратных словарях слова *шаечка, бадеечка* в ряду многих других с тем же суффиксом уменьшительности.[72] Слово *бочка* — общеславянское, образовано с помощью суф. **-ька** от *бъча* — 'бочка', суффиксального производного (суффикс -j-) от основы *бък-*.[73] У Срезневского оно — в русских текстах (в Новгородской I летописи, в Псковской судной грамоте (1397—1467 гг.), в Дубенском сборнике XVI в., в Духовной Леонтия Дмитрия нач. XVI в.).[74] В русский литературный язык это слово вошло из разговорной речи. Слово *бочечка*, несомненно, также почерпнуто из живой речи. Ср. с этим и слово *желѣзцо* (*желѣз'це*), примененное в азбуковниках при наименовании врачебного инструмента: аргалїе, желѣзцо кровопустное. Предположительное толкование, данное в Словаре Срезневского слову *желѣзьце*: 'железное небольшое орудие (?)': «Токмо мало желѣзце возми съ собою, имь же былье хощеши ископати» (Поучения Ефрема Сирина, XIII в.),[75] тем самым находит подтверждение.

---

[71] Там же.

[72] Bielfeldt H. H. Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart. Berlin, 1958, S. 24.

[73] Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь. . ., с. 42. У Фасмера: русск.—цслав. бъчьвь, бъчька, укр. бóчка, болг. бѣчва, сербохорв. бȁчва, словен. bəčvà, bəčkà, bâčva, чеш. bečva 'чан', bečka 'бочка', польск. beczka 'бочка'. (Этимологический словарь. . ., т. I, с. 202).

[74] Срезневский И. Материалы. . ., т. I, стб. 201.

[75] Там же, стб. 853.

В «Материалах. . .» подобные слова нередко не имеют убедительной документации или вовсе отсутствуют. Ср., например, такое слово как *квасцы*. В Азбуковнике О.XVI.1: галунъ. квасцы, а *родятся* на горѣ нарицаемеи Етна. Слова нет у Срезневского, но оно описано в современных толковых словарях. В ССРЛЯ *квасцы* — 'название различных двойных сернокислых солей (алюминия, марганца и др.); камень, заключающий в себе кристаллы таких солей, употребляемый как дезинфицирующее средство при порезах кожи'.[76] Характерно сближение с Азбуковником Словаря Даля: «квасцы, галун, Alumen; соль сладковатовязкого вкуса, употребл. в лекарствах и ремеслах; двойная, средняя соль сернокислого глинозема и сернокислой щелочи: поташа, натра и аммиака».[77]

Итак, азбуковники старших разновидностей, то есть второй половины XVI в., включают значительное число обиходных слов, среди них немало и таких, которые почерпнуты из живой речи, современной для их составителей. В номенклатурной части статей попадаются слова из среднегреческих диалектов (ср. в анализируемом отрезке текста: велони. игла; соответственно в «Рѣчи тонкословия греческаго» — игла. велони, βελόνι). Однако с XVII в. разговорная лексика и разговорные обороты речи начинают привлекать несравненно большее внимание. Это отражается весьма существенно и на словнике азбуковников. Именно в этот период в состав азбуковников вводятся различные варианты «Рѣчи тонкословия греческаго», обширного разговорника, составленного русским в XV в. на Афоне,[78] а также и других словарей-разговорников, материалы которых свидетельствуют о живых контактах с иноземцами.

В заключение — несколько выводов о связи истории лексикографии с процессами развития языка.

---

[76] ССРЛЯ, т. V, стб. 914. В качестве первой словарной фиксации указана статья в Лексиконе Вейсмана 1731 г.

[77] Даль В. И. Толковый словарь. . ., т. II, с. 103.

[78] Более точной датой может быть назван рубеж XVI—XVII вв. так как материалы «Рѣчи тонкословия греческаго» широко использованы в Азбуковнике ГПБ Погод. 1642 (копия с оригинала 1596 г.).

1. Начальный этап образования национального русского языка (устного и письменного), как считал Б. А. Ларин, относится к длительному промежутку — со второй половины XVI в. до середины XVIII в. При этом важным характерным признаком образования национального языка является «органическое, проникающее сближение ранее противопоставленных и обособленных систем письменного и разговорного языка».[79]

2. Начальный этап образования русского национального языка нашел свое отражение и в лексикографии XVI—нач. XVII в., более всего в азбуковниках, объединивших наряду с другими словарными материалами данные разнообразных словарей-разговорников.

3. Словарные своды XVI столетия так же, как и азбуковники в своих старших разновидностях (краткий вариант сер. XVI в.), не включали еще активно слов разговорной речи, хотя все словари-разговорники, созданные в более ранний период, известны нам и в списках XVI столетия. Словарики «Грецкои языкъ» и «Се татарскыи языкъ» изданы П. Симони по рукописи XV—XVI вв. (Новгородского Софийского собора, № 1462). «Толкование языка половецкого» известно также в рукописи XVI в. (ГИМ, Син. 183 и Син. 997) Из четырех списков, по которым «Рѣчь тонкословия греческаго» издана М. Фасмером, три относятся к XVI в., один — к XVII в. Еще один список этого словаря, встретившийся в Соловецком собрании, также оказался списком XVI в.

4. В XVI в. разговорники охотно копировались, но составляли специфический отсек словарного дела, их не объединяли со словарями, отражающими книжный язык. Характерна для XVI в. обработка списка «Рѣчи тонкословия греческаго», изданного П. Симони (ГПБ Сол. 970), где сокращены разделы обиходных и бытовых тем и в силу этого подчеркнуты те из разделов, которые связаны с церковью (наименования бога, богородицы и загробной жизни; слова, относящиеся к религиозным верованиям — о небесной жизни, о боге и др.). Так было в нач. и сер. XVI в.

5. К концу XVI и нач. XVII в. положение изменилось: словари-разговорники, а также славяно-русские лекси-

[79] Ларин Б. А. Разговорный язык в Московской Руси, с. 25.

коны Юго-западной Руси и другие подобные материалы были включены в азбуковники (пространный вариант конца XVI, XVII в.), внеся в них стихию разговорной речи. В определяющей части азбуковников оказалось немало «простых», обиходных слов, а в толкуемую часть попали их соответствия из среднегреческого языка, из языков тюркских, а затем и западноевропейских. Этот важный поворот в истории русской лексикографии отражает, без сомнения, процесс демократизации литературного языка: начальной этап сближения языка письменного и разговорного.

СЛАВЯНИЗМЫ И ИНОСЛАВЯНСКИЕ СЛОВА

(ПЕРЕВОДЫ И ОБЪЯСНЕНИЯ)

Истоки развития славяно-русского направления в нашей лексикографии и оценка его значения для истории русского литературного языка представлены в другом исследовании.[1] Здесь будут рассмотрены славянизмы и инославянские слова в составе азбуковников. Плодотворная работа словарников Юго-Западной Руси Лаврентия Зизания (1596 г.) [2] и Памвы Берынды (1627 г.) [3] давно уже пользуется заслуженным признанием. Данные, которые содержатся в азбуковниках, пока остаются на втором плане. И не только потому, что азбуковники, как словари рукописные, менее доступны и нуждаются в текстологическом изучении. Дело в том, что славянские материалы в их составе воспринимаются лишь в качестве добавочных, попутных, не отвечающих профилю словаря иностранных слов или словаря энциклопедического. Мы забываем однако, что по своему типу Азбуковник не был ни тем, ни другим.[4] Важно учесть, что ранние азбуковники составлялись переводчиками и справщиками, для которых выяснение различий в семантике славянских слов (при соотнесении их со словами иноязычными) было делом насущно необходимым. В азбуковниках собрано поэтому большое число семантических вариантов, «произвольников» [5]: славянские глоссы на полях и толкования славянских слов, данные между строк рукописей в соотнесении

[1] Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963, с. 216—317.

[2] Лексис Лаврентія Зизанія. Київ, 1964 (фототипическое издание АН УССР).

[3] Лексикон словенороський Памви Беринди. Київ, 1961 (фототипическое издание АН УССР).

[4] Характеристика жанра азбуковников в кн.: Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI—нач. XVII в. Л., 1975, с. 206—261.

[5] Об изменении функции «произвольников» (превращении их в синонимику) при словарном использовании см.: Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья, с. 311—314.

со словами, которые приведены в самом тексте. Неверно было бы думать, что маргиналии в рукописных книгах возникали лишь при последующих чтениях, отражая реакцию на текст его переписчиков. Избирая то или иное слово из ряда возможных, переводчик или справщик нередко сам оставлял (на полях или в виде сводки, приводимой в конце книги) «произвольники».[6] Это было, видимо, в духе профессиональной этики, так как облегчало возможность проверки и дальнейших уточнений текста. Глоссы воспроизводились не только писцами, но и в ранних печатных книгах (например, в Псалтыри Андроника Невежи).[7] В тексте азбуковников имеет место и критика переводов в виде указания на семантические и стилистические расхождения слов. Ср. в Азбуковнике ГПБ О.XVI.1: се *еж* ино законъ ино заповѣ*д*, или паки іно дхъ і ино дша, і паки ино дѣла і ино деяния, *якож* о сем в писании обретается (л. 53); в Азбуковнике ГПБ Погод. 1143: стука*й*ное наричется, *еж* что сотворено в мѣди или сребрѣ: идоли истуканіи, рекше дутыя, извну бо видятся идоли сребрены и златы, а средина *их* пуста, понеже спаянием сотворено; іннии же глю*т* быти истуканное, *еж* что сѣчиво*м* из древа истесано или сребряно что выбоичатое, но убо ино е*с*ть истука*й* і ино истеса*й*, і ино выбоича*т*, і ино испаянъ (л. 34). О стилистическом противопоставлении языковых средств говорят такие статьи из ркп. ГПБ О.XVI.1: еле, едва, а невѣжьски рещи толко, чуть (л. 45 об.); исполинъ силенъ, а невѣжьски рещи исполинъ богатыръ (л. 52 об.). Ср. с заголовком словаря Лаврентия Зизания, где выражена та же мысль по отношению к языковому состоянию на рубеже XVI—XVII в. Юго-Западной Руси: «Лексис сирѣчъ реченія, въкратъцѣ събран'ны и из словенскаго языка на простыи рускіи діялектъ истол'кованы».

Приведем и другие примеры «славянских» статей в ранних азбуковниках:[8] абіе вборзе или тот ча*с* или с словом

[6] Именно поэтому в сводках произвольников обычно отсутствуют те слова, которые включены в основной текст. См. об этом Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья, с. 271—275.

[7] Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI—нач. XVII в. Л., 1975, с. 84—90.

[8] Взяты статьи из числа первых пятисот, считая по тексту Азбуковника ГПБ Погод. 1143.

вкупѣ, а инде абие пишется вмѣсто еще же; алніи. еленя; блго. добры; блгіи. добрыи; блжей. добръ; бождрии. агглъ; блговония. доброюхания — блгвоніа. доброюханіа; близнецъ со другимъ родивыся — съ другим родивыися купно, еже двоеньки наричются; близняне (близнятѣ). двоеньки; безмолвно. безмятежно; буиство. юродство; бичь. кнут; безсловесно. кромѣ слова нѣкоего и вины; бытие. бытіе есть, еже от бга первое сотворение, сего ради и зданіе бытия глется, а не родство, родство же от суда смерти преступления ради; безсловесно. скотско; бегунь. ходець или борзоходецъ — бѣгун. ходец; брежевата. чревата или непразна; блядет. л'жет; блядивыи. лживыи; бляди. л'жа; бохма. отнюд или всяко; быраніе. лытаніе, еже кто в одном мѣсте не живет, но от мѣста в мѣсто и от града во град преходя скитается, то по еллийски глется быраніе, а по руски лытаніе; былка. травинка или травка — травка; без щука. без шума; борина. лучина или от лучины бываемое свѣтение — лучина; балія. ворожея (ворожія); бальство. ворожба; бошию. всяко, еже есть отнюд; белчюг. колце; белегъ. знамя; бицмоги, обухи; блголѣпно. доброобразно или блгоподобно; бголѣпное. бгоподобное или бгокрасное; блгозраченъ. доброобразенъ; вѣде. разумѣю; весь. деревня, а не село — весь. деревня; витязе. бояре — витязь. боляре; витохранители. странноприімницы — странноприимцы; вертоград. огород; въскую. что ради или почто — в'скую. почто или что ради; васнь. мню или присно; весма. отнюд или всяко — отнюд; вящи (вящ'ши). болши; всякого рода мусикиина. всякого устроения гудебнаго;[9] выспрь. горѣ рекше на высоте — в' высотѣ; вѣждь. разумѣи; вижд. зри или смотри — смотри или зри;[10] вертепъ (вертѣпъ). пещера; во оземствование, в данники, рекше в тяглыя люди;[11] вазнивъ.

---

[9] Приведены варианты перевода трехсловного сочетания, причем отразились и колебания форм: всякого — гудебнаго.

[10] Статьи, объясняющие *вѣждь* и *вижд*ь, даны рядом для того, чтобы показать, какие различия возникают в семантике при изменении даже и одной буквы. Внимание к этой стороне дела было воспринято от Максима Грека, но в качестве сопоставляемых лексем перед нами слова не греческие, а славянские.

[11] Ценные варианты передачи одного и того же юридического понятия даны в наших азбуковниках при предлоге «во», с которого начиналось сочетание в тексте, сохранен и косвенный падеж.

дерзъ или потщаливъ; вага. вѣсъ; вагою. вѣсом; вѣ есве (есвѣ). мы есме (есмы);[12] возревновавше. возавидевше; восхланщаше. обуздоваше; восхлащеніе, обузданіе или воспященіе или воздержаніе; вос'хластоваеm. обуздаваеm, в'спяm возвращаеm; верхуща. молотяща; вершьба. молодба; вземствовал. насилствовалъ (в ГПБ Погод. 1143 — еще один произвольник: осилилъ); возбрежева. чревату сотвори;[13] вечеря. ужина или поздныи обѣд — ужина или обѣд поздей; всяко. отнюд іли истинно; всетечны. дерзы; внѣ плота. за оградою — внѣ оплота. за оградою;[14] водное сребро. ртуть;[15] вѣнь. гласове; в ресноту. в' правду; великодушенъ. иж всяку скорбь приражающуюся могии га ради понести; варяюm. прежде постизаюm; врющъ. кипящъ; всеплодие. всесожжение. евреe бо овца и волы приводяще бгови на жертву и закалающе, та вся сожигаху, и таковое всесожжение всеплодие нарицеmся; воня. юханіе іли запахъ; выя. шѣя; въстуговь. юза, рекше кзень, ею же бремяна связуюm, еже во еуглии ременъ сапога глется, а инде возвуза нарицется — юза, еж во еуглии ремей сапога глется, а иnде возвуза нарицеmся рекше к'зень;[16] враска. болячка или порокъ какіи, нечисть — болячка; войзенаа. прободенаа; вознезъ. взоткнув; глумляхся. поучахся; гробля (гроблю). острогъ; гонзе. избылъ или избежа, или лишися — лишис іли избѣжа; гадание. сокровенъ глагол; горнець. горшокъ; глезни (глезнѣ). голени; годовабница. риза; големинами. лыстами; горбъ неисцѣленъ. болѣзнь или недугь люmь — язва неисцѣлна или недуг; горбію. язвою; гроздие. гроздием ягоды винныя нарицеm, еже есть изюмъ, а не яблока яко ж нѣцыи мняm, іно бо есть яблока і ино гроздие — ягоды винныя, а по татарски изюм, нѣцыи гроздіе мняm быти яблока;

---

[12] Выписан целый оборот с его переводом.

[13] Дан перевод описательным оборотом.

[14] Сохранено в словарной статье предложное сочетание.

[15] Замена словосочетания словом, важная для истории термина.

[16] У Срезневского *взень*, а не *кзень*, как в азбуковниках, с определением: 'веревка, аркан': «. . .Не емлите съ собою доспѣховъ, ни щитовъ, ни копіи, ни сабель, ни стрѣлъ, но токмо емлите съ собою взени едины, и ременіе, и ужища. . . Рязанцы убо махающеся взеньми, и ременіемъ, и ужищи, ничтоже успѣша. Др. лет. I. 272» (Материалы. . . , т. I, стб. 254).

горушично. горчичное, еже е͠сть и синапно наричется — горчично, *еж* и синапно гл͠ется; творъ водныи. волна мор'-ская, инии ж гл͠ютъ творъ. пузырь дождевои — пузырь дождевои; главотяжа. повои главныя, еже имут обычаи евреe на главах носити — жидове нрав имут кушаками увивати шапки своа, аки молоствы, то сут главотяжа; гробию. анаѳемою, рекше отлученiем; древле. прежде — прежде или предняя времена; даяние. бл͠го и даръ совершенъ, даянiе есть бл͠го душевныя добродѣтели, еже е͠сть смысль, мужество, правда, целомдрие, крото͠сть, смиреномдрие; к сим же и яже от вышняя бж͠ственыя бл͠гости даемая нам житеиская бл͠гая, приличствующая нам къ еже жити и добрѣ жити; дар же совершенъ, яж свыше даемая достоиным различная бл͠годат всест͠го д͠ха, яже совершает и утвержает и соблюдает не крадома до конца предреченная естественая бл͠гая дш͠евная; достояние. наслѣдие, рекше обладание отцевым имѣнием, вся бо по отцы отча имѣния сн͠ъ наслѣдует и тѣм же в лѣпоту гл͠ется имѣние отчее быти достояние сн͠у, достоит бо сн͠у отчимъ богатством владѣти; доблесть. крѣпость — крѣпость или мужество; добля. крѣпка; дуѳани (дуѳанiе). дерзновение; душевный блуд. ересь и нечс͠тие; делва. бочка; дебело. толсто; дебръ (дебрь). ровъ глубокъ; докона. совершил.

Сравнение толкований наших азбуковников показывает, что в тех случаях, когда они не совпадают, данные одного, старшего из них, подвергнуты в другом отработке стилистической и смысловой. Особенно много уточнений внесено в область помет о языковой принадлежности слов, заметно пополнены и сведения о литературных источниках.

В Азбуковнике ГПБ O.XVI.1 языковые пометы при славянских словах более обычны, чем в ГПБ Погод. 1143. Нередко они производят впечатление разительных ошибок. Так слова алнiи, апнють, дуѳани[е] (дерзновение) названы си(рскими), слова выя, враска (болячка) — ел(линскими), при слове делва дана помета г (реческое), слова бицмоги (обухи), докона имеют помету ла(тинское), слово гробию — ев(рейское), при слове бождрии сказано «египетски». Подобные указания не раз вводили

в заблуждение исследователей, полагавших, что факты эти можно истолковать лишь как приметы полного незнания языков составителями азбуковников. В большинстве случаев перед нами, однако, — архаический словарный прием, о котором уже приходилось писать, объясняя указание такого же типа в словаре «Рѣчь жидовьскаго языка» (старшие списки XIII в.).[17] Прием этот заключается в том, что помета при толкуемом слове называет язык литературного источника, в славянском переводе которого оно встретилось.[18]

---

[17] В древнем ономастиконе в ряду с библейскими именами толкуются слова *тина*, *исполинъ*, *ковъ*, *неключно*, *зѣло*. Нет оснований считать, что в XIII в. они принимались за еврейские. Сомнительно также, что все они тогда казались непонятными и требующими объяснения. Вероятнее всего, заголовок словаря понимался иначе: «Рѣчь жидовьскаго языка» — это речи (слова) из языка священного писания. Славянские глоссы в словаре — следы работы справщиков славянского перевода библейского текста. См. Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья, с. 13, 14 и 216.

[18] Еще И. Сахаров отметил, что в азбуковниках «сирскими» названы слова, взятые из славянского перевода сочинений Ефрема Сирина, которые первоначально писаны на сирийском языке. К нам они дошли, — отмечает он, — через посредство болгарского перевода, сделанного с греческого, который, в свою очередь, был сделан с сирийского. Из этого не следует, понятно, что в древних словарях нет случаев смещений, неверных сближений и т. д., но и они не лишены текстологического и историко-литературного интереса. Так в статье, толкующей слово *быранїе* сказано: по еллиńски глется быранїе, а по руςки лытанїе (ГПБ Погод. 1143). На полях — ссылка на источник, откуда взято толкование: Максиӣ Греќ. Поэтому и оказалось при слове *быранїе* указание «по еллински». Срезневским слово почерпнуто из Словаря церковнославянского языка А. Х. Востокова и определено словом 'скитание' со ссылкой на Алфавит XVII в. (ср. в ГПБ Погод. 1143: еже кто в одном мѣсте не живет, но от мѣста в мѣсто и от града во град преходя скитается). Глагол *бырати* 'блуждать, скитаться' имеет примеры из Григория Назианзина по списку XIV в. (бырають нощїю и днью) и из Хроники Георгия Амартола по списку 1389 г. (сн҃ве Їилве бырауть по пустыни, ср. и др. цитаты из того же текста) (Срезневский И. Материалы. . . , т. I, стб. 204). Срезневский соотносит глагол *бырати* с латинским furo. Глагола *лытать* и его производных в «Материалах» нет, но в переносном значении 'лениться, лодырничать' он отмечен в областных словарях (Подвысоцкий, Даль), в псковских, тверских, архангельских говорах, так же, как и сущ. *лыт*, мн. *лыты* 'бездельничанье'. Другая степень чередования гласного: болг. лу̑там се 'блуждаю', сербохорв. лу̑тати,

В Азбуковнике ГПБ Погод. 1143, близком к ГПБ O.XVI.1 как по времени, так и по содержанию, почти все пометы такого рода сняты, да и в ГПБ O.XVI.1 они составляют сравнительно малую долю из общего числа помет. Это показывает, что лексикография конца XVI в. искала более точных приемов, все определенней становилась ее лингвистическая направленность.

Отметим и такую черту сопоставляемых словарных сводов: в Азбуковнике ГПБ O.XV1.1 немалое число славянских слов имеет помету се (рбское). В анализируемом тексте это: *брадовъ* (топор), *белчюг* (кольцо), *бошию*, *блголѣпно*, *блгословлю*, *бдѣние*, *близняне*, *без щука*, *витязе*, *витохранители*, *витает*, *въскую*, *выспрь*, *вазнивъ*, *возревноваше*, *восхлащаше*, *верхуща* (род. пад.), *варяют врющъ* (кипящий), *вечеря*, *воня*, *доблесть*, *дебело*, *дебрь*. Факт этот может получить историко-литературное объяснение. Распространенность пометы «сербское» и характер ее постановки убедительно подтверждает мысль Н. И. Толстого, что в анализируемый период слово «сербский» понималось в расширительном значении — южнославянский.[19] Существенно и то, что второй азбуковник, ГПБ Погод. 1143, уточняя разработку, снимает помету «серб-

---

лутам — то же, словен. lûtati 'медленно идти, с трудом разыскивать' (см. Фасмер М. Этимологический словарь. . ., т. II, с. 542).

Очевидная ошибка допущена в ГПБ O.XVI.1 при характеристике слова гроздіе (из-за случайного смещения пометы). Гроздь — общеславянское слово, родственное нем. Gras — 'трава' (см. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка, М., 1961, с. 84). В ГПБ O.XVI.1 при слове гроздіе — помета та(тарское). Она перенесена в начало статьи со слова *изюмъ*, которое упоминается в толковании названного слова. В ГПБ Погод. 1143 ошибка исправлена: Здесь сказано: гроздіе. ягоды винныя, а по татарски изю*м* (тюрк. üzüm 'виноград').

[19] На такое понимание слова «сербский» в названный период указал Н. И. Толстой в докладе «Иноземные свидетельства XVI—XVII вв. о народно-языковой основе церковнославянского языка» (научная сессия, посв. 80-летию со дня рождения Б. А. Ларина, 17 янв. 1973 г.). Примечательна переоценка воздействия сербского языка Нилом Курлятевым (критика перевода Псалтыри, осуществленного митрополитом Киприаном в XIV в.). См. Ковтун Л. С. Русские книжники XVI столетия о литературном языке своего времени. — В кн.: Русский язык, источники для его изучения. М., 1971, с. 3—23.

ское»,[20] а в некоторых случаях дает вместо нее другую — сл(овенское). Так сделано в статье на слово *вечеря* и в другой статье при местоименной форме *ацыхъ*, истолкованной: *каковыхъ*. Над словом *вертепъ* в Азбуковнике ГПБ O.XVI.1 — редкая помета б(олгарское), не упомянутая в перечне, предваряющем словарный свод. Изредка при толкуемом слове оказывается и помета ру(сское), например, в том же ГПБ O.XVI.1 при слове безмолвно (безмятежно). В древней лексикографии учитывалось родство славянских языков. Об этом говорит такая статья

[20] Ср. характеристику перечисленных слов в словарях Срезневского и Фасмера. Брады-брадъвь 'секира'. «Видѣи носяща брадъви». Иез. Упыр. и др. древних текстах. В Супр. р.: «Твою шию брадвию (теслою — Златоструи XII в.) отъсѣкнетъ». Ср. серб., болг. брадва. У Фасмера: *брадва* только русск.—цслав., ст.-слав. ˏбрâды, *-ъве* (Супр.), болг. брâдва, сербохорв. брȁдва, словен. brâdva, brádlja, brádəlj 'секира'. *Бельчюгъ* 'лук' датировано Златоструем XII в. (в Златоструе XV в. — лукъ). У Фасмера: *бел(ь)чуг* 'запястье, кольцо' только в русск.—цслав. текстах. Ср. болг. бельчу́г, сербохорв. биόчуг, сербск.—цслав. бѣльчугь. По-видимому, слово древнебулгарского происхождения, из тюрк. *bilčük, *bilčik 'браслет'. *Бошию* 'всячески, совершенно' — в Изб. 1076 г. и др. древних текстах. В Супр. р.: «Нечловѣчьскъ бъшью и слѣпъ фарисеовъ съмыслъ». По Фасмеру *бошью* только др.-русск.; ст.-слав. бъшию (Супр.). *Бдѣние* 'бодрствование' — в Изб. 1073 г. и др. древних текстах, *всенощное бдѣніе* в Новг. I л.; у Фасмера: *бдеть* церк. устар., ст.-слав. бъдѣти (Супр.), в различных звукобуквенных вариациях встречается в болг., др.-сербохорв., словен., чеш. языках. *Близняне*, *близнець* — в Остр. ев., у Кир. Тур.; *близня* — «бяста близнятѣ». Быт. по сп. XIV в., «Породи близняти». Ио. Мал. Хрон. У Фасмера *близнец* — ст.-слав. близьнець. *Витати* 'обитать' в Остр. ев. и др. древних текстах. У Фасмера *витать* 'парить; приветствовать'. Слово отмечено в укр., блр., ст.-слав. (Супр.), чешск., польск. языках. Отсюда обитать, ст.-слав. *обитати* (Супр.). *Въскую* (въз кую), ἵνα τί 'почему' — в Остр. ев., Панд. Ант. XI в., Сл. Дан. Зат. (здесь в молитвенном возгласе: «боже, боже, въскую мя еси оставилъ»). У Фасмера: др.-русск., ст.-слав. въскую. В*ыспрь* 'вверх' — в Пат. Син. XI в., и др. древних текстах. У Фасмера *выспрь*, др.-русск., цслав. выспрь, ст.-слав. выспрь (Клоц и др.). *Вазнь* 'счастье, удача' — в Изб. 1073 г., Ип. л. и др. текстах; 'доблесть, отважность' — у Ио. Мал. Хрон., в Хроногр. XVII в. По Фасмеру *вазнь* только др.-русск.; *вазнивъ* 'счастливый' — в летописях, у Гр. Наз. с толк. Ник. Ир. XIV в. В азбуковниках: вазнивъ. дерзъ и потщаливъ. *Восхлащаше* (обуздоваше), *въсхлащати* 'обуздывать' — в Изб. 1073 г. *Верхуща* (молотяща, род. пад.) *врѣщи* — в Апост. посл. по сп. 1220 г., Панд. Ант. XI в., *вършь*, *вершь* 'хлеб, жито' — в летописях, в Псков. суд. грам. У Фасмера *вершь* 'кладь хлеба, скирд', др.-русск. вършь — то же, словен. vršaj 'хлеб, предназначенный для обмолота'. *Варяти* 'предварять,

Азбуковника ГПБ О.XVI.1: болгаре, басани, словяне, сербяни, русь, во всѣх сихъ единъ языкъ. Особо сложные отношения, связанные с тесным переплетением литературных традиций на раннем этапе развития письменности, сближают, как известно, русский язык с южнославянскими (с древне- и среднеболгарским, с сербским), но уже в старших азбуковниках отразились связи и с западнославянскими языками. В перечне помет указаны языки чес(кий) и ляц(кий), то есть чешский и польский. Ср. словарные статьи, имеющие эту помету, из числа тех, которые встретились в анализируемом отрезке: астьквучии (астъквучии). бѣлъ или чс̑тъ.[21] Над толкуемым словом

встречать' — в Остр. ев. и др. древних текстах. У Фасмера *варить* др.-русск., ст.-слав. варити, болг. предва́ря, предва́рям, чеш. диал. variti. *Врющъ* (кипящъ) *врѣти* 'кипеть' — в Йак. посл. Дм. д. 1078 г. и др. древних текстах. У Фасмера *вреть*, *врею* диал. севск. 'сильно потеть', укр. вріти 'кипеть, бурлить', блр. врэць, др.-русск. вьрѣти 'кипеть', ст.-слав. вьрѣти (Супр.), сербохорв. врѐти, вра̑м, словен. vrẹ́ti, чеш. vříti, польск. wrzeć. *Вечеря* — в Остр. ев. и др. древних текстах. *Воня* 'запах' — в Остр. ев. и др. древних текстах. У Фасмера *вонь*, укр., др.-русск., ст.-слав. (Супр.) *воня*. Встречается в разных звуко-буквенных вариациях в русск., укр., болг., словен., чеш., слвц., польск., в.-луж. *Доблесть* 'крепость, мужество'. — у Иез. Упыр., в Изб. 1073 г. и др. древних текстах, *доблии* 'храбрый, доблестный' — в Псалт. толк. XI в., у Ио. Мал. и в др. древних текстах. У Фасмера *доблесть*, *доблий* ст.-слав. доблı̑ь (Супр.), словен. dóbəli 'способный, годный'. *Дебело* (толсто), *дебелыи* 'толстый' — в летописях, в Жит. Петр. Гал.; 'грубый' у Гр. Наз. XI в., Ио. екз. Бог. По Фасмеру *дебелый*, *дебел*, укр. дебе́лий, ст.-слав. дебелъ (Супр.), болг. дебе́л, сербохорв. дѐбео, дебѐла, словен. débel. Связано чередованием с *добль*. *Дебръ* (ров). У Срезневского при слове *дъбрь*, *дебрь* несколько значений: 'горный склон, ущелье', 'горный склон, долина поросшая лесом, лес', 'поток (текущий по ущелью)'. Среди них в качестве предполагаемого — 'ров (?)': «И спехнуша Ольга с мосту в дебрь». Пов. вр. л. «У Плѣсньска на болони бѣша дебрь кисаню». Сл. плк. Игор. Азбуковники подтверждают это значение. Архаичность его ясна и из этимологических разысканий. Ср. у Фасмера *дебрь*: укр. дебрь, ст.-слав. дьбрь (Мар., Зогр., Савв.), дъбрь (Супр.), сербохорв. Дабар (местное название), словен. debər, чеш. debř, слвц. debra, др.-польск. debrz. Родственно лит. dùburas 'промоина в русле ручья, на лугу', dubur̃ys 'глубина'. Срезневский И. Материалы. . . , т. I, стб. 68, 114, 164, 196, 201, 224, 230, 251, 265, 300, 321, 408, 453, 467, 649, 650, 672, 766. Фасмер М. Этимологический словарь. . . , т. I, с. 140, 150, 175, 203, 205, 267, 302, 321, 349, 363, 371, 490, 520.

[21] На то, что в азбуковниках попадались, хотя и не очень часто, чешские слова, указывает М. П. Алексеев («Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века». Л., 1968,

помета чес(ки). Ср. и акриды. пружие или чески наричется саранча, еж есть трава, ея ж Соломонь наричет кипарою, сице бо ея толкует во учителном еуглии, еже чтется в нлдю пред крщением; нѣцыи ж глють зелию быти пругомь, іниии ж глют верши дуба, еже и овощь дивіи — пружіе иже ляцки наричется саранча. ардусаръ. суперник. В ГПБ Погод. 1143 при слове *акриды* в качестве указания на литературный источник дано: Мар А (Ев. от Марка, зачало 1-е), при слове *ардусаръ*: Мѳ (Ев. от Матвея, зачало 12-е).

Остановимся на предпоследнем из этих примеров. В нем показательны и сложность перипетий заимствуемого слова, и обилие славянских соответствий, собираемых в азбуковниках вокруг каждой из таких лексем. В данном случае центром явилось слово *акрида-акрид* (греч. ἀκρίς, ἀκρίδος 'кузнечик, саранча'). Первый из азбуковников связывает его со словом *саранча*, которое считает чешским, и со словом *прузи* (ед., *пругъ*). Причем речь идет не о насекомом, а о зелени, об овощах или траве, употребляемых в пищу.[22] В Азбуковнике ГПБ Погод. 1143 при слове *акриды* описательное толкование снято. В словарной статье лишь соотнесены три слова: *акриды — пружіе — саранча*, названное здесь ляцким. При слове

с. 58, 59), ссылаясь на работы И. Первольфа («Славяне, их взаимные отношения и связи», т. II. Варшава, 1888, с. 467—470) и А. В. Флоровского («Чехи и восточные славяне», т. II. Прага, 1947, с. 67—68). У И. Первольфа отмечены некоторые слова из языка польского и «литовского», т. е. западнорусского и несколько чешских слов, например, *арха*, *авех*, *саранча*, *астоквучий*, *астквучи* — 'бел или чист' (т. е. чешское stkvúcí 'сияющий'), *евнух* — 'каженник', по-чешски 'коморник' и т. д. (с. 467). Толкования этих слов — в книге А. В. Флоровского (с. 64).

[22] В толковании употреблены слова: *трава* 'луговой злак, трава' (Остр. ев. и др.), *зелие*, по Срезневскому: 'злак, травянистое произрастание, употребляемое в пищу' (Юр. ев. п. 1119 г. и др.), а также сочетание слов *верши(е) дуба* (слово *вершие* (ἀκρόδρυα, arborum baccae) в церковных книгах выступает обычно в соединении со словами *финикъ*, *дубъ*, *дубьныи*, обозначая пищу отшельников. Ср. цитаты: «Изиде стыи на квасы въ врьшие от финикъ». Прол. март 7; «Вершие дубное». Афанас. о Мелхсд.) и наконец, сочетание слов *овощь дивіи* (слово *овощь* 'плод, овощь' встречается в древнейших русских и церковнославянских текстах, Дог. Ол. 907 г. (по Ип. сп.), Мин. 1096 г. и мн. др.) (Материалы. . ., т. I, стб. 467, 969, т. II, стб. 593, т. III, стб. 984).

пружие оба азбуковника повторяют с некоторым сокращением уже приведенное выше определение. Ср. пружие. прожие (пружіе) трава е҇с, ея *ж* Соломонъ наричет капарою, нѣцыи ж глют зелию быти прогом (пругом). Литературный источник: Мар. В҃ (Ев. от Марка, зачало 2-е). В ГПБ Погод. 1143 над словами «нѣцыи ж глют» приписан еще и второй источник: Мө ҃ѯ (Ев. от Матвея, зачало 60-е). Слово *прузи* также находим в наших азбуковниках, но в его обычном значении — 'насекомое' : прузи. кобылки травныя или скочки.[23]

Итак, у слов *акриды*, *прузи*, *саранча*, по данным азбуковников, оказываются два несводимых друг к другу смысла 'зелень' и 'насекомое'. Та же картина наблюдается и в литературных источниках. Однако если второй из них имеет широкую документацию,[24] то первый ограничен всего лишь одной евангельской цитатой и ее реминисценциями. Речь идет о пище Иоанна Предтечи: «. . . ѣдь же его бѣ акридъ и медъ дивии». Остр. ев. Мф. III, 4. Почему слова *акриды*, *прузи* (*пружие*) и *саранча* в этом тексте могли пониматься одними в значении 'зелень', а другими в значении 'насекомые', проясняется из следующих

---

[23] Слово *кобылка* в этом значении у Срезневского не описано, оно фиксируется лишь как наименование крюкового знака; при слове *кобылица*, однако, выделено отвечающее ему употребление с указанием источника (Иер. XLVI, 23) и с отсылкой: См. *прусъ*, *акрида* (Материалы. . . , т. I, стб. 1240). Слово *скочекъ* приведено в словаре опять-таки лишь со значением термина крюковых нот (Там же, т. III, стб. 390).

[24] Основным для русской книжной традиции было слово *прузи* (ед. *пругъ*). У Срезневского после первой цитаты: «. . .ядь же его бѣ прузи [ἐσθίων ἀκρίδας)». Мр. I. 6. Юр. ев. п. 1119 г.; Мф.III.4. Четвероев. 1144 г., посвященной тому же евангельскому сюжету, идут примеры, из которых ясно, что в них речь идет именно о насекомых, а не о зелени, траве, овощах: «Да изълѣзуть прузи (ἀκρίς, locusta)». Исх. X.12 по сп. XIV в., «Яко пругы бо къто бо отътрясеть отъ плота. . .». Псалт. толк. XII в., «И въздай вамъ за лѣта, яже пояша прузи, и хрустове и гусѣниця». Пов. вр. л. и др. цитаты. Сравнение «аки прузи» в русских летописях — устойчивый оборот, оно употребляется для характеристики впечатления, производимого татарским нашествием. Ср.: «Придоша иноплеменьници, глемыі татарове, на землю рязаньскую, акы прузи». Новг. I л. 6746 (1238) г., «Тогда приидоша множество кровопроливецъ крестіяньских, бес числа, аки прузи». Сузд. л., 6745 (1237) г. Срезневский И. Материалы. . . , т. II, стб. 1612, 1613).

обстоятельств. Вариантами лексемы *акрида*, *акридъ* в той же выдержке из евангельского текста оказываются *абрѣдь*, *обрѣда*, *абрѣдие*, *ябрѣдие*. Все они соотнесены в Словаре Срезневского, причем при слове *абрѣдь* дано пояснение: «вм. *акрида*, ἀκρίς locusta». Кроме цитаты о пище Иоанна Предтечи, взятой на этот раз из Ев.XII—XIV в.[25], дана и еще одна: «Бѣгая въ пустыни въдворяашеся, медъ дивии и абрѣдъми питаяся, цесаря безаконьнующа обличилъ есть». Стихир. XII в. В статье на это же слово находим следующий комментарий И. Срезневского: «В других местах, напр., Иерем. LI, 14.27 по списку XV в. ακρίς переведено *прўгъ*. Значило ли *абрѣдь* действительно то же, что ἀκρίς сомнительно: ср. лит. brėdelis-abredėlis — сморчок. Гр. ἄβρι вод. поросль, alga, φῦκος. Можно думать, что ἀκρίς было переводимо словом *абрѣдь* вследствие мнения, принятого многими толкователями Евангелия, что Иоанн Предтеча питался не насекомыми, а растениями. Switzeri Thesaur. I. 167—169».[26]

Итак, возникшее в греческой книжной традиции переосмысление евангельского текста, превратившее ἀκρίς 'саранча' в ἄβρί 'водоросли', 'морская трава' отразилось и в истории усвоенного церковнославянским языком слова *акрида*. Не только лексема *абрѣдь* и ее варианты, но и слово *акрида* получило на определенном историческом отрезке двойственность значения, что, как мы видели, и запечатлела лексикография Московской Руси конца XVI—нач. XVII в. То же явление отмечено и словарями Юго-Западной Руси. Ср. у Лаврентия Зизания: акрйды, верꙍки деревяньи пучя й ты *ж* кóники. Названное определение повторено и при слове *пружiе*. *Прўзи* в этом словаре истолковано — *кóники*. Берында пытается обосновать происхождение значения 'насекомые' из значения 'зелень', раскрывая в этом смысле этимологию слова

---

[25] При слове *абрѣдие* (собир. вм. *акриды*, ἀκρίδες, locustae дана все та же цитата, на этот раз из Ев. Акад. XIV в. Слово *обрѣда* истолковано 'саранча': «Отлъстѣеть обрѣда (на поле приписано: пругъ)». Еккл.XII.5. *Ябрѣдие* (собират.) 'саранча'. Пример о пище Иоанна Предтечи (Мф.III.4) из Мст. ев. д. 1117 г. и еще один: «Утыеть ябрѣдїе (ἡ ἀκρίς)». Еккл.XII.5 по сп. XV в. Срезневский И. Материалы. . . , т. I, стб. 3, т. II, стб. 553, т. III, стб. 1633.

[26] Там же, т. I, стб. 3, 4.

прýзи: акріды: травà аб̃ зѣле котрóго кóрен̑ в'кóло себè йнных зéліи смак̑ притягает̑ вдя́чный дò вкушен̑я й трва́лый в' сы́тости ест̑. Тóжъ зри й пру́жїе, а пру́зи того *ж* йменe. Кóники зà подобоóбразїе цвѣта и кóрене ōного зѣля.

Определив слово *акриды* словом *саранча*, азбуковники, как уже было отмечено, назвали это последнее западнославянским, причем Азбуковник ГПБ O.XVI.1 — чешским, Азбуковник ГПБ Погод. 1143 — польским. Слова *саранча* нет ни в Словаре Срезневского, ни в словено-российских лексиконах Юго-Западной Руси.[27] Оно вошло в среднерусский язык, заменив собой слово *прузи*.[28] Ср. и диалектные параллели *кобылка*, *скокалец*, также зафиксированные в азбуковниках.[29] В говорах встречается и форма *саранá* (новообразование от *саранча*), в белорусском *сáранчýк*, в польском — szarańcza. Анализируемое слово восходит к тюркскому sarynča с тем же значением (производное от sary(γ) 'желтый').[30] Польский язык оказался тем посредником, воздействие которого сказалось на буквенно-звуковом составе заимствуемого слова. Данные азбуковников, таким образом, отражают начальный этап его усвоения русским языком.

При анализе лексики уже не раз сказалась общность развития лексикографии великорусской и юго-западной. Существенны в этой связи наблюдения М. П. Алексеева. Автор обращает внимание на то, что среди источников словаря П. Берынды были рукописные книги, причем к ним относились и книги московского и севернорусского происхождения. Перечень великорусских источников, из которых П. Берында делал свои выборки, по мнению М. П. Алексеева, внушает уверенность, что в 20-х годах XVII в., когда Берында заканчивал работу над своим

---

[27] ССРЛЯ в качестве первой словарной фиксации называет Лексикон 1762 г., а вслед за этим Российский Целлариус 1771 г. (т. XIII, стб. 184).

[28] См. у Фасмера: *пругъ* 'саранча', др.-русск. пругъ, ст.-слав. пругъ ἀκρίς, сюда же прузикъ 'итальянская саранча' (Этимологический словарь. . ., т. III, с. 387).

[29] Ср. у Фасмера при слове *пругъ* — южнославянские параллели: болг. скакалéц 'саранча', сербохорв. скàкавац в том же значении, русск. диал. скачок (Там же).

[30] См.: Фасмер М. Этимологический словарь. . ., т. III, с. 560.

«Лексиконом» под руками у него, возможно, имелись наряду с «Толкованiемъ именамъ по алфавиту» Максима Грека и более древними словарями «Рѣчь жидовьскаго языка» (XIII в.) и «Толкованiе неудобь познаваемомъ рѣчемь» (славяно-русский словарь к тексту Лествицы Иоанна Синайского XIV в.) еще и списки ранних разновидностей русских азбуковников, «что не исключает, впрочем, дальнейшего возможного обратного воздействия „Лексикона" Берынды на сложные развитые редакции русских азбуковников второй половины XVII в.».[31] К севернорусским литературным источникам «Лексикона» Берынды, в частности, относится Соловецкий патерик.

«Ссылку на этот источник, — отмечает М. П. Алексеев, — мы находим при слове „кляпина", которому дано следующее объяснение: „всякое древо нагнёное московски нарицается". Патерик соловецких чудотворцев гл. ЅІ.» На тот же патерик сделана ссылка при слове *кудес*, *кудесник*, которому было дано следующее толкование: «черт, или чаровник. По неких повести в Москве нарицается».[32]

Взаимодействие русской и юго-западной словарных традиций было плодотворным и творческим. Русские азбуковники пространных разновидностей не в конце XVII в., а уже на рубеже XVI—XVII вв. включили в свой состав статьи из «Лексиса» Лаврентия Зизания (1596 г.), именуя этот источник грамматикой или грамматичным алфавитом. Ср. в Азбуковнике ГПБ Погод. 1642 (список с оригинала, датированного тем же годом, что и словарь Зизания): аллілуія. хвала бгу, в гра*м*матицы же то*л*куе*т*.

---

[31] Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII в. Л., 1968, с. 41.

[32] На слова *кудес*, *кудесник*, как отмечает автор, обратил внимание П. В. Владимиров, «когда он проделывал над Соловецким патериком работу, сходную с той, какую почти за три столетия перед тем с тем же памятником производил П. Берында». См.: Владимиров П. В. Несколько данных для изучения северо-великорусского наречия в XVI—XVII вв. (по рукописям Соловецкой библиотеки). Казань, 1878 г., с. 38; здесь из текста Жития Зосимы и Савватия Соловецких (по рукописи 1623 г.) извлечена фраза «Кудесник нача кудес бити» и объяснено, что слово *кудес* — название инструмента вроде шаманского бубна (ср. в Стоглаве: «кудесы бьют») (Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII в., с. 42).

алль пріиде, иль бгъ. оуія. воспѣваите. поите (л. 11). Языковая помета над толкуемым словом: евре(йское).[33]

Славянские материалы Азбуковника ГПБ Погод. 1642 (1596 г.) отнюдь не сводятся к копированию статей Лексикона Лаврентия Зизания, причем даже и почерпнутые из юго-западных источников словарные сведения поданы применительно к русскому читателю и к русскому языку. Не только славянизмы, но и польские, украинские, белорусские слова нередко оказываются в номенклатурной части азбуковников. Что касается объяснительной части, то в ней, наряду с русскими словами и оборотами, видим и церковнославянские, прочно усвоенные русским языком или во всяком случае постоянно употребляемые в книгах, читаемых на Руси. В качестве примера далее будут приведены те словарные статьи из Азбуковника ГПБ Погод. 1642, которые имеют над строкой помету «пол» или «полща».[34] Изредка принадлежность к юго-западной письменной традиции выражена описательно, в тексте словарного объяснения.

Ср.: а если та*к*. аще ли тако; або. или; ачь колве*к*. а любо; баченіе. размышленіе іли разсмотрѣніе умо*м* о коеи вещи, бачи*т*. размышляе*т*; бедро. бокъ, бедра. бока; безпечность. безпечаліе о потребны*х*; баліи. баснеи сказате*л* и паки баліи глется, и*ж* бѣсов'ски*м* заговоро*м* заговаривае*т* и звѣри и птицы и члки пор'титъ; вабити. ласкою или лестными словесы призывати; внадрихо*м*, вняхо*м* разумо*м*; владза. владѣніе, ведле. т. вмѣсто по прилагаю*т* поляки ведле, сице ведле дѣ*л* его, ведле словесъ его, ведле хулы его, а по руски: по дѣло*м* его, по сло-

---

[33] В 1596 г. в Вильне Лаврентием Зизанием была издана «Грамматіка словенска» и первый печатный букварь «Наука ку читаню и розумѣню писма слове(н)ского», вместе с которым был напечатан церковнославянско-украинский словник «Лексис сирѣчь реченія, въкратъцѣ събран'ны и из словянскаго языка на простыи рускій діялектъ истол'кованы». Во вступительной статье В. В. Нимчука к киевскому академическому изданию 1964 г. говорится, что мы находим «Лексис», переплетенным вместе с Грамматикой, но это дело позднее, «напечатан он был впервые только с „Наукои ку читаню" т. е. букварем». Однако принятое в русских азбуковниках для Лексикона Зизания сокращение «грамматица» скорее свидетельствует об обратном.

[34] Для анализа взяты материалы лишь первых трех букв: А—В.

весе*м* его, по хулѣ его. тако и в' прочи*х* разумѣваи; в щиро*м* разумѣ. т. в цѣло*м* разумѣ, рекше не повреждене*м* злы*м* кои*м* нраво*м*; виканіе. віщаніе в пѣніихъ црковны*х*; водлугъ и водле по по*л*щи вмѣсто по пишу*т*, яко*ж* пис̑ вы*ш̑* въ POS (176)-м стихѣ; выполерованіе злата. т. іскушеніе злата, злато искушается огне*м*, аще нѣсть примѣсу в не*м*, а ч҃лкъ искушается напастьми и бѣдами и болѣзньми, аще истинно вѣруе*т* б҃гови;[35] выполеровано. искушено. Есть статьи, когда с пометой пол(ское) приводятся греческие или другие иноязычные слова. В этих случаях книжность Польско-литовского княжества была посредником, чаще всего не единственным, в заимствовании слова. Ср.: амѳоры по по*л*щи нарицаются завѣсы и ѳаты, ино бо по по*л*щи амѳо*р* і ино омѳоръ;[36] абтыка. зелеи лѣкарски*х* составитель. Над словом — помета ла(тынское), на поле — помета пол(ское).[37] В том же Азбуковнике немало и других статей, толкующих материалы из юго-западных источников, хотя пометы, указывающей на языковую принадлежность, в этих случаях нет. Ср.: бастря. о*т* блудница роженое от*р*оча, еже ес̑ таимичищь;[38] баика. повѣсть или повѣстеи сказатель; барзо вели*к̑*. велми вели*к̑*; барзо. велми; балаба*й̑* птица, и*ж* лови*т* и птицы и заицы и лисицы; брехачь. лаятель; вымовеніе.

---

[35] Отрывок того же текста употреблен Даниилом Заточником в его «Молении», или «Слове»: «Злато искушается огнемъ». Ср. и в Изборнике 1073 г.: «искушаеться злато» (Срезневский И. Материалы. . . , т. I, стб. 1124).

[36] У Срезневского *амафоръ=амфоръ=амафории=омофоръ* 'покрывало, velum, ὠμοφόριον'. Цитаты из Жит. Андр. Юр. (два примера) по неск. сп. XV и XVI в. и из Муч. Фекл. по Минеям митр. Макария (Материалы. . . , т. I, стб. 20).

[37] Польск. apteka, нем. Apotheke, от греч. ἀποθήκη 'склад' (ССРЛЯ, т. I, стб. 174). В Азбуковнике упомянут латинский язык (ср. лат. apotheca, заимств. из греческого 'склад, кладовая, чаще винный погреб'), который является посредником при усвоении слова немецким и польским языками. Примечательно определение, данное слову *абтыка* в Азбуковнике: 'зелеи составитель', а не 'погреб', 'склад'. Слово *аптекарь* отмечено в Треязычном лексиконе Федора Поликарпова 1704 г.

[38] Ср. толкование слова *таимичищь* в Словаре к Лествице Иоанна Синайского: «таимичищь, иже не о*т* законныя жены роже*й̑*; таимичище. копеличище, иже не о*т* законныя жены отроча» (Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья, с. 424).

выговоренiе; вымовлял. отвѣт творил (л. 34 об.); выступки. преступленiя заповѣдеи; вдячныи. блгодарныи и многие другие. Очевидно, что лексикограф делает перевод использованного источника: дает словесные эквиваленты и описательные пояснения к значениям слов. Устанавливается и соответствие форм. Ср.: вшакъ же. всякъ же; в яковои. в каковои; в тым, в том.

Из обозрения материала вырисовываются процессы все более активного оформления специфических черт восточнославянских языков, каждый из которых становился автономным, не теряя, однако, черт своего ближайшего родства с двумя другими.

Среди славянских статей Азбуковника ГПБ Погод. 1642 [39] находим и такие, которые сближают этот словарный свод с более ранними азбуковниками второй половины XVI в. В этих статьях приведены сопоставления славянизмов с русскими словами. Ср. воскрилiе. подолок риз; во узилище. в тюрму; вскую. почто или за что; вола верхуща. вола молотяща; вѣ есвѣ, т. двойственная рѣчь, вмѣсто еж рещи мы два есме, вѣ есвѣ; вящщiи. болшiи и др. Устанавливаются и семантические различия между двумя или несколькими словами, независимо от их принадлежности к церковнославянскому или русскому языку, а также приводятся описательные толкования слов славянского происхождения или варианты выражения одной и той же мысли. Ср.: бдите. воздержитес от многосонiя; варяют. первѣе постизают; всадник. на кони сѣдяи; возница. возок на колесницы учиненыи;[40] вонзеная. проколотая или прободеная; в коварствех. в смыслех добрых или злых; волъ. т. бык, внимаи да не напишеши вмѣсто вола юн'ца iно бо ес вол i ино юнец, якож ес iно овенъ i ино агнец, волъ же припрязаем, а юнец и телецъ игу не прiпрязается (л. 33 об.);[41] в рудах работающих. т. в копанiи и разстропленiи руды мѣдныя i сребреныя i

---

[39] Оригинал текста писан в Новгороде в 1596 г., в монастыре Антония Римлянина, о чем свидетельствует запись на л. 22 об. В тексте есть следы оканья.

[40] У Срезневского — лишь *возьникъ* 'auriga'. «Возникъ поиша яздяи». Жит. Андр. Юр. и др. (Материалы. . . , т. I, стб. 284).

[41] Обращает внимание профессиональная направленность толкования: «не напишеши» (совет переводчику, справщику).

иныя коея.[42] Можно отметить наконец и такие статьи, в которых славянское слово объяснено иноязычным. Ср.: белъ. семидал. Правда, в своем месте дано истолкование: семидалъ. крупы пшеничныи (греч. σεμίδαλις 'крупчатая мука').[43] Вежа. корабль. Слово *вѣжа* пока описано лишь в значении 'шатер, кибитка'. Встречается в оригинальных русских памятниках XII в.[44] Слово *корабль* — общеславянское заимствование из греческого (καράβιον, κάραβος 'судно').[45] Слово широко употреблялось в древних текстах, русских оригинальных и церковнославянских. В Азбуковнике оно однако описано не в своем обычном значении, а в качестве синонима слова *ковчег* в переводе греч. κιβωτός. И. Срезневский описывает такое применение слова *корабль* в тексте слов Григория Назианзина XI в. («Ноевъ корабль, κιβωτός») и в Златоструе XII в. («Надъ кораблемъ ἐπὶ τοῦ κιβωτοῦ»).[46] В Остромировом евангелии соответственно применяется слово *ковчег* («До него же дьне вънидe Ное въ ковьчегъ, εἰς τὴν κιβωτόν»). Ср. и у того же Григория Назианзина XI в. («Ноеви ковьчегъ порученъ бысть κιβωτός»). Повествуя о Ное, то же слово применяет и летописец в «Повести временных лет».[47]

---

[42] Приведено пояснение к тексту Ефрема Сирина (литературный источник указан на поле).

[43] У Срезневского слово *семидалъ* подтверждено цитатой: «Обѣдъ (вм. обѣтъ) Соломонов бяше во вся дни мѣръ семидала Л҃ (30). Сбор. Кирил. Белоз. XV в.» (Материалы. . . , т. III, стб. 332).

[44] *Вѣжа* в значении 'шатер, кибитка' широко употребляется в русских летописях, отмечено в «Слове о полку Игореве», в «Поучении Владимира Мономаха» (Там же, т. I, стб. 482). У Даля, кроме названного значения, еще 'кочевой шалаш, юрта, кибитка', *кур.* вежка 'полевой шалаш, балаган, сторожка'. С пометой с т а р (иное) выделено и такое значение: 'устройство для рыбной ловли', *чрнм.* 'гвардия для дозора идущей рыбы; либо тоня, ватага, с шалашами на берегу; либо сидейка, шалаш над прорубом для ловли рыбы на блесну' (Д а л ь В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1881, переизд. М., 1955, т. I, с. 175).

[45] Ср. укр. корабéль, корáб, болг. кóраб, сербохорв. кȍра̂б, кȍра̂баљ, чеш., слвц. koráb, польск. korab, род. пад. ~bia, н.-луж. korabje 'остов (корабельный)' (Ф а с м е р М. Этимологический словарь. . . , т. II, стб. 321). У Срезневского в значении πλοῖον, ναῦς, navis, т. е. 'судно' датируется цитатой из Остр. ев., Дог. Игоря с греками 945 г., встречается во множестве текстов (Материалы. . . , т. I, стб. 1283).

[46] С р е з н е в с к и й И. Материалы. . . , т. I, стб. 1284.

[47] Там же, стб. 1243.

Указывая на общеславянское распространение слов с корнем *кораб-*, *korab-*, Срезневский отмечает, что и у сербов лужицких, у чехов, у словаков, «далеких от всякого моря и всякой большой воды, korab, korabi живет как народное, означая между прочим остов барки, кокору».[48]

Здесь были приведены славянские статьи из ранних азбуковников (ГПБ О.XVI.1 и Погод. 1143), составленных во второй половине XVI в., а затем статьи из более позднего и обширного азбуковника, созданного на рубеже XVI—XVII вв. (ГПБ Погод. 1642). Подвижность состава азбуковников, как видим, проявилась со всей очевидностью. Особенно ощутима она в объяснительной части статей.

Принципиальный интерес имеет и состав литературных источников, которые указываются в ряде случаев при славянских статьях. Если иметь в виду два старших азбуковника, то основной материал в этом роде дает Азбуковник ГПБ Погод. 1143. Составитель этого словарного свода во многих случаях снял пометы о языковой принадлежности толкуемой лексики, данные в ГПБ О.XVI.1, приведя вместо них сведения о литературных источниках, откуда почерпнуты слова. В подавляющем числе случаев основой лексикографических наблюдений послужили тексты Писания и более всего евангельские:

абіе — Мѳ РГІ, Мр. КД; акриды, греч. слово, сопоставленное с прузи (пружіе) и саранча, — сице бо ся толкует во учителном еуглiи; то же слово — Мар. А; бичь — ИоЅ; брадовъ — Іван зач Ѕ; весь 'деревня' — Мар. КЕ, КЅ; витает — Лук НВ, вящи — Лук МВ; вечеря — Лук ОЅ; всяко — Лука ОЅ[49]; въступовь — Мр В; горушично — Мѳ НГ; достояніе — Лук ЗЕ; вертепъ — Мр. Н, Лук ЧИ. На евангельские чтения указывает и помета при слове белчюг — ндля а пос. Произвольники были извлечены также из текста Деяний апостолов и из апостольских посланий: выспрь — Деян Г; глезнѣ — Деян З; главотяжа —

[48] Там же, стб. 1284.

[49] Источник указан в Азбуковнике ГПБ Погод. 1648, приводимом в виде разночтений к данным Азбуковника ГПБ Погод. 1143.

Деян МВ; буистово — К *рим* РКЕ; верхуща — Кор РМА; всетечны — Тим СЧЕ; древле — К евр ТГ. В качестве источника славянских произвольников названы и некоторые библейские книги: бицмоги — Дани*л* Г, всякого рода мусикиина — Дани*л*; гробля — Iезе*к*; гроблю — Езекиль[50]; горнець — Сира*х*; въскую — Псло*м*; глумляхся — Пс. РМИ; то же слово — Пс. РИ; дебръ — Пс. РГ; балія — Црсв Д; вага — Г Цар. Произвольники — из учительной литературы: белегъ — Ио Дамас; борина — Григ амири*т*; весма — Ефре*м* ЧИ; восхлащеніе — Ефрем РИ; возбрежева — Сімео*н*; бе*з* щука — Лѣс S; водное сребро — Лѣс Д; выя — Лѣс И; возвуза — Гри бгос I; делва — Гри бгос; быраніе — Макси*м* Грек; гроздіе — Максим Грек. Славянские глоссы из устава скитского: бдѣніе — Устав S. Глоссы из Хронографа: близнятѣ — Црс *рим*; из Троянского сказания — витязь — Троя.

Разночтения в древних рукописях (и прежде всего в списках Писания) — лингвистический источник первостепенной важности. Этот источник нельзя обойти при изучении истории взаимодействия церковнославянского и русского языков. В то же время он является одним из наиболее объективных, или *достоверных*, при решении задач исторической лексикографии и лексикологии. Словарники Московской Руси так же, как и Юго-Западной Руси, вполне оценили его значение. Анализ разночтений в церковных книгах уже послужил объектом многих серьезных исследований, направленных, главным образом, на установление редакций Евангелия, Апостола, Псалтыри и т. д.[51] Историко-лингвистический подход к этому ма-

[50] Указание на источник дано в Азбуковнике ГПБ Погод. 1648.

[51] Воскресенский Гр. 1) Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV в. (Опыт исследования языка и текста славянского перевода Апостола по рукописям XII—XV вв.). М., 1879; 2) Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по 112 рукописям Евангелия XI—XVI вв. М., 1896; Евсеев И. Е. Книга пророка Исаи в древнеславянском переводе. СПб., 1897 и др. О новейших исследованиях перевода Евангелия см.: Жуковская Л. П. О переводах Евангелия на славянский язык и о «древнерусской редакции» славянского Евангелия. — В кн.: Славянское языкознание. Сб. статей под ред. В. В. Виноградова. М., 1959.

териалу проявлен в работах Л. П. Жуковской, обосновавшей важность сведений, которые в нем содержатся, для изучения процессов сложения русского литературного языка.[52] Славянские глоссы и развернутые толкования славянских слов в азбуковниках и других древних словарях не только дополняют историческую картину, но и дают живое восприятие материалов глазами современника, причем на разных этапах развития языка. Этот ценнейший материал пока используется исторической лексикографией лишь спорадически.

---

[52] См. особенно статью: Жуковская Л. П. Лексические варианты в древних славянских рукописях. — В кн.: Исследования по исторической лексикологии. М., 1964.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценивая словари как «одно из важнейших орудий нашей умственной и словесной культуры»,[1] М. П. Алексеев попытался вскрыть причины их неустаревания, «живучести»: «. . . одна из особенностей словарей — долголетие их существования и обращения среди читателей».[2] «Возраст жизни словаря, если под „жизнью" его понимать срок активного воздействия его на интересующегося им и обращающегося к нему читателя, едва ли сравним со всякой другой книгой подсобного характера. Справочники, имеющие дело с материальными вещами, стареют значительно быстрее, вместе с самими вещами, меняющими свой облик; ветшает и язык литературных произведений; живой организм художественного слова может частично или вовсе омертветь и способен оживать лишь в переводе или с помощью специальных истолкований и глоссариев. В то же время слова, из которых составлено такое произведение, продолжают свое нетленное существование в аккуратных столбцах строк, расположенных по алфавиту, и спокойно ожидают своей очереди — для возрождения или окончательного исчезновения».[3] Даже и в самых старых словарях не все слова окажутся архаическими и неупотребительными в живом языке.

В данной работе старинные словари рассматривались не в качестве справочников, а как научный источник. Поэтому лишь для удобства обоснования вывода о ценности сосредоточенных в них лингвистических сведений анализировались по преимуществу слова, сохранившиеся в современном литературном языке. Для исторической лексикографии и лексикологии, как понятно, существенны

---

[1] Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века, Л., 1968, с. 52.
[2] Там же, с. 51.
[3] Там же, с. 52.

не только они, а вся совокупность описанных в старинных словарях слов. Наиболее содержательны в этом смысле словари Московской Руси, называемые азбуковниками, или алфавитами иностранных речей. Анализ материалов такого рода связан с немалыми трудностями. В составе словарных сводов объединены словари разных периодов и разного назначения, а также глоссы и развернутые толкования, почерпнутые из переводной литературы, т. е. византийских, латинских, инославянских, западноевропейских и иных источников. Эти глоссы и интерполяции относятся к длительному периоду развития русской книжности (не менее, чем в пять или шесть веков). Они разнородны: в одних объяснениях слов и оборотов раскрываются средневековые символы, в других объяснены явления трудового и бытового обихода чужих стран, в третьих нашли отражение факты освоения русским языком славянизмов и т. д. Подобные материалы требуют исторической корректировки. Особое внимание приходится уделять определению словарного жанра и периода создания того или иного типа словарей. А. Карпов в свое время подошел к азбуковникам с позиций лексикографии нового времени, то есть оценил их извне, а не изнутри, и оценка оказалась искаженной. Увидев в азбуковниках слова, относящиеся к разным областям знаний, автор причислил азбуковники к разряду энциклопедий. (Этот вывод страдает прямолинейностью, но он надолго утвердился в научной литературе). Составив затем перечень наук (философия, зоология, минералогия, языкознание и т. д.) тот же автор выбрал из азбуковников соответствующие термины и пришел к выводу о неполноте собранных в них материалов.[4] Между тем лексикографы XVI—XVII вв. были далеки от тех целей, которые им приписаны. Их занимали иные проблемы, на раннем этапе тесно связанные с работами по переводу и исправлению церковных книг, поисков адекватных славянских эквивалентов к той массе иноязычных слов, которая в них содержалась. В результате в составе словарных сводов оказались слова из самых различных областей духовной, политической и экономической жизни человека. Ученые разных специальностей находят поэтому в них сведения по истории наук и ис-

---

[4] Карпов А. Азбуковники, или Алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1878.

кусств. Но азбуковники, как и старинные словари всех других типов в первую очередь — лингвистический источник. Без сомнения они должны быть названы среди памятников особо ценных для историко-лексикографических и историко-лексикологических исследований.

Привлечение текстов древних словарей в качестве научного источника требует, однако, трудоемкой текстологической разработки и понимания примененных в них словарных приемов. Во многих случаях то, что представляется нам очевидной ошибкой окажется лишь иным подходом к описанию слов (например, указание при слове на язык, с которого делался перевод или на язык оригинала памятника, а не помета о реальной принадлежности слова к тому или иному языку).

Весьма важен и сравнительный анализ списков каждого словаря, так как при копировании постоянно возникали ошибки из-за смещения словарных статей (пропуск толкования или толкуемого слова, при котором объяснение, данное одному слову, оказывается соотнесенным с другим). Использование отдельных списков при отсутствии показаний других всегда сопряжено с опасностью принять случайную описку за подлинное свидетельство лексикографического текста.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Людмила Степановна Ковтун

Древние словари как источник русской исторической лексикологии

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства Г. А. Щербакова

Художник Д. С. Данилов

Технический редактор М. Н. Кондратьева

Корректоры Н. В. Лихарева и Т. Г. Эдельман

Сдано в набор 16/XII 1975 г. Подписано к печати 21/III 1977 г. Формат 84×108[1]/[32]. Бумага № 3. Печ. л. 3,5 = 5,88 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 6,35. Изд. № 6153. Тип. зак. № 836. М-16746. Тираж 7000. *Цена 43 коп.*

Ленинградское отделение издательства «Наука». 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12